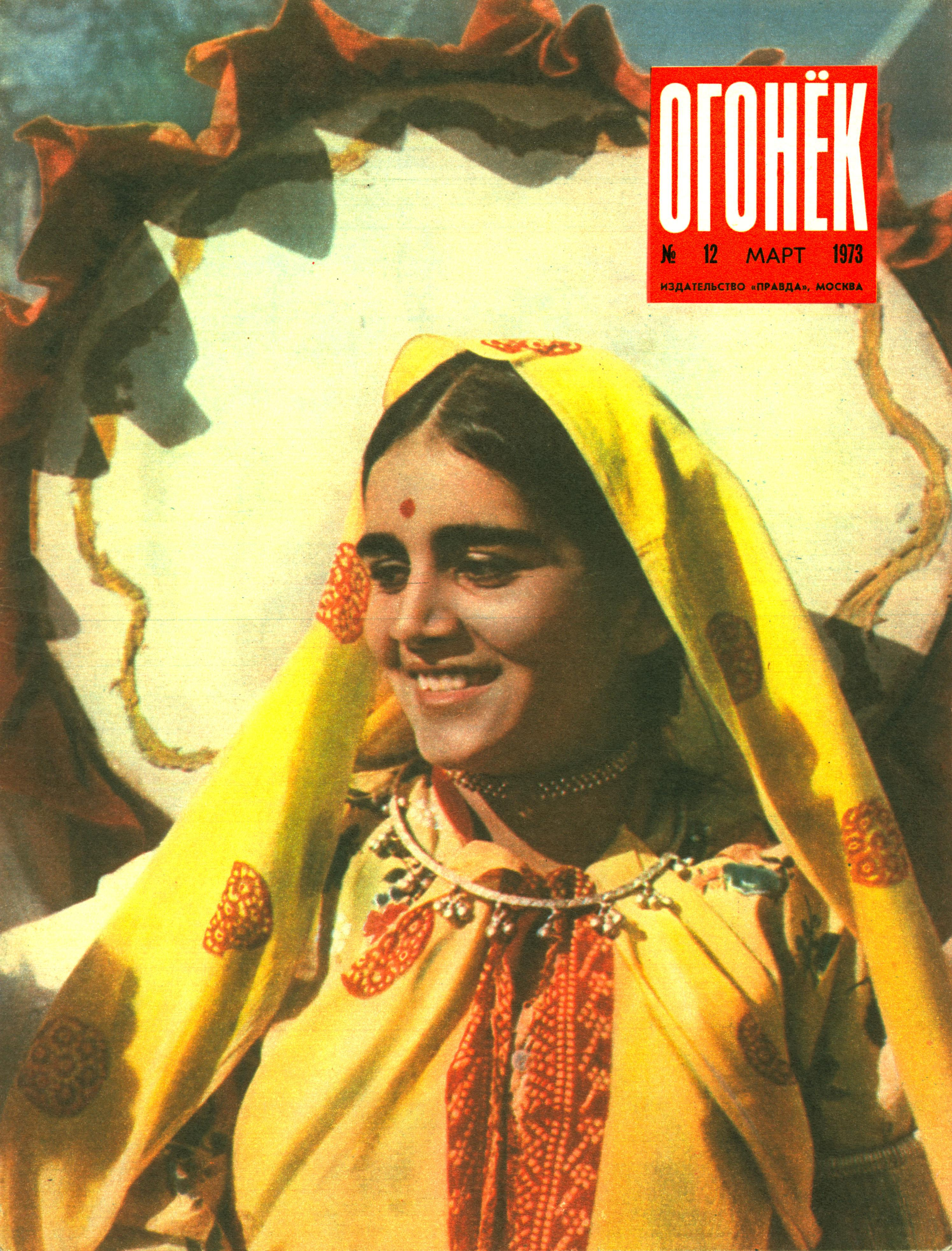

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Водолаз Александр Крюков. Его рабочее место — река Тавда.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» ВЕДУТ РЕПОРТАЖ С ПУСКОВОЙ СТРОЙКИ ТРЕТЬЕГО, РЕШАЮЩЕГО

ОГОНЁК
Основан 1 апреля 1923 года
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 12 (2385)
17 МАРТА 1973

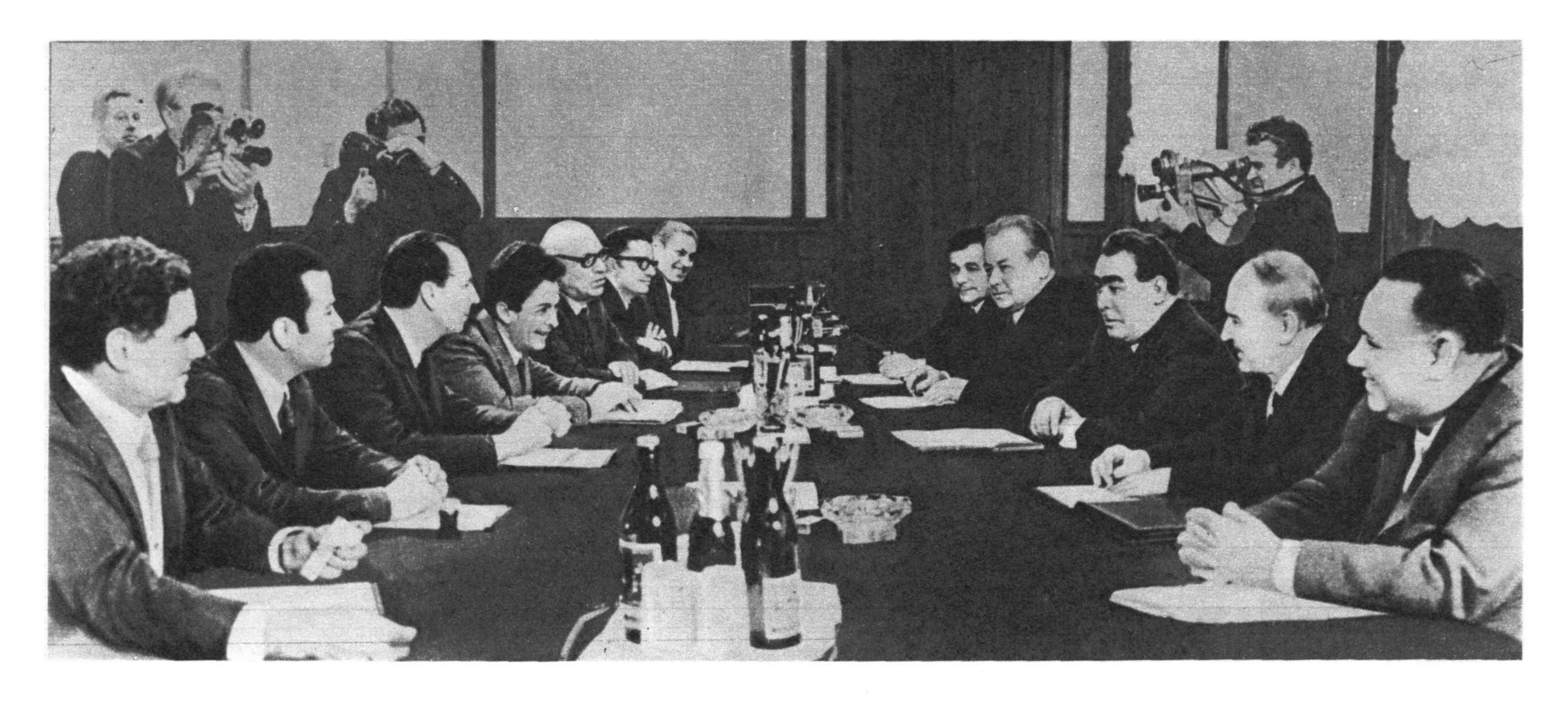

АССА Й НЕ БЫВАЕТ

Ю. ЛУШИН,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

В Усть-Тавде Цветков появился в один из тех октябрьских вечеров, когда осень уже была далеко не золотая и отнюдь не ласковая. Она осыпала его мельчайшим холодным душем и насквозь пронизывала свирепым ветром, пока он отыскивал в городке строителей трассы свой вагончик. Ноги разъезжались по маслянистой тюменской грязи, которая щедро заливала его туфли. Цветков чертыхался, ругал себя за пижонство и жалел, что сразу же

Продолжение см. на стр. 4—5.

ДЕЛЕГАЦИЯ ИКП В МОСКВЕ

12 марта в Кремле начались переговоры между делегацией КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и делегацией Итальянской коммунистической партии во главе с Генеральным секретарем ИКП Э. Берлингуэром.

В состав делегации КПСС входят: член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, главный редактор газеты «Правда» М. В. Зимянин, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин.

В состав делегации ИКП входят: член Руководства и Политбюро ИКП А. Новелла, член Руководства ИКП Д. Чераволо, члены ЦК ИКП С. Сегре, Л. Паволини, А. Рубби и Р. Тривелли, член Секретариата Римской федерации ИКП Ф. Приско.

В переговорах принял участие член Центральной ревизионной комиссии КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. Хрупова.

Во время беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с премьер-министром и министром обороны НДРЙ Али Насером Мухаммедом.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

В ИНТЕРЕСАХ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

С 6 по 8 марта 1973 года в Советском Союзе находилась с дружественным визитом правительственная делегация Народной Демократической Республики Йемен во главе с премьер-министром и министром обороны Али Насером Мухаммедом.

Премьер-министр и министр обороны НДРЙ Али Насер Мухаммед был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

А. Н. Мухаммед и сопровождающие его лица имели встречи и беседы с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым, министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А. А. Гречко, председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачковым.

В ходе встреч и бесед, проходивших в теплой, дружественной обстановке, были обсуждены вопросы состояния и дальнейшего развития двусторонних отношений, а также актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес. Особое внимание было уделено положению на Ближнем Востоке и складывающейся обстановке на юге Аравии.

УРОЖАЮ ТРЕТЬЕГО, РЕШАЮЩЕГО

Каким быть урожаю третьего, решающего года пятилетки? Ответ на этот вопрос зависит не только от тружеников полей — немалый спрос за него и с коллективов предприятий, производящих минеральные удобрения. Как добиться увеличения выпуска этой важнейшей продукции, повысить ее качество, уменьшить затраты? Где искать резервы, чтобы с честью выполнить задачу, поставленную страной перед химиками?

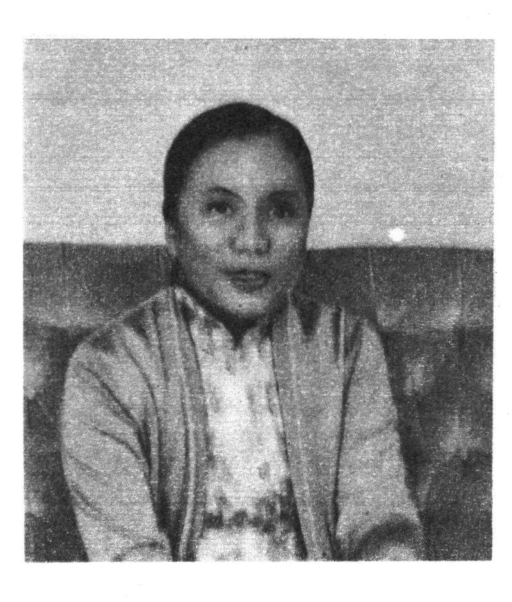
Эти вопросы обсуждались на состоявшемся в Москве совещании актива работников промышленности минеральных удобрений. О задачах отрасли говорил в своем докладе министр химической промышленности СССР Л. А. Костандов.

На совещании с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко. В работе совещания приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков и Н. А. Тихонов, заведующие отделами ЦК КПСС, министры СССР.

Участники совещания выразили уверенность, что партийные организации химических предприятий, строек, министерств и ведомств, работники смежных отраслей сделают все, чтобы труженики села получили больше «витаминов плодородия».

Участники совещания приняли письмо Центральному Комитету КПСС и Совету Министров СССР.

●

Указом Президиума Верховного Совета СССР видная общественная деятельница, министр иностранных дел Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Нгуен Тхи Бинь награждена орденом Дружбы народов. Этой награды Нгуен Тхи Бинь удостоена за большие заслуги в деле укрепления международной солидарности прогрессивных, демократических и миролюбивых сил, плодотворную деятельность по обеспечению мира во Вьетнаме и сплочению патриотических сил Южного Вьетнама и в связи с Международным женским днем 8 Марта.

НАКАЛ БОРЬБЫ НАРАСТАЕТ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Виталий КОРИОНОВ

Сводки... Да, сообщения, поступающие ныне с фронтов классовой борьбы в странах капитала, напоминают военные сводки.

Около 14 миллионов человек участвовало в конце прошлого месяца фактически во всеобщей забастовке, охватившей Италию. А в предыдущем месяце в этой стране в результате забастовок было потеряно 23 410 000 рабочих часов — почти в четыре раза больше, чем в том же месяце прошлого года. Профсоюзы Англии, насчитывающие в своих рядах 10 миллионов человек, решительно отвергли правительственную программу «замораживания» заработной платы и заявили о решимости провести однодневную общенациональную забастовку. В Японии, где еще предстоят массовые весенние выступления трудящихся, только что закончилась 12-часовая всеобщая забастовка рабочих и служащих государственных предприятий, в которой приняли участие свыше 2 миллионов человек.

Железнодорожники, рабочие метро, учителя, моряки, кондитеры, водители автобусов — да разве можно перечислить хотя бы даже профессии трудящихся, участвующих в забастовочной борьбе в эти дни в странах капиталистического мира!

Эти цифры и факты — одно из красноречивых свидетельств того, что социально-политические кризисы в странах капитала обостряются. Общий кризис капитализма продолжает углубляться. Все государственно-монополистическое развитие ведет к обострению противоречий капитализма, к подъему антимонополистической борьбы.

Развертывающиеся в настоящее время крупные выступления рабочего класса, трудящихся масс являются, по существу, предвестниками новых классовых боев, которые могут привести к фундаментальным общественным преобразованиям, к установлению власти рабочего класса в союзе с другими слоями трудящихся.

«В капиталистическом мире, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи на XV съезде профсоюзов СССР, — происходит мощный подъем рабочего движения. В ряде стран оно стало крупнейшим фактором общественно-политической жизни. В развернувшихся классовых боях все заметнее видна тенденция, на которую своевременно обратили внимание коммунисты, а именно перерастание экономической борьбы в выступления против всей системы государственно-монополистического господства».

Если присмотреться к рабочему движению в капиталистических странах, то нетрудно заметить, что на современном этапе ему присущи новые характерные черты.

Из года в год нарастает массовость забастовок. В 1970 году в странах капитала бастовало 45 миллионов человек, в 1971 году — 48 миллионов, лишь в первом полугодии 1972 года — 25 миллионов человек.

Забастовки все чаще становятся всеобщими и общенациональными. Более того, антимонополистическая борьба трудящихся выходит за национальные границы, о чем свидетельствуют, например, выступления рабочих ряда стран Западной Европы против так называемых наднациональных монополистических конгломератов, в которых главную роль играют американские монополии.

Как известно, в прошлом году «Общий рынок» расширился: в него вступили еще три страны — Англия, Дания и Ирландия. Профсоюзы стран Западной Европы ответили на этот ход «Европы трестов» консолидацией своих рядов. В прошлом месяце в Брюсселе состоялся учредительный съезд нового профсоюзного объединения, получившего название Европейской конфедерации профсоюзов. В нее вошли 17 профцентров из 14 западноевропейских стран.

Стачечные выступления становятся все более организованными. Постепенно пробивает себе дорогу стремление к сближению и единству действий профсоюзов, стоящих на различных идеологических позициях. В антимонополистической борьбе теперь наряду с рабочими активно участвуют непролетарские слои: крестьянство, служащие, студенчество, различные группы интеллигенции, средние слои города.

Нарастает волна забастовок протеста против антирабочего законодательства. Рабочие и другие слои трудящихся все настойчивее требуют осуществить национализацию ключевых отраслей индустрии, ограничить власть монополий, предоставить рабочим определенную роль в управлении производством и т. д.

Еще более важно то, что в выступлениях рабочего класса все отчетливее прощупывается пульс политических требований. Острие забастовочной борьбы чаще и чаще обращается против империалистической политики агрессии и войны. Международный характер приобрели забастовки протеста против американской агрессии в районе Индокитая. Участники забастовок в Англии выдвигают не просто экономические требования, нет, они выступают против всей политики правительства консерваторов, против всевластия монополий, против присоединения страны к «Общему рынку». Борьба против японо-американского «договора безопасности», против программы перевооружения страны — вот одна из главных побудительных причин единых действий японских трудящихся. Когда бастуют итальянские рабочие, они требуют не просто прибавки к заработной плате, нет, они выступают против политики правящих кругов, привязавших Италию к колеснице агрессивного блока НАТО, чьи военные базы — американские — все бесцеремоннее размещаются на территории этой страны.

События первых месяцев 1973 года вновь подтвердили: накал классовых боев в странах капитала усиливается. Рабочий класс вновь и вновь подтверждает, что именно он был и остается ведущей силой в борьбе за полное освобождение трудящихся от гнета капитала.

Кочующее зимовье.

ТРАССА

ЛЕГКОЙ НЕ БЫВАЕТ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

не надел сапоги. Бригада приехала вместе с ним, и теперь, с веселым гамом занимая свои места, ребята на ходу узнавали от «старичков» новости трассы. Разумеется, им уже раньше было известно, что нефтепровод с диаметром трубы 1 220 миллиметров еще никем и никогда не прокладывался на расстояние свыше двух тысяч километров (именно такой путь покроет магистраль Самотлор — Курган — Уфа — Альметьевск), а это, что ни говори, наполняло их сердца гордостью первооткрывателей. Здесь, на месте, выяснилось и кое-что новое.

Вся трасса впервые в практике строительства разбивалась на отрезки — потоки, на каждом из которых должен выполняться полный комплекс работ— от нулевого цикла до изоляции трубопровода, испытания и сдачи его в эксплуатацию. Им достался 12-й поток — всего пятьдесят километров трассы, но Цветков знал, что эти полсотни километров станут для него на ближайшие месяцы и судьбой, и жизнью, и мечтой. Он увидит, как последний лист упадет с дерева, как первая пороша выбелит землю, как снова проснутся деревья и покроются новой зеленью. К этому времени, где-то во втором квартале третьего года пятилетки, они должны по плану сдать свой участок трассы. А может, сумеют раньше! Впрочем, рано об этом, подумал он. И потом, что значит всего пятьдесят! Завтра посмотрим, что это за трасса...

А наутро ударил первый морозец, и, словно по мановению волшебной палочки, дождь превратился в снег.

Цветков молча продирался сквозь мелкий кустарник вдоль будущей трассы. Пока не кончился высокий березняк, идти было относительно легко, но потом под ногами все чаще стала хлюпать вода, и в одном месте он едва не ухнул по пояс в черную жижу. На сухой кочке развернул карту и понял, что находится у начала Бачкунских болот, вставших сплошной одиннадцатикилометровой лентой на пути трассы. Летом они совершенно непроходимы. Да и на всем-то отрезке едва бы набралось километра два пашни, а остальное — тайга, болота, озера и пойма реки Тавды. Над болотом поднимался туман. Цветков долго смотрел на болото и подумал вслух:

— Тут помощь потребуется...

— Чья же это, Василий Павлович!— живо откликнулся его спутник, начальник участка Михаил Иванович Пахомов, не первый год знавший Цветкова и его ревнивое отношение ко всяческим предложениям помощи.

— Деда Мороза,— невесело усмехнулся Цветков, хотя в тот момент ему было не до шуток.— По этим болотам, пока их не скует настоящий крепкий мороз, не то что тяжелая техника—человек не пройдет.

Впрочем, Пахомову доказывать эту истину было тоже незачем.

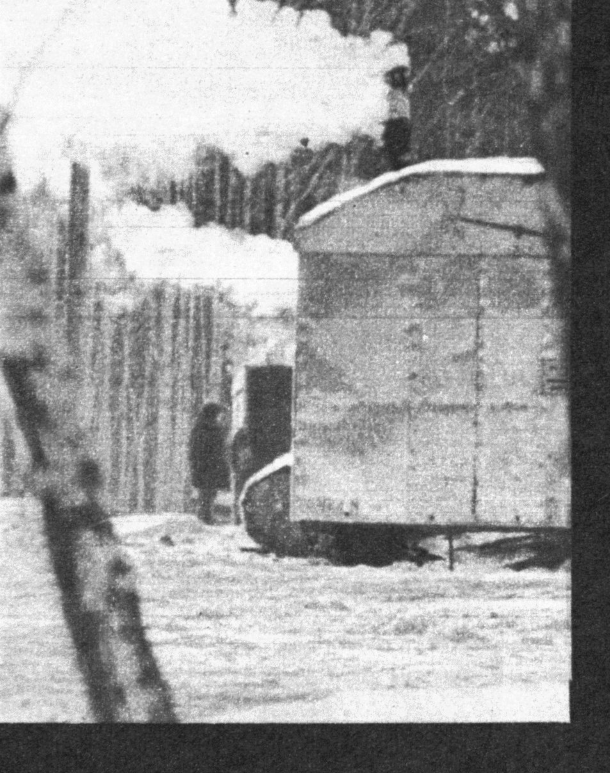
Помощь Деда Мороза долго себя ждать не заставила. Уже в ноябре ударили морозы — за тридцать. Ночью

Бригадир изолировочной мехколонны Юрий Шеков.

На участке бригады В. П. Цветкова.

столбик ртути падал еще ниже. Деревья в лесу стонали и лопались с гулким звуком выстрела. Люди повеселели, потому что болота начали промерзать и пошла настоящая работа, от которой в любую погоду жарко. Первыми двинулись в наступление бульдозеры. Проделав широкую просеку, они тщательно утюжили землю, срезая кочки и неровности почвы, чтобы по образовавшейся дороге смогли пройти трубовозы с длинными, тридцатишестиметровыми плетями труб. Тут их хозяевами становились сварщики, соединявшие плети в сплошную, неразрывную нить. Одновременно вдоль нити экскаваторы выкапывали на всем ее протяжении глубокую траншею, и только тут наступала наконец очередь парней из бригады Цветкова. Им предстояло выполнить самую важную, быть может, часть работы — заизолировать трубопровод и уложить его в траншею.

Впрочем, на практике схема оказалась куда сложнее. Трасса то и дело показывала свой характер. Каждый ее километр не походил на следующий, хотя на первый взгляд и там и тут были тайга или болото. Мороз делал свое и доброе и недоброе дело. Ломались по его милости ковши экскаваторов, выходили из строя машины, не выдерживала сталь, остывший битум не хотел выливаться из битумовозов, рвался изолировочный стеклохолст. Там, где не предвиделось никаких сложностей, вдруг оказывалась непроходимая трясина. Приходилось слой за слоем выбирать жидкий торф, намораживать дорогу и устраивать лежневое основание из поваленных деревьев. Но колонна безостановочно двигалась и двигалась к цели, оставляя за собой первые тысячи метров изолированного трубопровода. По плану нужно было ежедневно изолировать четыреста метров, но бригада Цветкова еще ни разу не опускалась до этой отметки, перевыполняя свою норму в полтора-два раза.

В январе тяжкой заботой навалились на трассу Бачкунские болота. Чувствовал сердцем Цветков, что немало нервов попортят они бригаде. Но вопреки опасениям темпы работ не только не замедлились, а еще и ускорились. Сказались тщательная подготовка и моральный настрой бригады. На трассу выезжали затемно и с темнотой же возвращались. Для того, чтобы сэкономить время на запуске механизмов, двигатели на ночь не глушили (подсчитали, что потеря времени на разогрев и запуск по утрам обходится много дороже, чем непрерывная работа моторов). Это новшество получило широкую известность и распространение на всей трассе.

Январские морозы превзошли все ожидания. В один из дней температура упала до минус 48. Ни одна бригада не работала... кроме бригады Цветкова. Они выехали на трассу словно в самый обычный день и, как всегда, дали свою двойную норму. Тогда на 12-й поток пожаловала целая делегация ОТК во главе с главным контролером трассы. Однако самая тщательная проверка показала, что изоляция, несмотря на запретную погоду, сработана «на отлично». Бригада Цветкова явно шла на рекорд. Еще никому на трассе не удалось изолировать свыше десяти километров трубопровода за месяц. А они уже открыли счет девятой тысяче метров, и еще оставалось несколько дней в запасе. Вот тут и проявилось коварство болот, которого так опасался Цветков и которое едва не свело на нет достижения столь успешно начатого месяца...

Тот день начался вполне пристойно. Армада трубоукладчиков, очистная и изолировочная машины, гудронаторы в размеренном темпе метр за метром двигались вдоль трубы, покрывая ее надежной броней изоляции. И вдруг движение разом застопорилось. Цветков понял, что это не обычная техническая заминка. Он видел, как резко качнулась вниз вся огромной тяжести нить трубы, но трубоукладчики сумели ее удержать, только один из них, в центре колонны, как-то неожиданно легко, даже с какой-то охотой прямо на глазах уходил в землю. И ничего нельзя было сделать, ничем помочь. Машинист Александр Барков только и успел, что выпустить побольше троса, чтобы машина своей тяжестью не повисла на трубе, и отбежал от нее. Твердая корка почвы, промороженная всего на тридцать — сорок сантиметров, не выдержала и проломилась. К счастью, доступ к увязшей почти на три метра машине остался, двигатель не заглох. Потеряв два дня на спасательные работы и ремонт дороги, бригада тем не менее установила в январе рекорд трассы, изолировав двенадцать километров нефтепровода.

Гигантской гусеницей-стоножкой движется вдоль трубы мехколонна. По обочине трассы в длиннополом брезентовом плаще, щедро заляпанном битумом, шагает Цветков. В своем одеянии он странно похож на пастуха диковинных железных животных, созданных руками и разумом человека. «Животные» изрыгали грохот и пламя, так что по трубе шел стон и гул. Земля от их многотонной тяжести лопалась, и из трещин вырывались тоненькие струйки пара. Я все ждал, что случится что-то необычное. Только вчера на общем собрании единодушно приняли поразительно смелый план — изолировать за февраль восемнадцать километров трубы. А весь участок нефтепровода уже к апрелю заполнить нефтью. Но ни суеты, ни спешки сегодня в их действиях не замечалось. Все шло обычно, только, может, чуть внимательней и собранней были машинисты трубоукладчиков Анатолий Щербаков и Николай Кузнецов, быстрее обычного привозил битум шофер гудронатора Валентин Алексюк, да как-то особенно лихо приводил в действие свою гремящую очистную машину Анатолий Золотухин. И еще неразговорчивее стал бригадир Василий Павлович Цветков. Наверное, как раз в этой обычности проявлялись, если присмотреться, умение и сноровка больших мастеров своего дела.

Еду на мощном «Уральце» туда, где еще только пробивают просеку для трубопровода. Размышляю...

Скоро, очень скоро сибирская нефть придет в Европу, вольется в магистраль «Дружба» и пересечет границу СССР. Тюменцы в нынешнем году собираются увеличить ее добычу почти на 24 миллиона тонн, и сейчас на трассе работают около пяти тысяч человек из двадцати пяти городов страны. По техническим нормам нефтепровод должен сооружаться четыре года. Он будет построен за 15 месяцев! Цель у всех одна: ввести его в строй уже в мае решающего года пятилетки. Я видел труд строителей трассы. Без малейшей натяжки можно сказать: это настоящий подвиг,— но сейчас самое время, как мне кажется, поговорить вот о чем. Я много слышал о великолепной мощной технике, которая работает на трассе. Но эти действительно мощные трубоукладчики при всем желании великолепными назвать нельзя. На них нет кабин (никаких!), и машинист вынужден целый день сидеть за рычагами на сорокаградусном морозе, подставленный всем семи ветрам. Говорят, что кабины не положены по технике безопасности. Не знаю, кто придумал эти мудреные правила и в какие незапамятные времена, только сами машинисты в один голос твердят: нам было бы удобнее и безопаснее работать в теплой кабине. Оставляет желать лучшего изолировочная машина, разработанная московским специальным конструкторским бюро «Газстроймашина» и его филиалом в Ленинграде. Из-за несовершенства конструкций узлов часты поломки, почти шестая часть битума вытекает на землю и теряется безвозвратно. Этим же бюро разработаны битумные котлы большей емкости, чем ранее выпускавшиеся. Но прежние были полностью механизированы — от загрузки до перемешивания и вылива битума. В новых же вся механизация... сведена к ручному труду. Непонятно, к чему же такие новшества?

Я говорю об этом потому, что нефтепровод Самотлор — Курган — Уфа — Альметьевск не первый и не последний на советской земле. Нам еще осваивать и осваивать и Север и другие районы страны. Так давайте же будем осваивать их с меньшими затратами сил и нервов, с большей эффективностью, которую должна обеспечить стройкам действительно великолепная техника.

...Дорога раскачивает «Уралец», как на волнах. На переднем крае трассы она еще не накатана. Тут мощные бульдозеры подминают под себя березы, готовя плацдарм для дальнейшего броска вперед. До него мы так и не доехали. Передние колеса машины вдруг плавно ушли под снег, ухнули вниз, и из-под них пробрызнула черная болотная жижа. Вспомнилось, как Цветков обронил в разговоре:

— Легкой трасса не бывает...

Герой Социалистического Труда Василий Павлович Цветков.

БОЛЬШАЯ ШКОЛА МАЛЕНЬКОГО МУЗЕЯ

Сколько народу побывало в Музее I съезда РСДРП за пятьдесят лет его существования, теперь не подсчитать. Известно, что год от года поток все больше и больше. В 1966 году музей принял 69 тысяч посетителей, в 70-м — 174 тысячи, а в 72-м — 229 тысяч. Сейчас, когда отмечается 75-летие I съезда РСДРП, маленький деревянный домик в центре Минска все время заполнен людьми. Экскурсии со всех концов страны, гости белорусской столицы, зарубежные туристы... Особенно много молодежи. Для молодых минчан музей не только своеобразное пособие в изучении истории Родины и Коммунистической партии, но и школа формирования зрелости, навыков исследовательской и пропагандистской работы. Десятки студентов Белорусского государственного университета и педагогического института иностранных языков во время каникул выступают тут в роли экскурсоводов. Школьники пробуют силы в исторических изысканиях. Девятиклассники 19-й школы подготовили к 75-летию I съезда сообщения на темы: «Историческая обстановка в России в конце XIX века», «Подготовка I съезда партии», «Делегаты, работа съезда, его манифест», «Оценка В. И. Лениным I съезда РСДРП». В музее проходят встречи с ветеранами революции, вручаются комсомольские билеты, ребят принимают в пионеры.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.
Фото А. Мызникова.

●

НАСЛЕДНИКИ КОММУНЫ

Стена коммунаров на кладбище Пер-Лашез, где были расстреляны последние защитники Коммуны.

Сюда приходят премьер-министры и школьники, всемирно известные ученые и солдаты, рабочие и крестьяне. Приходят почтить память, священную память защитников Парижской коммуны, павших в неравной схватке в последней битве здесь, у восточной стены парижского кладбища Пер-Лашез. Их братской могиле у этих стен вот уже сто два года. Она стала одной из святынь международного рабочего движения.

Почти сто лет в дни юбилеев той «кровавой недели» по весне, когда была потоплена в крови Парижская коммуна, и в дни рабочих праздников и манифестаций сюда приходят тысячи парижан, приходит трудовой, демократический, свободолюбивый Париж, пронесший годы и горе, бури и победы, верность всем идеалам, за которые боролись и отдали свои жизни герои Парижской коммуны.

Ныне наследники парижских коммунаров — борцы многотысячной армии французских трудящихся, выступающих за неотъемлемые права трудового народа. Среди них всегда в первых рядах труженики «Рено» — гарнизон «рабочей цитадели». Так называют во Франции парижские автозаводы, расположенные в пригороде Булонь-Бийанкур.

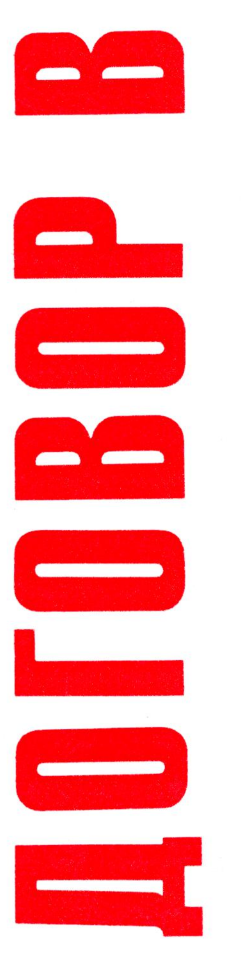
Я узнаю в колоннах демонстрантов за транспарантами «Рено» ветеранов предвоенного Народного фронта, поседевших героев антифашистского Сопротивления, молодых борцов, юных рабочих, членов заводской организации движения коммунистической молодежи. Наследники Коммуны сегодня имеют то, чего недоставало Парижской коммуне,— у них есть мощная партия трудового народа — Коммунистическая партия Франции, созданная в 1920 году. Одним из ее основателей был Марсель Кашен, который похоронен здесь же, на кладбище Пер-Лашез. Коммунистическая партия обогатила революционные традиции трудового народа Франции опытом и идеями марксизма-ленинизма. Она ведет его на штурм бастионов капитала.

Г. БОРИСОВ

Париж, март, по телефону.

18 МАРТА — 25 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ БОЛГАРИЕЙ.

ДОГОВОР В ДЕЙСТВИИ

Геннадий КОПОСОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Габрово — Тюмень, Кремиковцы — Кослан, Белово — Малин. Таких маршрутов нет ни в туристских проспектах, ни в расписаниях поездов или самолетов. Эти маршруты дружбы появились на карте, как и многие другие, за годы действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским

Как гигантские грибы, стоят конусные ловушки комбината. Проектировщики создали совершенную технологию, а архитекторы— современные формы.

Союзом и Народной Республикой Болгарией.

Флагман нефтяной и газовой промышленности Сибири Тюмень и Габрово... Между ними тысячи километров. Близ Тюмени на строительстве нефтепровода я видел, как строители распаковывали аккуратные рулоны стеклоткани, которой изолируют трубы. На рулонах таблички: «Сделано в Болгарии, город Габрово». Построят эту нефтяную реку, и еще больше советской нефти пойдет в Болгарию и другие социалистические страны.

На Кремиковском металлургическом комбинате я познакомился с болгарским строителем Димитром Димитровым. Мы стояли на крыше строящегося цеха холодного проката, рядом с нами краны проносили многотонные конструкции, гудели сварочные аппараты, а Димитр говорил о маленькой железнодорожной станции Кослан, затерявшейся в мезенской тайге в Коми АССР. Там организовывался болгарский леспромхоз, и мой собеседник собирался работать в этом леспромхозе.

Примерно в это же время готовился отправиться в путь из небольшого украинского города Малина Сергей Оборский — специалист с местной бумажной фабрики. Его ждали в болгарском городе Белово, где советские специалисты помогали строить бумажный комбинат. Ленинградцы разработали проект и изготовили часть оборудования, другие машины поступили из Харькова, Кинешмы, Ташкента. И вот недавно комбинат тонких технических бумаг имени Димитра Благоева дал первую продукцию.

Моим гидом на комбинате была Маргарита Панева — начальник ОТК и руководитель клуба болгаро-советской дружбы.

Стоян Вучев и Владимир Росохацкий, Иван Стоилков и Сергей Оборский, Иван Ломако и Иордан Вакарелский, Петр Свиницкий и Такворян — советские и болгарские специалисты вместе строили комбинат.

ХОЗЯИН ВОЕННОГО НЕБА

Солнечным июньским днем в небе над рекой Прут появились два новейших по тем временам истребителя «МИГ-3».

С чужого берега ударили зенитки. Навстречу «МИГам» потянулись трассы снарядов. Но летчики забрались высоко — не достать... И тут слева, почти на той же высоте, появились пять «мессершмиттов». Пришлось принимать бой.

В небе, среди редких облаков, закружилась карусель — каждый пилот старался выбрать подходящую позицию, чтобы поразить противника. Вдруг ведущий советской пары заметил: в хвост его ведомого пристроился «мессер». Вот-вот собьет! Ведущий бросил свою машину в крутое пике, потом резко рванул вверх и полоснул длинной очередью по брюху вражеского истребителя. «Мессершмитт», охваченный пламенем, рухнул вниз.

Случилось это в самые первые дни Великой Отечественной. Пилота ведущего советского «МИГа» звали Александр Иванович Покрышкин. А сбитый в тот день «мессершмитт» открыл счет пятидесяти девяти вражеским самолетам, которые трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин уничтожил в воздушных боях...

Профессия летчика требует безупречной отваги, железного хладнокровия, невозмутимого спокойствия в любой критической обстановке. Всего этого у Александра Ивановича Покрышкина в избытке.

Но есть и большее: умение в считанные секунды, в те самые секунды, которые отделяют сближение с противником от атаки, оценить ситуацию, составить план боя и в точности выполнить этот план. И еще — предвосхитить принятое врагом решение и опровергнуть его.

Все это сделало Александра Ивановича Покрышкина истинной грозой вражеской авиации, истинным асом воздуха, которого президент США Рузвельт назвал лучшим авиатором союзных армий.

Ныне трижды Герою Советского Союза, маршалу авиации А. И. Покрышкину исполнилось шестьдесят лет. К его многочисленным наградам прибавился высокий орден Октябрьской Революции. А. И. Покрышкин и сейчас продолжает службу: он председатель ЦК ДОСААФ. Каждый советский летчик — делающий первые шаги в небе и опытный воздушный ас, летающий на сверхзвуковых машинах,— мечтает быть таким, как летчик Покрышкин.

Генеральный секретарь ФКП Жорж Марше (слева) беседует с представителями социалистической партии и движения левых радикалов после того, как стали известны первые результаты выборов.

Телефото ТАСС.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА» ПО ТЕЛЕФОНУ ИЗ ПАРИЖА

ПЯТЫЕ ВЫБОРЫ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Борис ГУРНОВ

Во Франции парламент выбирается дважды, в два тура. С интервалом в неделю, 4 и 11 марта, проходили выборы в пятый парламент Пятой республики и на этот раз. По случаю выборов французские телезрители целый месяц лишались по вечерам и без того довольно скромного права выбора телевизионных программ — по всем трем каналам местного телевидения шли передачи предвыборных выступлений представителей политических партий. Выборами были полны газеты и журналы, ими начинались, кончались и прерывались радио- и телепередачи не только по вечерам, но и в течение дня. На улицах, под дверьми квартир, под стеклоочистителями автомашин постоянно появлялись пестрые листовки с одним и тем же призывом «Голосуйте! Голосуйте! Голосуйте!».

На 490 депутатских мест Национального собрания Франции различные партии и группировки выдвинули 3 192 кандидата. В ожесточении полемических схваток кое-кто так перехватывал через край, что в дело включались юристы, чтобы восстановить истину. Накануне второго тура выборов очередной пропагандистский плакат выдвигал никому в политических кругах не известную, рядовую избирательницу четырнадцатого района Парижа. Мари-Жозе На вдруг увидела свою фотографию в качестве символа счастливого материнства на плакате партий правящего большинства, в то время как она сама активно выступала в поддержку совместной правительственной программы левых сил.

Эта программа и достигнутое на ее основе не тактическое и не временное, лишь на период выборов, а прочное соглашение об единстве левых сил были основным политическим фактором, вокруг которого шла борьба на нынешних выборах во Франции. Поэтому над казавшимся прочным парламентским большинством блока правящих партий нависла реальная угроза поражения.

«Жить лучше, изменить жизнь!» — эта первая фраза совместной правительственной программы, подписанной представителями партий коммунистов, социалистов и движения левых радикалов, указала цель, которую поставили перед собой руководители блока левых сил, предложивших французам политику, основанную на принципах демократии, социального прогресса и разрядки международной напряженности. Совместная правительственная программа предусматривала конкретный план демократизации экономики и политических институтов страны, план проведения социальных мероприятий, в том числе повышение минимума заработной платы и снижение пенсионного возраста, план внешней политики страны, основанной на отказе от системы противостояния военных блоков, на принципах мирного сотрудничества со всеми государствами.

Поддержка совместной правительственной программы широкими слоями народа, вселившая уверенность в ряды левых сил, вызвала в то же самое время тревогу, растерянность в рядах буржуазных партий.

Неправы оказались те, кто предполагал, что по случаю первых в этом году теплых, солнечных, воскресных дней французы, позабыв о гражданском долге, предпочтут участию в выборах поездку на лоно природы. Явка избирателей (81,8 процента) была рекордной за все послевоенные годы. В то же время почти полностью подтвердились цифры социологических «зондажей» общественного мнения, проводившихся перед выборами, показав падение престижа партий прежнего парламентского большинства и рост влияния левых сил. В результате выборов в новом Национальном собрании более чем вдвое увеличилось количество депутатов коммунистической партии, значительно больше своих депутатов провели социалисты. Почти сто депутатских мест потеряли партии правящей коалиции. 46 процентов голосов получили в целом по стране в результате первого тура представители блока левых сил. Лишь 36 процентов смогли насчитать представители партий правящего большинства. И все же они продолжают не только называться, но и оставаться в большинстве. Как же это получилось?

Так же, как случалось уже неоднократно в прошлом со времени введения в 1958 году так называемой мажоритарной избирательной системы, фактически искажающей волю избирателей, позволяющей отдельной политической группировке захватывать в Национальном собрании подавляющее большинство депутатских мест, явно не соответствующее количеству голосов, поданных за кандидатов этой группировки во время голосования.

До 1958 года во Франции существовала пропорциональная избирательная система, при которой подсчитывались голоса, поданные за представителей той или иной партии в целом по всей стране, и в зависимости от этого пропорционально проценту полученных ее голосов, каждая партия получала соответствующий процент депутатских мест в Национальном собрании. По новой системе от каждого из 490 избирательных округов избирается один депутат, который должен получить либо абсолютное большинство в первом туре голосования, либо относительное во втором. В счет идут только его голоса. Голоса же, поданные за представителей всех других партий, фактически пропадают. В результате, набрав пятую часть голосов на предыдущих выборах, представители Коммунистической партии Франции имели в прошлом составе Национального собрания лишь 34 депутата, то есть менее десятой части. На выборах же в 1967 году случилась еще более разительная несправедливость. Левые партии и их сторонники собрали на миллион триста тысяч голосов больше, чем ЮДР и ее союзники, а получили не только не больше, а даже на 50 депутатских мест меньше, чем оказавшаяся в меньшинстве на выборах, но в большинстве в парламенте правящая группировка.

Хотя левым силам и не удалось добиться решительного изменения соотношения сил в Национальном собрании Франции, результаты выборов, как отмечает товарищ Жорж Марше, являются их большим успехом. Помимо того, что социалисты и в особенности коммунисты значительно увеличили количество своих депутатов, ход выборов и в особенности первый тур до того, как буржуазными партиями была пущена в ход машина откровенных политических комбинаций, доказал, что левые силы пользуются в стране большими симпатиями, чем блок партий правящего большинства, сохранившего, несмотря на потери, в своих руках рычаги власти.

В залах Академии художеств СССР открылась вторая Международная выставка «Сатира в борьбе за мир». Художники-плакатисты, сатирики, карикатуристы тридцати стран показывают свои произведения, созданные за последние годы.

Министр культуры СССР Е. А. Фурцева, первый секретарь правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев, писатель, Герой Социалистического Труда С. В. Михалков, народный художник СССР Б. Е. Ефимов, народный художник РСФСР А. Н. Яр-Кравченко, датский художник-карикатурист, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Херлуф Бидструп, польский сатирик Эрик Липинский на открытии выставки говорили о высоком призвании искусства мастеров политической сатиры и роли их творчества в борьбе за мир.

Херлуф Бидструп дает автографы посетителям выставки.

Фото А. Бочинина.

А. Иванов. 1806—1858. ПОРТРЕТ ВИТТОРИИ МАРИНИ. 1840. Государственная Третьяковская галерея.

Н. Аргунов. 1771 — после 1829. ПОРТРЕТ П. ЖЕМЧУГОВОЙ. Государственный музей керамики и усадьба Кусково XVIII века.

ХОЛМЫ

Семен БАБАЕВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

Еще не рассветало, и в небе еще не погасли звезды.

Василий Максимович Беглов умылся и, причесывая перед зеркалом седую влажную чуприну, сказал жене Анне, что верши пойдет трусить не один, а со Степаном.

— Не буди, Вася, парня, не надо,— просила Анна, глядя на мужа добрыми глазами.— Пусть поспит.

— Хоть бы разок зорю поглядел на реке, узнал бы, какая она раскрасавица.

— Всю жизнь, Вася, спешишь, торопишься, и детям от тебя нету покою.

Василий Максимович вышел в сенцы. В темном углу отыскал цибарку. Еще с вечера в нее были положены до черноты засмаленные куски жмыха. Распространяя по свежему воздуху запахи поджаренного подсолнечного масла, Василий Максимович с цибаркой прошел в сарай, где спал Степан. В сарае было душно. Василий Максимович подошел к сбитой из досок кровати, руками ощупал подушку, одеяло. «Вот оно какая штуковина — пусто... Нету Степана...»

Вернулся в дом, сказал:

— Мать, а Степан-то еще и не ложился. Где пропадает?

— Сам был молодым. Небось, знаешь, где парни по ночам бывают.

— Может, зазоревал у своей красавицы? Как ее? У Таисии...

— Иди, иди, буркун старый, а то рыба, не дождавшись тебя, из верш повыскакивает.

— Рыба, мать, никуда не денется, а вот с сыном, вижу, происходит что-то неладное.— Василий Максимович задержался в дверях.— И в армии ума-разума не набрался. Потянулся не к плугу, а к сочинительству. Не было еще в роду Бегловых писателей. Наше святое дело — земля!

— И к чему, старый, это твое беспокойство? Сколько ты уже обучил и приохотил к земле трактористов? — спросила Анна.— Тот же Петя Никитин, кем не можешь нахвалиться, те же братья Завгородние, тот же наш сосед Андрюшка Климов, те же муж и жена Кондратьевы. Да мало ли их? Почитай, весь отряд — твои ученики.

— То Завгородние да Кондратьевы. А где Бегловы?

— Кому, Вася, трактор да земля, а кому что-то другое,— рассудительно говорила Анна.— В жизни всему причиной талант. Сынок Евдокии Акульшиной, Николай, стал ученым. Сказывают, атом раскалывает. Талант!

— То сын Евдокии.— Василий помолчал, посмотрел на дверь спальни.— Что Эльвира со своим муженьком?

— Спят еще. Рано же...

— Я не об том. Чего заявились? Кто улетает в город, а эти прилетели из города. Надолго?

— Эльвира говорила, что насовсем,— ответила Анна.— Их же привез сам Коньков, квартиру обещал,— с гордостью добавила она.— Будто Коньков разыскал их в Степановске и сказал: станица у нас людная, что твой город, а побриться, подстричься или женщинам сделать завивку негде. В Доме быта открывают салон красоты. Вот как!

— Салон красоты в станице...— Василий Максимович задумался.— Да, мать, такого у нас еще не было. Ну, я пойду...

От хаты через огород вела утоптанная дорожка. Обрывалась возле кручи. У берега, покачиваясь на волнах, гремела цепью лодка. За ночь река поднялась, затопила на той стороне лес, и текла она, широкая и могучая. Было тихо и тепло. Низко над рекой, касаясь воды, серым ситчиком повис туман. Чуть заметно розовел восток. За рекой, над темной кромкой деревьев, поднялся бледный осколок месяца. В станице разноголосо перекликались петухи и кое-где уже курчавились дымком трубы. Со степи тянуло свежестью трав и тем бодрящим ветерком, ощутить который можно только на заре возле реки.

Василий Максимович спустился с кручи, отвязал цепь и с ходу шагнул в лодку. Веслом толкнул о берег, и лодка понеслась по течению. Наклоняясь то в одну, то в другую сторону, Василий Максимович гнал лодку через стремнину и вскоре причалил к вербе. Она стояла по пояс в воде, с изогнутым стволом. Опустил весло, присел и закурил. Прислушивался к всплеску воды, к шороху тершейся о вербу лодки. А перед глазами стояли то Степан со своей беспечной улыбкой, то Эльвира... «Может, зря беспокоюсь и тревожусь душой? — думал Василий.— Степан не пришел домой, где-то зазоревал? Ну и что? Известно, молодость. Опять же потянулся к газете, в станице, видно, ничем его уже не удержать. Эльвира заявилась домой в штанах, будто какой гусар. Городская, что тут сказать. Муженек у нее тоже городской, патлатый, похожий на молоденького попа. Приехали в станицу открывать салон красоты? Вот она какая пошла жизнь. В казачьей станице — салон красоты...»

Василий Максимович бросил окурок, до локтей засучил рукава и погрузил в воду волосатые жилистые руки. Отыскал привязанную к вербе веревку, потянул ее, чувствуя, как что-то тяжелое отрывается от илистого дна. Всплыла, чернея ребристой спиной, верша, раздался всплеск и знакомый, радующий душу треск рыбы. Василий Максимович поднял вершу в лодку, открыл дверку. Осторожно брал голавлей, чтобы не выскользнули из рук, и опускал их в цибарку. «Сколько разов уже примечал,— думал он, погружая вершу в воду,— рыба завсегда идет хорошо, когда Кубань в разливе и когда вербы стоят в воде».

Пока Василий Максимович подплывал к другим вербам и поднимал еще две верши, пока вынимал рыбу и привязывал новый жмых, за лесом уже встало солнце, и его лучи, пробиваясь сквозь верхушки деревьев, слизнули туман и заполыхали на воде. Станица на высокой круче был залита светом, за лесом выступали, синея, далекие горы. И солнечное утро, и на небе ни тучки, и на редкость удачный улов — казалось бы, чего еще нужно! Идти бы Василию Максимовичу домой да радоваться. А ему было грустно. Снова, сидя в лодке, закурил и, хмуря клочковатые брови, мял в кулаке усы. Опять в думах своих подходил то к сыну, то к дочери, спрашивал, разговаривал. Старшему, Максиму, названному в честь деда, сказал: «Максимушка, ты уже тот ломоть, что давно отрезан от хлеба, у тебя свои сыновья и дочери, о тебе можно и не печалиться. Ты, Максим Васильевич, полюбил железо, стал токарем — это хорошо, хвалю». «С меня, батя, зачинается наш колхозный рабочий класс». «А что? Верно сказано. Рассуждаешь ты толково, умно, за станком стоишь исправно, дело свое знаешь, и заработок у тебя высокий».

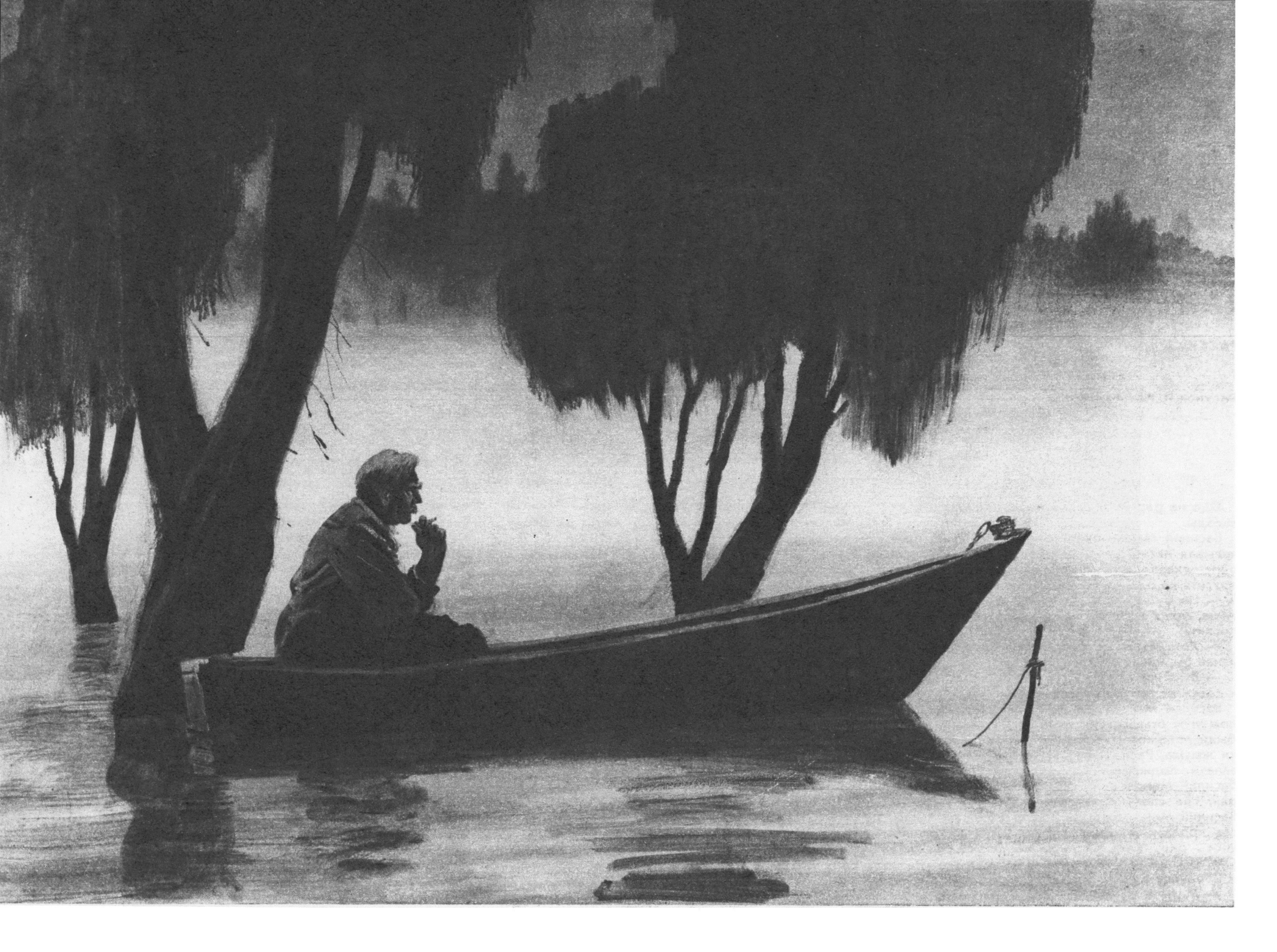
От Максима, как по лесенке, спустился к Елене — эти двое родились еще до войны. Елена жила через два двора. У нее свой дом, своя семья — две дочки, обе школьницы. Работа у нее необычная: заведует лабораторией на сырзаводе. Отец считал Елену ученой. Она умела как-то по-особенному разливать по колбочкам и по пробирочкам молоко и знала, что и как измерять и записывать. Теперь же Елена стала секретарем парткома, можно сказать, впряглась в одну телегу с Коньковым. «Ох, трудно тебе, Лена, будет с Коньковым. Его надобно держать в твердости, а он этого не любит. С ним мужчины не управлялись, а как же управишься ты?» Муж Елены, Николай Харламов, по образованию инженер, работал начальником гаража — на его попечении находилось более двухсот грузовиков и легковых автомашин. Жили Харламовы в достатке, все у них было, даже свой «Запорожец» с гаражиком возле хаты. «Василий Максимович, автомашин у меня полный гараж, бери любую и поезжай. А без своего «Запорожца» мне нельзя, не хочу, чтобы люди болтали обо мне плохое»,— как-то сказал Николай.

Василий Максимович обращался и к среднему сыну — Андрею. «Ты, Андрюха, давно свернул с отцовской стежки-дорожки. Заделался заготовителем. Отправлять в города арбузы, помидоры, огурцы, яблоки, вишню — дело тоже нужное. Давно собираюсь навестить тебя, побеседовать бы с тобой. Знаю, парень ты башковитый. Да вот никак не соберусь к тебе в Степановск, дела удерживают...»

«Сорок шесть годков я езжу на тракторе. Дочка моя, знала бы ты, сколько я вспахал земли и сколько посеял на ней пшеницы — необъятное море! — как-то говорил Василий Максимович дочери Елене.— Что меня печалит? Переводятся в роду Бегловых хлебопашцы! Берем в пример тебя, Елена. Дочь пахаря, а кто ты? Горожанка, ученая. А чего ждать от моих внуков? А Михайло Тимофеевич Коньков частенько на собраниях говорит: «Нам нужен хлеб!» И правильно говорит».

Думал Василий Максимович и о Степане. Парню пошел двадцать третий год. Вернулся из армии и взялся было за ум: пошел в тракторный отряд, к отцу в ученики. Обрадовался Василий Максимович: хоть один его наследник все ж таки уселся за рычаги и уже пашет землю. Только одну осень и начало весны Степан пробыл в отряде, и все — бросил трактор. На уговоры отца отвечал вежливо, с грустью в голосе:

— Извини, батя, а пахарь из меня не получился.

— Еще как получится! Постарайся!

— Старался — не пошло. Тянет меня, батя, не к пахоте, а к бумаге. Читали в районной газете мои заметки? Одна о молочной ферме, другая о трактористе Нестерове. Я и в армии писал заметки в газету.— Улыбнулся, отвел глаза.— Обещали напечатать очерк и взять к себе на работу. Хочется мне, батя, написать повесть про трактористов. Да такую повесть...

— Какую еще повесть? — перебил отец.— Ежели все станут писателями, то кто же будет пахать поле и сеять пшеницу?

— У меня, батя, есть мечта...

— О чем она?

— Не поймете... Разные мы.

— Отец и сын — и разные? Как же эдакое вразуметь?

Эльвира тоже как-то сказала: «Вы, батя, не поймете меня, а я не пойму вас, вот мы и квиты». Эльвира окончила восемь классов и, не спросясь у родителей, укатила в Степановск. Три года жила у брата Андрея и вот заявилась с муженьком. «Какой-то он тощий,— думал Василий Максимович о зяте.— Поповские патлы, усики-шнурочки, белесая шерстка на щеках. И имя чудное — Жан. Фамилия ничего, подходящая — Ткаченко. Моя дочка — парикмахерша? Дело тоже нужное, а только для рода Бегловых непривычное».

Самый младший — Гриша — любимец и надежда отца. Он ходил в музыкальную школу и играл на скрипке, а Василий Максимович видел его за рычагами гусеничного трактора. «Летом заберу к себе в отряд, пусть приучается к машинам». Когда же Василий Максимович слышал непривычные для его слуха звуки скрипки, он тяжело вздыхал: «Видно, и ты, мой младшенький, возьмешь свою скрипочку и улетишь от нас, как птица».

Дома Василий Максимович оставил цибарку с рыбой в сенцах и прошел в хату. Остановился у порога, прислушался: Гриша в своей комнате играл на скрипке.

— Аня, я пойду в отряд,—сказал он жене.— Там, в сенцах, рыба. Часть отнеси Михаилу Тимофеевичу, я ему обещал, часть Макаровне, лежит, бедняга, больная. Да сама поджарь, пусть полакомится свежей рыбкой.

— Зараз я приготовлю тебе позавтракать. Не можешь, Вася, жить без своего отряда.

— Не могу...

— Говорил же, что сегодня у тебя выходной. Чего едешь?

— Надо подменить Петра Никитина. У него жинка в родильном доме. Петр ждет первенца.

— Василий, а в станице поговаривают, будто вскорости на холмах начнут возводить здание. Это правда?

— Не знаю, не слыхал. А тебе кто это сказал?

— Лена говорила. Она с Коньковым вчера ездила в район.

— Зачем же на холмах строиться? Что, у нас земли мало?

— Лена сказывает, что будет там какой-то завод. Толком не поняла.

— Холмы трогать нельзя. На них мы оборону держали, фашистов затормозили. Сколько там погибло наших людей. Памятник на холмах надобно ставить, а не завод. Да и по весне там полевые маки цветут — красиво-то как! Может, то и не маки, а капельки людской крови.

Ел Василий Максимович нехотя. Кусал хлеб и, переставая жевать, прислушивался к тоненьким, щиплющим за сердце звукам.

— Гриша старается, музыкант! — заметив хмурый взгляд мужа, радостно сказала Анна.— Такой он прилежный, такой старательный! Как проснется, так сразу и тянется к скрипке. И все у него получается по нотам!

— Летом возьму к себе на трактор... А где Эльвира со своим Жаном?

— Еще спят.

— Им и скрипка не мешает? Да, по-городскому вылеживаются. А когда Жан пойдет открывать салон красоты?

— Вася, я посмотрела его паспорт,— не отвечая мужу, негромко сказала Анна.— Никакой он не Жан, а Иван Тимофеевич Ткаченко.

— Зачем же имя исказил?

— Говорит, на иностранный манер. Чтоб звучало.

— Ни к чему портить красивое русское имя.

— Вася, а Степан приходил, — сказала Анна, виновато глядя на мужа. — Он был не на гулянке.

— А где?

— В районе. Поступил в редакцию и Тасю с собой увез. Они поженились. Просил твоего благословения. — Анна помолчала. — Взял какие-то документы и умчался. Говорит, что сняли комнатку...

— Пусть живут... А, Гриша!— Василий Максимович увидел в дверях сына со скрипкой.— Наяриваешь, сынок, тренируешься?

— Музыкой, батя, надо заниматься каждый день, — серьезно ответил Гриша. — И не один час.

— Может, поедешь со мной в степь?

— Поеду, только летом. Как и обещал.

— Хорошо, подожду до лета. — Анна увидела, как у мужа потеплело лицо.— Ну, мать, мне надо подменить Петра Никитина. Что там у него родится? Дочка или сынок?

Василий Максимович вывел за калитку старенький мотоцикл, довольно еще легко вскинул в седло свое сухое, жилистое тело и умчался, поднимая по улице пыль.

Василий Максимович Беглов вкатил на холм мотоцикл, положил его на ковыль-траву и тут же уселся сам. Курил и задумчиво смотрел на станицу — она лежала перед ним, белея цветущими садами. «Кому это пришло в голову строиться на этих возвышенностях? — думал Василий Максимович.— Надо узнать у Конькова или у дочки Елены. Им-то известно...»

Холмы близ станицы Холмогорской появились с незапамятных времен. Видно, немало потребовалось рук, чтобы наносить столько земли. Может, это сделали еще печенеги, создавая оборонительный рубеж, а может, половцы — сказать что-то определенное не могли даже археологи. Старожилы станицы говорили, что когда-то эти возвышения прикрывали казачью Холмогорскую крепость от набегов абреков: с юга, со стороны гор, преградой вставала Кубань с ее высоким правым берегом, а с севера, со стороны степи,— эти холмы. Известно было и о том, что в те далекие времена на холмах стояли сторожевые вышки с дозорами, и на десятки верст окрест были видны сигнальные мачты с черными дегтярными жгутами.

Помнят в станице и о том, как в девятнадцатом ранним майским утром с холмов ринулась конница Кочубея, как она ворвалась в Холмогорскую и в коротком сабельном бою уничтожила белогвардейский отряд. Солдат-артиллерист Беглов знал и о том, что в Отечественную войну холмы назывались не холмами, а высотой 082. Помнит Василий Максимович, как летом сорок второго их артбатальон окопался на высоте 082, прикрывая отход своих войск. Стойко держались артиллеристы; когда отступили к Армавиру, то холмы еще долго дымились. В первые годы после войны на холмы не прилетали птицы, на них не росла ковыль-трава, по весне не зацветали маки. Опаленная огнем земля зияла окопами, рябила стреляными снарядами и пустыми гильзами. С годами холмы покрылись ковылем, и снова, как и раньше, ветер клонил их упругие метелки. И так же, как и прежде, по весне краснели на них степные маки.

Василий Максимович смотрел на укрытые ковылем холмы и видел свое детство. Первый раз Вася Беглов пришел сюда со станичной детворой. На нем была большая отцовская папаха с красным верхом, полушубочек подтянут ремешком, на ногах валенки. Заснеженные холмы показались ему высокими белыми горами, и блестели они так, что слепило глаза. По крутому склону да еще с санками подниматься было трудно. Одолеть крутизну помогла девочка Анюта. Вниз Вася и Анюта катились вместе, и санки неслись так, что посвистывало в ушах. Сколько прошло лет, а Василий Максимович и сейчас, сидя на холме, все еще слышит посвист того далекого ветра.

И еще он видел летнюю ночь. Под слабым светом луны ковыль казался голубым, как дымок, и на его фоне стояла Анюта в ситцевом платье. Они взялись за руки и, оглашая смехом лунную степь, понеслись на холмы. Запыхавшимся, взволнованным, счастливым, им показалось, что они взбежали на небо, и что все то земное, что было с ними, осталось там, внизу, и что отсюда у них начнется новая, еще не изведанная ими жизнь. Не отдышавшись и не проронив ни слова, они робко поцеловались — первый раз в жизни. В памяти навсегда остались и эта лунная ночь над холмами, и голубой, как дымок, ковыль, и этот их поцелуй. Сколько раз, бывало, и на войне, когда лежал у орудийного лафета, и в дни, когда вел трактор по свежей борозде, Василий Максимович видел холмы в лунном сиянии, а на них — себя и юную Анюту.

Возвышались забурьяневшие окопы, обмелевшими рубцами темнели траншеи. Вот и тот изгиб, где он лежал, раненный в плечо и в ногу. Теперь над окопами покачивался шелк ковыля да кое-где раскрывались первые маки. Василий Максимович смотрел вдаль и думал о том, что жизнь в Холмогорской изменилась, а холмы как стояли, так и стоят. И тогда, когда станица делилась на восемь колхозов, холмы были такие же, и сейчас, когда вся она, с ее двенадцатью тысячами жителей,— один колхоз «Гигант», холмы оставались холмами. Во главе «Гиганта» стоит сын воина — Михаил Тимофеевич Коньков. Отец Михаила — Тимофей Коньков не увидел сына на таком высоком посту. Тимофей погиб на высоте 082. Он был в одном расчете с Василием Максимовичем. Осколок фашистского снаряда проломил Тимофею грудь, упал солдат навзничь и уже не поднялся. Его тело предали земле тут же, в траншее, рядом с другими бойцами. Только после войны останки воинов-артиллеристов перенесли на станичное кладбище и похоронили с воинскими почестями.

«Сам я и вся моя жизнь неотделимы от того, что произошло в Холмогорской,— думал Василий Максимович.— Весной 1928 года в Холмогорской родилось непонятное мне слово — ТОЗ. Это было, когда станица встречала первый трактор. Батя, молодой и красивый Максим Беглов, сидел за рулем, в картузе цвета, из-под козырька выбивался русый чуб. Сопровождаемый восторженными криками толпы, трактор прошел под увитой кумачом аркой и направился в поле. Я сидел на жестяном крыле, поглядывая то на руль, на крепкие отцовские руки, то на двухлемешный плуг. Лемеха влезали в чернозем, выворачивали антрацитом отливавшую землю. Лемеха набивались стерней, я соскакивал с крыла и чистиком освобождал их от курая.

На другой день батя сказал: ну, Василий, хватит тебе работать чистиком, перебирайся к рулю. Бери, бери, говорил, баранку в руки, да смелее. И взял, правда, боязно, но взял. И с тех пор вот уже более сорока годков... В прошлом году был он на районном соревновании пахарей. Говорливая бабочка кричала по радио на всю степь: ежели те борозды, каковые проложил по кубанскому чернозему Василий Беглов, вытянуть в одну, то этой бороздой можно было бы дважды опоясать земной шар. Самому не верится...»

В том году к Октябрьским праздникам Василию Беглову и двум дояркам было присвоено звание почетных колхозников. Как на свадьбе свашкам вешают рушники, им повесили через плечи алые ленты шириною в две ладони. На лентах — золотые буквы: «Слава почетному колхознику». Дворец культуры был переполнен. Люди стояли в проходах, в дверях, сидели на подоконниках. Духовой оркестр играл так громко, что звенели стекла в окнах. На сцене, за покрытым кумачом столом,— Михаил Тимофеевич Коньков. По его правую руку с лентами через плечо и с орденами и медалями на груди — Анастасия Ефремовна Коробова и Евдокия Ивановна Огнивцова, а по левую — Василий Максимович Беглов. Подбежали пионеры, на шеях у старых людей заалели пионерские галстуки. Вихрастый паренек вытянулся перед микрофоном и бойко, как молодой петух, прокричал стихи в честь доярок и тракториста. Взошел на трибуну и Коньков. Молодой, стройный, с русым чубом, спадавшим на лоб.

— Спасибо вам, Анастасия Ефремовна и Евдокия Ивановна, спасибо и вам, Василий Максимович, за ваш честный и бескорыстный труд!

Коньков вернулся к столу, обнял и расцеловал сперва доярок, а потом тракториста.

Сердцем и разумом чувствуешь уважение людей, почет, вот и живи себе спокойно и радуйся. А у Василия Максимовича щемило сердце, и ему хотелось встать и сказать: «Михаил Тимофеевич, не благодари, не целуй нас! Потрудились мы добре, а вот ни своих дочерей, ни своих сынов мы не приучили к хлеборобству. Дети мои и дети этих женщин-тружениц не стали ни трактористами, ни доярками, а стали учеными да городскими».

Не встал. Не захотел омрачать торжества. Дома, войдя в хату вместе с женой, Василий Максимович снял с груди ленту, свернул ее и тяжело вздохнул.

— Аня, спрячь в сундук.

Анна взяла ленту, участливо спросила:

— Вася, отчего такой сумной? И на собрании хмурился...

— Что-то приморился. Может, от почестей...

Лет десять назад Василия Беглова чествовали еще торжественнее — по случаю присвоения звания Героя Социалистического Труда,— и тогда, помнится, почести не были ему в тягость. Митинг состоялся днем, на площади. Вся станица пришла поздравить... Гремел оркестр, пионеры повязали ему на шею галстук. Коньков обнял, расцеловал и назвал отцом. В новом костюме, с зализанным набок чубом, Василий стоял на трибуне и улыбался. Был еще молодой, не думал о детях, да и детки тогда еще были школьниками.

Вспомнил, сидя на холмах, и о том, как однажды к нему заявился Коньков. С порога поклонился Анне. Стоял высокий, стройный, красивый. Следом шофер Иван Зайцев, румянощекий крепыш, которого в станице называли Иван-Луна, принес ящик пива и корзину раков, уже сваренных, пахнущих илом и укропом. Иван-Луна поставил ящик возле порога, а корзинку раков на стол и удалился.

— Доброго вам здоровья, Анна Петровна и Василий Максимович!

— Спасибо на добром слове,— ответила Анна.— Садись к столу, гостем будешь.

— Михайло Тимофеевич, мы завсегда рады видеть тебя в своем доме,— в тон жене добавил Василий Максимович.— Как идет жизнюшка в нашем «Гиганте»?

— Сперва побалуемся пивком да раками.— Коньков взял бутылку, посмотрел ее на свет.— Свежее, Иван только что доставил с завода. И раки — его старания. Сам ловил и сам варил. Мастер!

Раки из корзины были вывалены на стол, крупные, под цвет красной меди, клещи, как ножницы, хвосты изогнуты лопатами.

— Какой великан! — Василий Максимович как бы взвесил на ладони крупного рака.— Матерый, хоть на выставку. А усища! Мать, поджарь-ка нам голавлей. Тоже свежие, только что из верши.

— Зараз приготовлю.

Анна ушла на кухню.

— Как идет жизнюшка? — переспросил Коньков, открывая бутылку.— Одно слово — «Гигант»! Живу, Василий Максимович, в постоянных заботах и хлопотах. Дома не бываю ни днем, ни ночью. Как-то жена в шутку сказала: имеется председатель, и не имеется мужа! Правду сказала! Однако речь моя не об этом. Меня печалит ваша дочь Елена Васильевна, а мой, так сказать, теперешний комиссар и политический наставник. Дорогой Василий Максимович, скажите ей и как отец и как старый коммунист, пусть она занимается моральным обликом и разными культурными делами и лично мне не мешает.— Коньков выпил пива, разломил рака, но есть не стал.— Я сам пожелал, чтобы Елена Васильевна, дочь знаменитого механизатора, стала моим замом по культуре и секретарем парткома. Я сам ездил в райком, рекомендовал ее. А что получается? С первых дней она пошла на меня тараном и подрывает мой авторитет!

— В чем же именно? — озабоченно спросил Василий Максимович.— Есть примеры?

— Вчера, не спросясь, не посоветовавшись, выступила на парткоме с активом и при всех сказала, что я не самокритичен и что якобы сам я,— подумайте только, Василий Максимович! — поставил себя над парткомом. Каково мне это слушать?

— Тимофеич, а может, есть у тебя что-нибудь такое-эдакое? Лену-то я знаю, зря говорить не стала бы.

— Зачем же при всех и так открыто? — Коньков налил пива себе и хозяину.— Василий Максимович, я знаю, в какой дружбе вы жили с моим покойным отцом. Вот и нам так бы жить с Еленой Васильевной. Родились мы в Холмогорской, почти что сверстники, тут кончали школу, тут вступали в комсомол.— Коньков молчал, морщил лоб.— Василий Максимович, пойдемте к Елене Васильевне. Как отец и как старый большевик скажите ей при мне нужное поучающее слово...

— Извиняй меня, Михайло Тимофеевич, а пойти я не смогу.

— Почему?

— Партийное дело — штука тонкая. В нее негоже родителям вмешиваться.

«Неужели на холмах будет стоять завод? Ах, беда, о чем бы я ни думал, а в голове моей холмы.— Василий Максимович с тоской во взгляде смотрел на станицу.— Неужели холмы погибнут? Подскочу-ка я к Конькову и все разузнаю. А Никитин подождет».

...Потянулась знакомая дорога. Справа — озимые с уже выбившимися колосьями, слева — подсолнухи до колен, впереди станица утопала в садах.

В кабинете Конькова, как всегда, было шумно и людно. Одни приходили, другие уходили. Коньков разговаривал со старшим агрономом

и не замечал стоявшего у дверей Василия Максимовича. Когда же заметил — удивился. Не ждал увидеть старика в кабинете. Вышел из-за стола, поздоровался за руку, усадил на диван и сам сел рядом. Попросил всех выйти и с тревогой в голосе спросил:

— Василий Максимович, вы ко мне? Что-нибудь случилось?

— Я, Тимофеич, насчет холмов. Скажи мне: это правда или брехня?

Внимательно Коньков выслушал Василия Максимовича. Поднялся, заложил за спину могучие руки, молча прошелся по кабинету.

— Могу ответить: завод строить мы будем! — сказал он громко.— Поймите, Василий Максимович, нам нужна не кустарщина, а настоящая, своя мясная промышленность. Сто двадцать тысяч тонн говядины в год. Не фермы, а промышленное производство мяса! А вот где мы поставим этот промышленный комплекс, вопрос еще не решен. Место ищут специалисты, разумеется, с нашим участием. Так что насчет холмов пока не тревожьтесь. Они и для меня дороги так же, как и для вас. На них пролита кровь и моего отца... Вам куда сейчас? — спросил он, давая понять, что разговор окончен.— Домой или в тракторный отряд? Могу дать машину.

— Спасибо, я на своем бегунке.

По дороге в отряд Василий Максимович немного успокоился. Не нравилось только слово «пока». «Значит, пока я могу не тревожиться, не переживать, а потом что? — думал Василий Максимович.— Нет, Коньков на холмы не посягнет. Он понимает. А как он выразился? «Промышленное производство мяса». Знать, уже фермы не подходят. Требуется свой завод. А чего тут удивляться?»

В тракторном отряде ни души. Не дымилась, как обычно, кухня. Не для кого было готовить обед: зябь поднимать еще не начали, а на культивации работал один Никитин. В ряд стояли лобастые машины с подвесными плугами. Василий Максимович подмигнул своему трактору. Траки гусениц, лемеха уже не блестели, как они обычно блестят на пахоте; даже кое-где покрылись ржавыми потеками.

— Что, дружище, тоскуешь? — спросил он, обращаясь к трактору.— Потускнел от безделья. Ничего, скоро начнем поднимать зябь, и тогда гусеницы и лемеха снова засияют!

На стане Василий Максимович встретил диспетчера Алешу Калюжного. Лицо чисто выбрито, тонкие стежечки бровей, вихрастый чуб. Любил Василий Максимович Алешу за веселый нрав, за то, что тот умел и потанцевать и песню спеть, а вот слово «диспетчер» не любил. «И придумали парню такую должность, что в зубах застревает».

— Привет, Максимыч! — крикнул Алеша. — Что так задержались?

— Была одна причина. А где Петро?

— Не дождался вас и сбежал в станицу.— Алеша усмехнулся.— Улетел, как на крыльях, будущий папаша! А «Беларусь» стоит в кукурузе, вас ждет.

— Алеша, когда же мы тронемся на зябь?

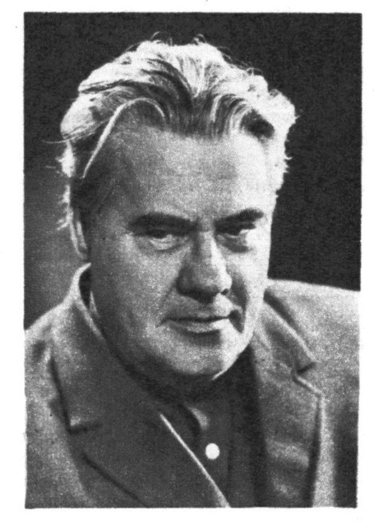
— Покончим с культивацией и сразу же перебазируемся на зябь,— ответил Алеша.— Так что старайтесь.

Всякий раз, усаживаясь на эту легкую, быструю машину, Василий Максимович думал, что «Беларусь» похожа на развеселого станичного парубка и даже немного на Алешу Калюжного. И по дороге и по рядкам кукурузы трактор бежал проворно, как бы вприпрыжку. Вот и сейчас... Василий Максимович поглядывал назад, видел, как кукурузные стебли кланялись и листьями касались сошников. Ему приятно было и сидеть за рулем и видеть свою работу. Нерадостные мысли о холмах забылись, и Василий Максимович теперь уже думал о том, что как же, оказывается, приятно ехать по мягкой земле на резиновых колесах, слышать протяжную песню мотора и видеть убегающие вдаль кукурузные рядки! И тут мысли его обратились к Никитину. Наверное, родится у Никитина сын, и Василий Максимович опять вспомнил свою молодость и тот памятный для него день, когда Анюта родила ему первенца — Максима.

На сердце стало легко, и Василий Максимович замурлыкал какую-то песенку, что с ним случалось нечасто.

Платон ВОРОНЬКО

Сергею Козаку.

1

Стрелы ветра над землей свистели...
Обезумев, тьму пурга вскрутила...
Чудились в ночи, в шальной метели,
визг фугасок, черный треск тротила.
...По замётам, по дороге узкой
полонянки шли, изнемогая,—
гнали их
к торговой бирже прусской
взвод СС, пять псов, два полицая.
К фабрикантам, к фермерам
в рабыни
шли девчата по родной Волыни.

Ой, а вьюга воет, вьюга злится.
— Не пущу!—
и жгучим снегом — в лица.
— Не пущу! Куда ж вы, мои розы?
Лучше здесь, в лесу да в поле чистом,
спрячу вас во льды, в снега, в морозы,
чем на муку, на позор, к фашистам!
Мечется пурга со стоном, с криком,
словно мать, от слез лишась рассудка:
то сбивает с ног в порыве диком,
то хохочет, пляшет — глянуть жутко!
А кругом — ни стежки, ни жилища,
лишь руины сплошь да пепелища.
Только вьюга плачет на Волыни —
в лютой стуже,
в сумрачной пустыне...

Прилепилась к лесу, к придорожью
чудом уцелевшая кошара.
И конвой, насквозь пробитый дрожью,
снежного не выдержал кошмара:
— Хальт!..
— Ночлег!..
В пристройку влезли сами,
а в загоне сгрудились девчата.
Окружен загон плетеный псами,
на воротах, как замок,— граната.
Полицаи ржут:
— А ну, голубки,
скидавайте живо полушубки,
будут отдыхать на них германцы.
Вы, чтоб не простыть, откройте танцы!

Шнапс из фляг эсэсовцы глотали,
резали промерзшую ветчинку,
куревом смердили, гоготали,
засыпали, кутаясь в овчинку.
А девчата
на трухлявом сене
прижимались потесней друг к другу...
Леся встала вдруг.
— Одно спасенье:
надо мне бежать, пройти сквозь вьюгу!
К партизанам знаю я дорогу —
там и мой отец и мой Иванко.
Я в отряде подниму тревогу;
что ни сани там, то и тачанка.
Где ж им должно быть сейчас?
Не здесь ли?
— Леся, Леся, стой-ка! Ну, а если...
— Если схватят? Вы про это, что ли?
Все едино, смерть милей неволи.
Но прорвусь! А там — лишь до яруги...
Ждите.
Кони быстры, пули метки.
А теперь подпойте мне, подруги,
чтоб не слышно, как ломаю ветки.

Ой, и там и тут
люди ждут-пождут:
скоро ль по дорожке,
скоро ль по веселой
казаки пойдут?

Над стеной плетеной, где стропила,
Леся перевясла разрывает...
Всю усталость вроде позабыла —
паводком ей душу заливает!

Атаман, скорей
пыль дорожну взвей!
Ты вели, наш сокол,
славным твоим другам
оседлать коней.

А плетень трескучий жжет шипами,
девичья ладонь покрылась кровью.
Лед и снег — корою над снопами,
как пробить соломенную кровлю?

Ветер закружил,
травку заснежил.
А наш сокол смелый
под березой белой
голову сложил.

За пучком пучок... И сил уж мало...
Вот и щель наружу! Сердцу жарко...
Протолкнулась Леся,
в снег упала,
а из-за угла, хрипя,— овчарка.
Налетела, придавила, злая,—
пробудились вороги от лая,
подбежали, пьяные, к беглянке...
Старший вдруг сказал:
— Нун, заг мир данке!..
Пояснил, смеясь, что в самом деле
будет ей дарована свобода.
Лесю донага они раздели —
мол, гуляй! Хорошая погода!
Вихрь морозный опалил все тело,
Леся в темь рванулась, убегая...

ная легенда

Эхом ледяным ей вслед летела
песня, от снегов навек седая:

Сокол, по тебе ль
та сыра постель?
Сквозь твои сокольи,
сквозь подбиты крылья
прорастает хмель.

2

Лишь на третье утро стихла вьюга,
вихри, обессилев, замолчали —
и засеребрилась вся округа,
причесав неяркими лучами
снежные растрепанные космы.
Лес прозрел. Легко вздохнули сосны.
Снег... Безлюдье... Тишь...
Но что за диво?
Над яругой, на краю обрыва,—
мраморная девичья фигура:
руки — к небу,
гнев и мука в позе.
Чудеса! Откуда вдруг скульптура
здесь, в такой глуши, да на морозе?
Белы косы,
плечи, грудь — что иней,
только взор не снежный:
синий-синий...
—Хлопцы, не лесная ль то русалка?
— Точно, мавка. Статуя, а... жалко!
Фрицы, видно, грабили музеи —
и дорогой, в непогодь, в бураны,
побросали что потяжелее...

Речь ведя такую,
партизаны
к той фигурке поднимались яром.
Только вдруг невидимое жало
полыхнуло в лица смертным жаром,
холодом немым сердца сковало:
их, людей не робкого десятка,
вдруг пронзила страшная догадка!
В глотках — сухо,
не промолвить слова...
Ноги к насту приросли свинцово...

А она
стоит в беззвучном зове
над снегами, над родной Волынью.
Выбелила стужа губы, брови,
только взор
тревожной блещет синью.
За спиной, как траур, — леса кромка...
Золотит восход чело и плечи...

С мертвых уст слетело вдруг негромко:
— Не пугайтесь, братья, моей речи...
— Леся! Дочка!—
уловив надежду,
командир рванул с себя одежду.
Статный хлопец, кожушок снимая,
кинулся к ней:
— Лесюшка! Родная!..
Но чуть слышно, словно с поднебесья,
зазвенело:
— Я теперь не Леся,
мне уж ни к чему тепло да ласка,
я — легенда, ледяная сказка.
Знай, отец,
и вы, друзья-собратья,
знай и ты, Иванко, мой любимый:
не вернусь к вам,
буду здесь стоять я,
мне роднею станут вьюги, зимы.
Пронесут они меня сквозь годы,
чтоб всегда мне быть с метелью рядом—
в стуже,
в самом сердце непогоды,
на семи ветрах, под снегопадом.
Пухом снег проляжет подо мною,
плечи, как платком, пургой накрою;
в свисте вихря,
в сутеми дорожной
будет слышен голос мой тревожный.
Разомкну я ледяные губы,
на проезжих мертвый крик обрушу.
Сквозь ушанки, сквозь дубленки, шубы
голос мой
живым проникнет в душу.
Буду я тревогой в их покое,
к ним пробьюсь я сквозь любую стену,
чтобы берегли тепло людское,
чтобы не забыли его цену!
Чтоб по Беларуси, Украине
сестрам
не брести вовек отныне
в плен, в неволю, край свой покидая!
Я—их боль,
легенда ледяная.

Мчались кони...
Под пальбу, под взрывы
на дыбы вставали лес и поле...
Эхом ледяным вплеталась в гривы
песня, поседевшая от боли:

Ой, и там и тут
люди ждут-пождут:
скоро ль по дорожке,
скоро ль по веселой
казаки пойдут?

Нет, веселой не была дорога,
шла бок о бок со смертельным риском.
Много полегло ребят — ой, много! —
всех и не сочтешь по обелискам...
Но в сердцах отважных
вражья сила
богатырский жар не погасила.
Над морозным вихрем, над снегами
нес отряд
священной мести пламя.
И еще не раз, зимой и летом,
явственно звучало в громе боя
звоном синим,
плачем недопетым
старой песни эхо ледяное:

Ветер закружил,
травку заснежил.
А наш сокол смелый
под березой белой
голову сложил.

3

Обезумев, тьму пурга вскрутила...
Непогодь, метели на Волыни...
Здесь давно ни фронта нет, ни тыла,—
нет войны самой.
Но и поныне
с болью неуемной вспоминаем
грозы, что прошли над этим краем.

Мы с шофером
в гулкой пятитонке
едем по новехонькой бетонке.
И чего так расходилась вьюга,
бездорожья зимнего подруга?
Будто на дрожжах,
по всем дорогам
выросли сугробы — стог над стогом!
Фары упираются в них светом—
ни следов не видно, ни обочин...
— Ногу сломит черт в буране этом!—
заворчал шофер, сердит, всклокочен.
Кинуло машину вниз куда-то,
сразу — снег стеной вокруг, не шутка!
Стоп...
Водитель смотрит виновато...
А пурга взвывает — слушать жутко.

И не только мне, а нам обоим
чудится под теменью ночною:
вихрь года прорвал надрывным воем,
памятью,
легендой ледяною.
Распахнулась вдруг в кабине дверца,
глянул я на снеговые стены —
да и ахнул, холод — прямо в сердце:
поднялась
она!
Как бы из пены!
Белы косы,
плечи, грудь — что иней,
только взор не снежный:
синий-синий...
В искрах вихревых, над белой кручей,
с уст холодных
крик слетел горючий:
— Братья, братья, в мире да в покое
помните ль о лютых черных зимах,
бережете ль вы тепло людское,
щедрое тепло полей родимых?
Братья, братья, вы не забывайте:
плачено за них великой платой.
Вы сестер в обиду не давайте!
Этот крик мой—
вечный их ходатай!..

Смолкла.
И, сплетая эхо с ветром,
сказку с былью намертво сплетая,
зазвенела плачем недопетым
песня, от снегов навек седая:

Сокол, по тебе ль
та сыра постель?
Сквозь твои сокольи,
сквозь подбиты крылья
прорастает хмель.

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

«...НЕЧТО ТАКОЕ, ЧТО

Матвей ХРОМЧЕНКО

«В научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии я поступила для обследования. Роды у меня вторые, первые длились двое с половиной суток и закончились неудачно... Я очень хотела иметь ребенка, здорового... Приближались роды, и чем ближе, тем хуже мне становилось. Я стала раздражительна, плаксива, давление то повышалось, то резко падало.

Москва, апрель, 1972 год».

I

Апрель 1853 года, из Лондона в Эдинбург: «Во время схваток Ее величество дышала парами хлороформа, она не ощущала боли и осталась очень довольна». Так писал Д. Кларк, акушер королевы Виктории, своему другу Джеймсу Симпсону, пионеру обезболивания при родах.

Боль!.. Ее дамоклов меч веками висел над хирургами: болевой шок слишком часто действовал быстрее, чем избавляющая от смертельной болезни операция. Но как избавиться от шока? Дурман и мак, цикуту и опий, сернистый газ и пары нефти — десятки средств пытались использовать врачи для подавления боли, прежде чем начал свое триумфальное шествие эфирный наркоз. Днем его рождения считается 16 октября 1846 года, когда в присутствии ошеломленных тишиной свидетелей хирург удалил опухоль у безмятежно спящего больного.

Велики возможности современной анестезии и ее всемогущего друга — химического синтеза XX века. А проблема обезболивания окончательно не решена до сих пор. Потому что среди широчайшего сегодня спектра наркотических веществ нет ни одного абсолютно безопасного. В той или иной степени от каждого страдает физическое и психическое здоровье человека.

И особый, куда более высокий счет наркозу предъявляют акушеры. Как облегчить нескончаемые боли беременной женщине, от которых она страдает днем и не спит ночью, если любое наркотическое средство может повредить и будущей матери и плоду?

Значит ли это, что надо согласиться с теми западными акушерами, которые, вспомнив библейский миф о проклятии всевышнего, стали искать «поэзию в родовых болях», считать страдания при родах «необходимым элементом женской психики, на котором развивается материнское чувство», а стремление к обезболиванию — «недостойной слабостью современной женщины»? Но, несмотря на всю естественность, физиологичность «спланированной» природой беременности, отказ от лечебной помощи с неизбежностью ведет к еще более печальным результатам: растет процент осложнений, мертворожденных младенцев, смертность матерей.

Как же быть? И тогда врачи вспомнили об электричестве.

«На следующий день мне предложили импульсные токи. К этому виду лечения я отнеслась недоверчиво: слепо веря, что мне хотят помочь, я продолжала думать, что роды — это обязательно страдания, и не одни сутки, что так было и будет всегда. Все же согласилась: а вдруг... Врач прослушал сердцебиение плода и наложил электроды. Спустя минуту-другую я почувствовала легкое покалывание на лбу и за ушами и тут же вновь начала раздражаться. Но, к своему удивлению, я вскоре успокоилась, меня убаюкало тепло, прилившее к телу. Конечно, я не заснула, но ушла из кабинета в отличном настроении. А ночью — впервые за последние недели — спала хорошо».

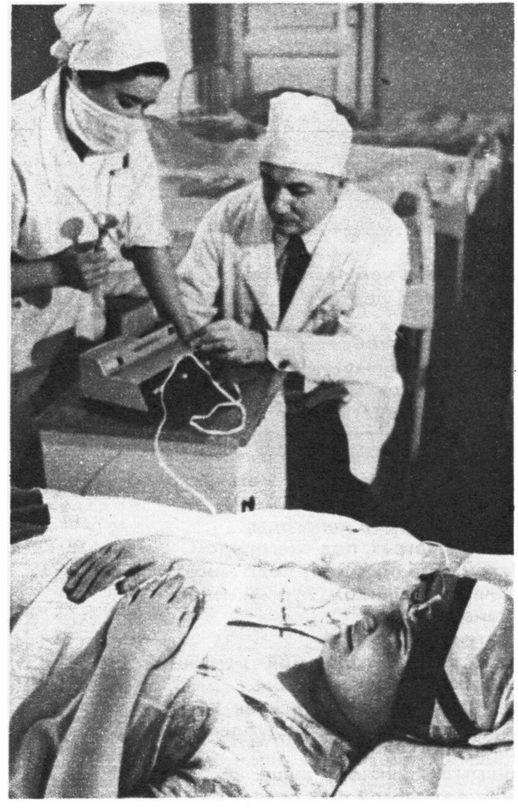

Фото Д. Ухтомского.

II

К «электротерапии» врачи стремились давно, еще до открытия Луиджи Гальвани животного электричества.

«Электрическая сила, сообщенная сосудам, ращение их ускоряет; также есть многие примеры, что разные болезни исцелены ею бывают»,— писал Михайло Ломоносов.

Надо ли удивляться, что современная физиотерапия пользуется всеми известными физике видами электрического тока? И лишь электронаркоз не пересек еще границы клинических испытаний.

А началась его история вместе с веком. В 1902 году известный французский хирург Стефан Ледюк, поручив себя заботам ассистентов, подключился к источнику постоянного тока. Через двадцать минут испытуемый делился впечатлениями. Он рассказывал, как слышал разговоры окружающих, чувствовал прикосновения и уколы (ощущал, но и только), хранил ясное сознание и потому жалел, что ассистенты не увеличили силу тока. Сказать же им об этом он не мог — не мог вымолвить ни слова.

В том же году пионер электронаркоза демонстрировал его на съезде электрологов (были и такие) в Берне. Сенсация! Всеобщий ажиотаж перешел в эпидемию исследований, немцы поспешили выпустить аппараты для операционных, хирурги только и говорили, что об электронаркозе. Увы! Вскоре энтузиасты лабораторных экспериментов спешили полностью отказаться от него в клинике: при малой силе тока анестезиолог не получал глубокого наркоза, а стоило силу тока увеличить, как пациент начинал страдать от крайне неприятных ощущений, корчился от судорог, как в припадке эпилепсии. Так и остается электронаркоз средством «очень заманчивым, но постоянно ускользающим из рук». И лишь немногие энтузиасты хранили в годы разочарования верность физическому методу обезболивания, дразнящему врачей своей абсолютной — пусть до определенного порога — безвредностью. И среди них в первую очередь двое советских — Г. Календаров и И. Яковлев.

Первый, сотрудник Института экспериментальной медицины в Ленинграде, а затем, после Великой Отечественной войны, психиатрической клиники имени С. Корсакова в Москве, решил еще и еще раз проверить действие различных токов без хирургического вмешательства, всякий раз меняя расположение электродов. Так он обнаружил, что ток малой силы и частоты вызывает дремоту и легкую сонливость. Сеансы длились всего ничего, полчаса, сорок минут. Но и этого времени вполне хватало, чтобы избавить испытуемого от утомления, раздражительности и головной боли, вернуть ему бодрость и хорошее настроение. Затем дело застопорилось: попытки повысить силу тока вызывали неприятные ощущения, мешали пациентам засыпать. Психиатры же добивались именно сна: именно глубокое торможение, сон должны были, по их мнению, помочь в лечении больных. Лишь много позже врачи убедились, что лечебный эффект зависит не от глубины сна, а от влияния на мозг импульсных токов. В 1966 году на Всесоюзном симпозиуме психиатр профессор В. Банщиков признал: «Электросон... вырос в сборное понятие лечения первыми стадиями электронаркоза мозга».

Но мы забежали уже далеко вперед.

В те же годы, что и Г. Календаров, и в том же Ленинграде в акушерско-гинекологическом институте обратился к импульсным токам профессор И. Яковлев. Осторожный, как всякий настоящий медик и тем более акушер, он начал эксперименты в лаборатории на беременных крольчихах. И убедился: животные переносили ток как ни в чем не бывало, и в начальных стадиях беременности и в поздних, и роды наступали, как положено, в свое время, и крольчата рождались здоровыми и невредимыми. И даже операцию — кесарево сечение — животные переносили спокойно, словно не у них резали живот и вынимали плод.

Казалось, пора переходить в клинику? Так-то так, но согласитесь и с тем, что одно дело — крольчиха и совсем иное — человек. Надо бы еще повременить, обождать, удостовериться. Но грянула война, а уж после И. Яковлев к электронаркозу не возвращался.

А затем сказал свое слово московский инженер Ю. Худый. Простая (знать бы раньше) вещь: импульсные токи он соединил с гальваническими. Только и всего. Но предварительная гальванизация снижала кожное сопротивление, и это позволило повысить силу тока. Эффект оказался столь значительным, что первый же отечественный серийный аппарат ЭС-1П («Электросон-1 портативный») был немедленно запатентован, и в США наладили его выпуск по советской лицензии.

«На второй сеанс лечебной анальгезии я пришла все еще предубежденной, но уже с любопытством и плохо, очевидно, скрываемой надеждой. Вновь подготовительные процедуры, знакомое покалывание. Появилась бодрость, словно крепко проспала всю ночь, тело сухое, щеки розовые, как с прогулки, и никакого страха. Потом начались сильные схватки. Подумать только: я засыпала в перерывах между ними. И когда наступило долгожданное время, я встретила его отдохнувшей и сильной».

III

Врачи все меньше интересовались наркозом, забывая самое любопытное его свойство — лечебное. И лишь в акушерстве продолжались поиски золотой середины.

Именно здесь, больше чем где бы то ни было, ощущалась крайняя заинтересованность в том, чтобы задержаться на первых стадиях наркоза — так называемой анальгезии. Секрет здесь вот в чем. Снижая до предела чувствительность, врач избавляет женщину от угнетающего влияния боли. Но глубокий, полный наркоз с выключением сознания во время ро-

ОБОЙДЕТ ВЕСЬ МИР»

дов не годится — роженица должна понимать, что хочет от нее акушер. И мышцы ее должны быть не расслаблены, как требуется хирургу, напротив, должны сохранять интенсивность мышечного сокращения. Самое любопытное: последние исследования показали, что именно при анальгезии все системы работают на идеальном режиме и даже схватки, этот сильнейший стресс, не вызывают нарушений. Но как удержать эту стадию?

В свое время, еще до того, как заняться импульсными токами, Э. Каструбин (а речь сейчас пойдет о его работах) изучал действие сильнейшего анальгетика — трилена. Было известно, что с помощью барбитуратов стадию анальгезии можно удержать не больше минуты, с помощью эфира — три минуты, закиси азота с кислородом — десять. Трилен давал двадцать пять минут. Рекорд, да еще какой! Выше не мог прыгнуть ни один известный фармакологический препарат. Но и эти рекордные минуты не устраивали врача. Что они в сравнении с мучительными часами родов?

В то время, заканчивая работу над кандидатской диссертацией, он начал писать сценарий научно-популярного фильма о борьбе с болью. И все тот же сакраментальный вопрос задал ему режиссер: если не химия, то что еще? Каструбин слышал, что будто в одной из московских хирургических клиник работают над методом электронаркоза. Он поехал к хирургам. «Увы,— сказали они,— мы не можем добиться анальгезии нашими токами». Но если не могут одни, значит ли это, что порочна сама идея? Не эти токи, так другие, не в этой клинике, значит, в соседней.

Идея была сформулирована и заставила начать поиск. Теперь, когда известен результат, я понимаю, что он был в известном смысле предопределен. Не то, чтобы успех был обязателен, но неизбежен был выход на импульсные токи. До этого Каструбин прошел отличную школу в клинике известного нашего хирурга и анестезиолога профессора И. Жорова, учился у лучших акушеров, его кандидатской руководил профессор С. Ефуни, вместе с академиком Б. Петровским поднявший на щит лечебное действие наркоза. Свою работу он вел в физиологической лаборатории областного института акушерства и гинекологии, и стараниями его директора профессора О. Мацпановой эта лаборатория была великолепно оснащена, подбор приборов позволял проводить на современном уровне все электрофизиологические исследования. И, наконец, работа с директором Всесоюзного института акушерства и гинекологии академиком медицины Л. Персианиновым. Именно она окончательно убедила в выборе направления.

Леонид Семенович утверждал решающее влияние высших нервных центров на протекание беременности и родов. Но для этого мозг обязан бодрствовать. Мог ли не оценить его диссертацию Л. С. Персианинов, когда она попала к нему на отзыв! Да, сказал Леонид Семенович, надо искать устойчивую анальгезию. Но нельзя ли вообще без лекарств? Так начались их — акушера и физиолога — совместные исследования. Они не прекращаются по сей день.

Итак, отличная школа, великолепная лаборатория, моральная поддержка авторитетов. Но всего этого мало, все это в той или иной степени доступно и другим. Требовались еще настойчивость и упорство.

В книге Календарова надо было суметь увидеть протокол № 49, тот самый, где он впервые применил лобно-затылочное наложение электродов. И раньше и позже их накладывали по-всякому. На поясницу, вовлекая в зону действия токов спинной мозг и потому вызывая судороги. На глаза, как продолжают сегодня в сеансах электросна. Вреда никакого, это так, но надо было максимально оградить роженицу от страха. Как ей закрывать глаза? Акушерская этика, если хотите, требовала иного расположения электродов — на лоб. Как известно, в лобных долях мозга расположены высшие нервные центры, ведающие, как принято говорить, вегетатикой — дыханием и давлением крови, деятельностью желудка и почек. Но по образному и в то же время предельно точному выражению знаменитого французского хирурга Рене Лериша, «многие наши заболевания — всего лишь отражение усталости вегетативной нервной системы, утомленной случайностями нашей повседневной жизни». Каструбин же как раз и хотел использовать свою методику для борьбы прежде всего с утомлением рожениц.

В книге Яковлева он нашел не только экспериментальное подтверждение абсолютной безопасности импульсных токов, но и протоколы и письма пациентов, которые с их помощью избавились от своих болезней. Профессор приписывал лечебный эффект наркозу, а Каструбин увидел, что сознание при этом сохранялось. Значит, то был, конечно же, не наркоз — искомая анальгезия.

Так шаг за шагом выстраивалось здание нового метода. Не хватало последнего звена. Чтобы добиться устойчивой анальгезии, требовалось повысить силу тока. Требовалось все то же продвижение рычажка прибора, которое несколько десятилетий назад отвадило от электронаркоза сотни хирургов. В свое время это сумел сделать Ю. Худый с помощью гальванической постоянной, теперь необходимо было тот рекорд превзойти. Век электроники открывал новые возможности.

Содружество врача с инженерами научно-исследовательского института связи Валентином Ножниковым и Вячеславом Почтаревым вылилось в создание нового портативного прибора. Подробно рассказывать о нем пока преждевременно. Сказать можно лишь, что он абсолютно безопасен (работает на батарейках от карманного фонаря или транзистора типа «Спидолы»), а потому может применяться даже в полевых условиях. Он прост и удобен, потому доступен в любой амбулатории и роддоме. И, разумеется, главное его достоинство, ради чего он, собственно, и создавался,— новый прибор позволяет безотказно получать устойчивую анальгезию. Сколько требуется больному и на одном и том же уровне!..

«У меня родился сын, здоровый, крепкий. Только познавшая неимоверные страдания «обычных» родов женщина может во всей мере оценить преимущества электроанальгезии. Так рожать можно — нужно — всем!» (Дальше шли слова благодарности в адрес акушеров, которые я по вполне понятным соображениям опускаю — каждый поймет, что может сказать счастливая мать.)

IV

Каждый день в нашей стране рождается до одиннадцати тысяч детей. Одиннадцать тысяч матерей ежедневно! И более половины вступают в финальный этап беременности с бо́льшими или меньшими отклонениями от нормы. Вот скольким людям (причем в каждом случае сразу двоим) может помочь новый аппарат и методика.

Но почему только роженицам?

Давайте вспомним об удивительном могуществе наркоза. Животное в его объятиях не боится ядов — они перед ним бессильны. Поднятые на высоту, где кислородное голодание становится несовместимым с жизнью, они не погибают, если предварительно их оградить наркозом. Вспомним природный наркоз — зимнюю спячку животных, когда им сам черт не брат.

А еще вспомним грандиозную сопротивляемость организма к вредным воздействиям, механизмы колоссальной резервной надежности, проявляемой повседневно и ежеминутно — и в эксперименте и в обыденной жизни. И подумаем вот о чем: не отказывают ли они в тяжкие для нас дни усталости и болезни только лишь потому, что на все про все в эти самые ответственные дни их уже не хватает? Вынужденная постоянно сражаться на всех фронтах, уникальная саморегулируемая система — наш организм преждевременно расходует свои силы и в решительный момент дает сбой.

Где же выход?

Прежде всего, разумеется, надо постоянно заботиться о стимуляции, об укреплении наших защитных бастионов. Один из лучших способов — физическая культура. Но сейчас меня интересует другое. Момент срыва. Ведь человек, как правило, обращается к врачу не в расцвете сил — в том возрасте, когда организм уже достаточно изношен. Как помочь ему в этот момент? Что, если воспользоваться электроанальгезией?

Преодолев миллионы лет эволюции, человек породнился с электромагнитными полями и токами. Они обязательный атрибут каждой живой клетки, мы не можем обойтись без них, так же как и без кислорода. И, воздействуя импульсными токами, возвращая к норме мозаику нервного возбуждения и торможения, не сумеем ли мы навязать организму программу выздоровления. Даже лучше того. Огражденный от всего постороннего броней электроанальгезии, он сам сумеет распорядиться своими резервами, бросив всю мощь саморегуляции на исправление наиопасных дефектов.

Сегодня это уже далеко не беспочвенная гипотеза. Сегодня можно с достаточной уверенностью предположить, что в новом методе скрыто гораздо больше возможностей, чем используется в акушерской клинике.

Страх перед операцией и боль после нее угнетают больного, подавляют его способность к сопротивлению. Электроанальгезия, как никакой другой метод, способна избавить человека от их парализующих влияний. Ослабленному болезнью человеку требуются более высокие дозы лекарств, вовсе не безразличных организму. Может быть, объединение фармакологии с электроанальгезией позволит их уменьшить. И также, может быть, позволит избавить от вредных последствий фармакологического наркоза, снизив дозы наркотиков до минимума. А затем, вылечив человека от основного заболевания существующими методами лечения, врачи воспользуются все той же всеобъемлющей электроанальгезией для восстановления и развития защитных барьеров, для профилактики болезней, для конденсации бодрости, здоровья, физической и психической устойчивости.

Разумеется, вопросов здесь пока больше, чем уже известно ответов. Но пусть разрешит здесь наши сомнения мудрый голос Ивана Петровича Павлова: «Строго научное решение вопросов терапии еще впереди, но это, однако, отнюдь не исключает возможности плодотворного влияния всяких новых приобретений физиологии на деятельность врача...»

...Один из свидетелей первой операции под эфирным наркозом, известный впоследствии хирург Генри Бигелоу, выходя из операционной, сказал:

— Мы видели сегодня нечто такое, что обойдет весь мир!

Его пророчество сбылось фантастически быстро. А сегодня я верю, что так же быстро мир обойдет разработанная советскими учеными электроанальгезия.

БЛИЗКАЯ

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька».
Фото автора.

БОГ ШИВА И ИНЖЕНЕРНОЕ ИСКУССТВО

Хардвар... Небольшой городок, но в Индии о нем знает каждый. «Ворота в царство богов», «ворота в небеса» — так называют его в священных книгах и исторических хрониках. На то есть причины — и мифологические и реальные.

Город стоит на берегу Ганга, самой великой из индийских рек. Она считается священной. Именно у Хардвара Ганг вырывается из каменных объятий Гималаев и привольно разливается, завораживая своим могучим течением и голубой нежностью. В его величавые воды смотрят отроги не менее величавых гор. Кажется, что их далекие вершины в белых снежных шапках действительно соприкасаются с самими небесами. Да, верно, можно представить, что отсюда до поднебесья рукой подать!

Недаром Ганг, по индийской мифологии, считается воплощением богини Ганги, старшей дочери царя снегов Химаваты. Сын бога морей Бхагиратха спустил небесную Гангу на землю и пробил для нее проход через горы. В этом ему помог один из главных индийских богов, Шива.

Но мифология мифологией, а в Индии еще за пять тысяч лет до наших дней была одна из древнейших в мире цивилизаций. С тех пор много воды утекло. Но когда приходишь на берег Ганга в Хардваре, то кажется, что время остановилось. Сотни, тысячи богомольцев просто толпятся здесь или совершают обряд «священного омовения». Они считают воды Ганга чудодейственными и верят, что смоют в них грехи, поправят здоровье. Среди паломников много больных. Они жаждут исцеления. Они не прикрывают, а, наоборот, выставляют напоказ страшные опухоли и язвы. Есть и такие, которые пришли сюда умирать, ибо смерть в Хардваре, считают они, должна облегчить их загробную жизнь. Всюду нищие, всех возрастов и темпераментов, в невообразимых лохмотьях. Много апатичных, никогда не лающих собак. Величаво и лениво, словно в полусне, толпу время от времени рассекают большие, но тощие коровы. Все расступаются перед ними. Корова — священное животное в Индии. Не вздумай тронуть ее хотя бы пальцем или пугануть с дороги! Так же беспрепятственно, но с более озабоченным видом проходят через толпу священнослужители в оранжевых хитонах. Зазывно кричат торговцы из лавочек, где продается вода из Ганга. Вы выбираете по своему вкусу сосуд, его при вас заполняют водой из реки и тут же запаивают. А стоя у самой воды, видишь кишащих в реке рыб, больших, как наши сомы. Они тянут свои тупые морды к поверхности, молча, но настойчиво требуя подачки. Полуголые мальчишки продают пакетики с кормом для рыб. Торговля идет бойко, потому что и рыбы здесь священны. Более опрятные, чем другие, снуют по набережной продавцы дешевой, в каких-то немыслимо допотопных типографиях отпечатанной литературы полутуристского-полубожественного толка. В этих изданиях можно прочитать о том, что в Хардваре запрещается пить спиртное, есть мясо и рыбу, можно прочитать и о богине Ганге, ее сподвижниках. В одной из таких книжечек рассказывается и о том, как Шива и Бхагиратха прорубали для Ганги проход через горы. При этом безымянный автор пишет: «Трудно определить, был ли их подвиг примером величайшего инженерного искусства или примером могущества духа и религии».

Стоп! Откуда здесь «инженерное искусство»?! С этим выражением сталкиваешься уже на третьей странице путеводителя по Хардвару, а через полсотни страниц среди описаний храмов, пещер и прочих святых мест читаешь еще об одной достопримечательности у «ворот в небеса». Цитирую: «В четырех милях от Хардвара находится завод тяжелого электрооборудования, построенный с помощью Советского Союза. Рядом раскинулся современный и величественный жилой массив, там же есть школа для подготовки специалистов. Это один из крупнейших в Азии заводов такого типа. В постоянном техническом сотрудничестве с ним находятся всемирно известные советские заводы».

Шесть лет назад я впервые побывал в этих местах. Тогда в подобных описаниях Хардвара таких строк не было. Завод и городок при нем еще только начинались. Вот почему теперь, в 1973 году, мне было интересно снова взглянуть на Хардвар. На набережной Ганга тысячелетия, кажется, беспробудно уснули, а рядом вырос промышленный гигант.

Добравшись до завода, иду в кабинет генерального директора и вижу в его кресле старого знакомого К. Л. Пури. Шесть лет назад он был здесь одним из ведущих инженеров, а сейчас стал во главе завода. Он тоже узнал меня и потому, наверное, с особым жаром рассказывал обо всем, что свершилось здесь.

В 1965 году здесь начали расчищать джунгли. Сегодня на необозримой ровной площади поднялись заводские корпуса. И как бы красиво это ни звучало, но можно сказать, что именно здесь бьется энергетическое сердце Индии. Здесь делают стальные сердца для большинства индийских электростанций. Сам К. Л. Пури так и сказал мне: «Наш завод — база для развития энергетики всей Индии». Потом подумал и добавил: «Во всяком случае, до 80-х годов».

Сейчас на заводе восемь тысяч рабочих. Крупнейшая продукция сегодня — турбина в 200 мегаватт. Это мощный и современный агрегат. С нее и начал свой рассказ К. Л. Пури, ее прежде всего спешили показать мне при осмотре завода. Кстати, на этом наисовременнейшем производстве сконцентрировано три завода: электротурбинный, машинный и аппаратный. Три огромных, вытянутых на сотни метров корпуса, как линкоры в кильватерном строю, стоят, словно в бухте, высеченной в покрытых джунглями горных отрогах.

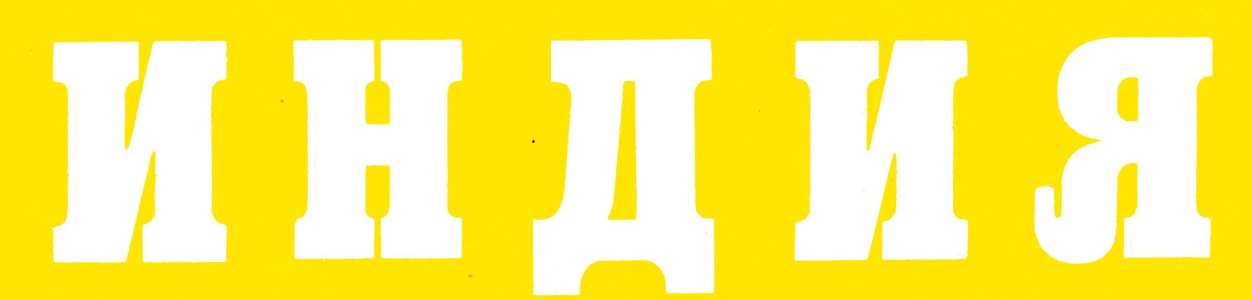
По этим цехам-ангарам меня водит Константин Федорович Потехин, руководитель группы советских специалистов на заводе.

В Костромской области, в сусанинских местах, вырос Потехин. Выучился на инженера, работал в Ленинграде и Новосибирске. И вот куда теперь забросила судьба! Вместе с ним здесь работают и передают свой опыт индийским специалистам инженеры и техники из Москвы, Ленинграда, Волгограда, Новосибирска, Харькова, Рязани, Минска, Горького, Коломны... Двадцать наших заводов помогают своему хардварскому собрату набирать силы...

Не удивительно, что русский язык здесь весьма популярен. Многие индийские инженеры и техники учились или проходили практику в Советском Союзе, в том числе и сам генеральный директор завода. Начнешь здесь с кем-нибудь разговор по-английски, а они сами вдруг переходят на русский. В цехах всюду светлые русские лица белеют в окружении смуглых. Вот фрезеруют ротор техник Всеволод Данилович Фионов из Новосибирска и его коллеги-операторы П. Д. Деман и Випи Сингх. Неподалеку обрабатывают статор Александр Михайлович Лисицын из Новосибирска, Б. Б. Шарма и Д. П. Тяги. Недавно прибывший с «Электросилы» из Ленинграда инженер Николай Васильевич Воронов руководит укладкой обмотки ротора.

В работе человек и взаимоотношения людские очень видны. Наблюдая в цехах советских и индийских специалистов, обращаешь внимание на их удивительно дружеские и в то же время деловые отношения. И та же сердечность в заводском городке, где они живут в светлых и аккуратных двухэтажных домах. Играют вместе в одни и те же вечные игры белые и смуглые дети. Их родители тоже вместе отдыхают в заводском клубе, развлекаются на спортивных площадках, в бассейне, вместе бродят по живописным окрестностям, ходят на охоту... Посланцы нашей страны, можно сказать, вполне здесь акклиматизировались:

Премьер-министр Республики Индия Индира Ганди. ▶

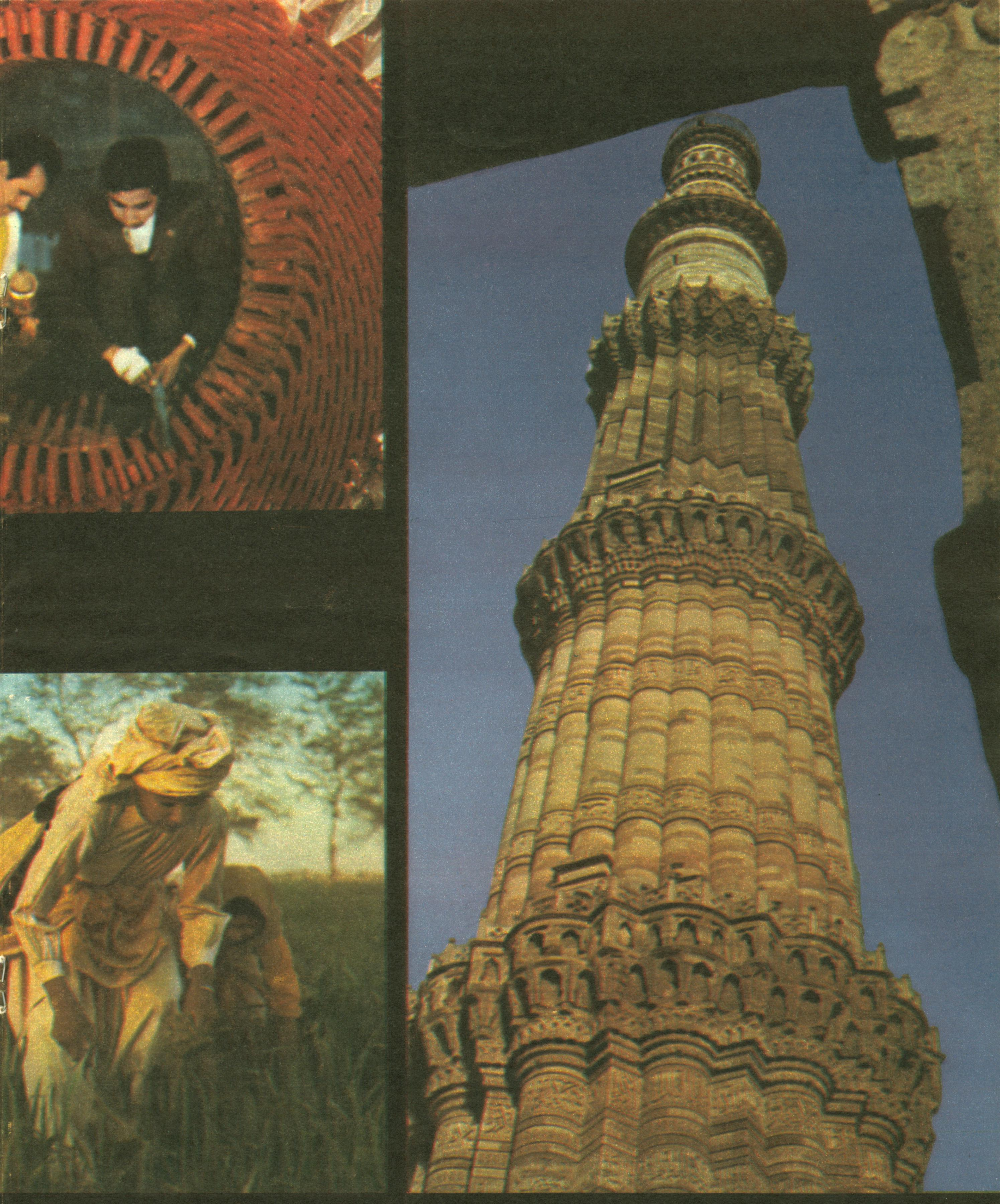

Хардвар. Завод тяжелого электрооборудования, построенный с помощью Советского Союза. Сборка генератора.

Тара Сингх Врар, заместитель директора сельскохозяйственной станции Суратгарх.

В поле. Сельскохозяйственная станция Суратгарх.

Одно из чудес Индии — башня Кутуб Минар.

недавно у инженера Бориса Кузьменко и его жены Веры родился сын, его назвали Максимом. Это первый советский гражданин, в паспорте которого в графе «место рождения» будет написано «город Хардвар».

ГЛАВНАЯ СУТЬ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

За шесть так быстро промелькнувших лет древнюю славу Хардвара переросла могучая индустриальная новь. Она неотделима от советско-индийской дружбы, которая тоже набрала за последние годы невиданную ранее силу.

Во время моего последнего пребывания в Дели, в феврале 1973 года, там состоялось первое заседание межправительственной советско-индийской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Этому заседанию предшествовали годы плодотворного и все растущего сотрудничества между нашими странами. Еще в середине 50-х годов был заложен первенец совместного труда Индии и СССР — ныне всемирно известный металлургический завод в Бхилаи. Сегодня в Индии при содействии Советского Союза сооружается свыше семидесяти крупных объектов.

В августе 1971 года был сделан новый важный шаг в упрочении нашей дружбы — был подписан советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. «Особенно большое значение,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на XV съезде профсоюзов СССР,— мы придаем прогрессирующему укреплению нашей дружбы с Индией, с великим индийским народом, который идет по пути свободы, независимости и прогресса. Наши отношения с Индией неизменно укреплялись в течение всех лет ее существования как независимого государства. Именно в результате этого развития родился советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве».

Советско-индийские отношения развиваются на основе взаимной выгоды. Индия стала одним из наших крупнейших торговых партнеров. «Сотрудничество между Индией и Советским Союзом,—говорит премьер-министр Индии Индира Ганди, — покоится на их общей приверженности к миру и мирному сосуществованию, на идентичности взглядов в отношении колониализма, неоколониализма и расизма, на убеждении в том, что, сотрудничая, мы можем извлекать взаимную выгоду...»

За этими высказываниями Л. И. Брежнева и Индиры Ганди стоят большие и весомые дела. Сегодня, например, Бхилайский металлургический завод дает одну треть выплавляемой в Индии стали. А на помощь ему пришел его младший, но еще более могучий брат—металлургический завод в Бокаро. Это крупнейший объект советско-индийского сотрудничества. И это вообще самая большая в истории Индии стройка. Сейчас на ней занято более 60 тысяч строителей и монтажников. В начале этого года завод в Бокаро установил свой первый рекорд: за три месяца, прошедшие после пуска первой домны, она дала стране 123 тысячи тонн чугуна. Эти показатели — рекордные в истории металлургии Индии.

Но дело не только в масштабах свершений. Дело и в качественной стороне нашего сотрудничества. В чем ее суть? Пятнадцать лет назад для строительства завода в Бхилаи из СССР было поставлено свыше 90 процентов оборудования и металлических конструкций. А сегодня основная часть оборудования для Бокаро изготовляется непосредственно в Индии, а из СССР поставляется всего 35 процентов оборудования и менее 10 процентов металлических конструкций, причем Бокаро получает много продукции из Ранчи, с завода тяжелого машиностроения, построенного в Индии при участии наших специалистов. Уже при строительстве первой очереди Бокаро на трех пятых оборудования стоит марка «Сделано в Индии». Для второй очереди Бокаро промышленность Индии поставит четыре пятых современного оборудования, причем в основном с предприятий государственного сектора, построенных при содействии Советского Союза.

Индийский экономист Р. К. Шарма, характеризуя особенности нашей помощи Индии, подчеркивает, что она всегда направлена на то, чтобы Индия как можно быстрее встала в экономике на свои собственные ноги. Вот в чем победная и наиблагороднейшая суть нашего сотрудничества! Вот когда его существо раскрывается именно таким образом, тогда и звучат такие, например, цифры: после расширения металлургических заводов в Бхилаи и Бокаро их общая мощность будет при содействии СССР доведена с 4,2 миллиона тонн до 17 миллионов тонн стали в год!

Успешное советско-индийское сотрудничество корнями своими уходит в традиционное чувство дружбы между народами обеих стран. О нем я долго беседовал с Литто Гхош, генеральным секретарем Индийско-советского культурного общества.

Статная, красивая женщина средних лет, сразу располагающая к себе, она как бы специально избрана судьбой для того, чтобы служить делу мира и дружбы. Ей есть о чем рассказать. Общество имеет около одной тысячи местных отделений во всех концах страны. Последние месяцы его деятельности, говорит Литто Гхош, были особенно плодотворными. На то есть веские причины: отмечалось 25-летие независимости Индии, 50-летие образования СССР и, наконец, 20-летие самого общества.

«Мы обратились ко всем нашим местным отделениям,— говорит генеральный секретарь общества,— с призывом отметить эти годовщины под общим лозунгом дальнейшего укрепления индийско-советской дружбы. Надо сказать,— улыбаясь продолжает она,— эти празднования проходили в течение нескольких месяцев и включали в себя сотни, тысячи различных мероприятий по всей стране. Главной задачей нашего общества мы считаем помощь Индии в построении новой жизни, вот почему мы должны делать все, что в наших силах, для укрепления дружбы с вашей страной. Опыт Советского Союза в решении различных проблем за пятьдесят с лишним лет является вдохновляющим примером и вызывает огромный интерес в нашей стране».

Пожалуй, самым ярким примером, символизирующим сотрудничество и дружбу между СССР и Индией, можно назвать одно наше предстоящее совместное дело, о котором недавно сообщила в индийском парламенте Индира Ганди. Она сказала, что спутник Земли, впервые сконструированный и построенный в Индии индийскими рабочими, техниками, инженерами и учеными, будет запущен в 1974 году с советского космодрома.

РЕШАЮЩАЯ ФАЗА

Путеводитель по павильону полезных ископаемых Индии на международной выставке в Дели открывается неожиданным вопросом: «Богатая страна, населенная бедными людьми?»

Богатая страна! Не много стран на земле так щедро одарены природой, как Индия. На огромных площадях здесь можно снимать по два-три урожая в год. Многочисленные реки могут не только орошать поля, но и приводить в движение турбины электростанций. Леса Индии — источник ценной древесины самых разных сортов. По запасам железной и марганцевой руд Индия занимает одно из первых мест в мире, велики также запасы цветных и драгоценных металлов. Богата страна каменным и бурым углем, с помощью Советского Союза найдена нефть. В Индии крупнейшие в мире залежи радиоактивного элемента — тория, а это открывает широкие возможности для развития атомной энергии в мирных целях.

И при всем этом — бедные люди?! Да, стране еще предстоит борьба с тяжелым наследием колониального прошлого, хотя уже сегодня можно сказать, что Индия далеко шагнула вперед по пути строительства новой жизни. Министр планирования Индии Д. Дхар, один из ведущих экономистов и государственных деятелей страны, недавно заявил: «В 70-е годы наша страна вступила в решающую фазу на длинном пути достижения экономической самостоятельности и независимости. В 80-х годах Индия будет одной из развитых стран мира». Для такого оптимистического прогноза есть все основания. В Индии создана национальная тяжелая индустрия и машиностроение. В стране уже работают две атомные электростанции, в 1980 году мощность индийских атомных электростанций будет доведена до трех миллионов киловатт. Об уровне развития промышленности говорят и такие факты: Индия производит сверхзвуковые самолеты, вертолеты, военные корабли; в начале 1973 года была успешно запущена метеорологическая ракета, полностью созданная в Индии.

Решающая фаза на пути к достижению экономической самостоятельности облечена в самые конкретные, реальные формы. Это пятый пятилетний план (1974—1979 годы). На его развитие предполагается направить вдвое больше средств, чем в текущей пятилетке.

И еще важная особенность: в пятилетнем плане предусматривается, что государственный сектор займет ключевые позиции в жизненно важных отраслях экономики. Укрепление государственного сектора — твердая и последовательная политика правительства Индии. В 1972 году, например, 60 процентов стали и 72 процента нефти уже вырабатывались в государственном секторе. В начале 1973 года правительство взяло под контроль местные и иностранные частные компании по добыче некоксующегося угля. А ранее государством были национализированы частные шахты по добыче коксующегося угля.

Осуществление национализации проходит в обстановке острой политической борьбы. Я был в Индии в дни последней национализации угольных компаний и имел возможность в этом убедиться. Угольные магнаты пытаются всячески саботировать мероприятия по национализации, а правые политические силы подняли шум по поводу решения правительства и встали на защиту принципа «свободного предпринимательства».

А ведь решение о национализации угольной промышленности принято прежде всего в интересах Индии. Частный сектор был не в состоянии обеспечить резкое увеличение производства угля, что необходимо для выполнения пятого пятилетнего плана. К концу будущей пятилетки производство угля в стране возрастет более чем вдвое.

Да, осуществление решающей фазы экономического развития Индии неразрывно связано с решением многих политических проблем, с борьбой против сил реакции. Эти силы, и прежде всего индийские монополии в союзе с иностранным капиталом, сразу после смерти Неру попытались перейти в наступление, повернуть развитие страны вспять. Активизировали свою деятельность шовинистическая партия Джан Сангх и партия крупных помещиков и монополистов «Сватантра»; правые элементы, действуя в рядах правящей партии Индийский национальный конгресс (ИНК), пытались изменить ее курс, но патриотически настроенные силы ИНК во главе с Индирой Ганди, левые демократические силы противопоставили реакции программу социально-экономических преобразований, поддержанных всем народом. Этот курс оправдал себя. На выборах в парламент в 1971 году реакции было нанесено сокрушительное поражение. Весной 1972 года убедительной победой демократических сил завершились выборы в законодательные собрания штатов. Но борьба не окончена. У новой Индии еще немало врагов как внутри страны, так и за ее пределами.

Я был участником длительной беседы группы советских журналистов с председателем ИНК Ш. Д. Шармой. Отвечая на наши вопросы, он подробно рассказал о политической ситуации в стране и о недавно закончившемся 74-м съезде ИНК. Шарма сказал, что за истекшие три года ИНК укрепил свои позиции. Сейчас партия располагает значительным большинством мест в обеих палатах парламента и почти во всех штатах. Шарма подчеркнул, что основной задачей прошедшего съезда была выработка практических путей для реализации политики партии. Он напомнил нам о выступлении на съезде Индиры Ганди, которая, в частности, сказала: «Нашей целью является построение социализ-

◀ Дели, 1973 год. Парад в День провозглашения Республики.

ма, капиталистический путь неприемлем для Индии. Мы будем стремиться к созданию нового общества, свободного от нищеты, предрассудков и других социальных пороков. В этом стремлении нас не остановят попытки определенных внутренних и внешних сил задержать наше экономическое развитие».

СЕЛЬСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Последний съезд ИНК в числе прочих принял решения о реформах в сельском хозяйстве. Это самый сложный участок экономического фронта. Примерно 440 миллионов из 550 миллионов населения страны проживают в сельских районах, причем около половины крестьянских семей либо совсем не имеют земли, либо обладают крошечными наделами.

Съезд ИНК решил провести в этом году два важнейших мероприятия в области сельского хозяйства: взять под контроль государства всю оптовую торговлю пшеницей и рисом и провести в жизнь аграрную реформу. До сих пор проведение преобразований в деревне заметно отставало от прогресса в других сферах экономики. Это объясняется прежде всего прямым и скрытым саботажем со стороны крупных землевладельцев и кулачества.

Надо сказать, что Индия достигла заметных успехов и в сельском хозяйстве. За годы независимости производство зерновых было удвоено. Тем самым страна приблизилась к решению одной из самых жизненно важных задач — самообеспечению продовольствием. В прошлом году Индия впервые не импортировала продовольствие. Это знаменательный факт! Но тем не менее положение беднейших слоев крестьянства и многих городских тружеников все еще остается тяжелым. Нищета и отсталость, говорит Индира Ганди, не могут быть ликвидированы за четверть века независимости. Поэтому, продолжает она, народ свободной Индии должен направить всю свою энергию и созидательные усилия на борьбу с нищетой и бедностью.

В этой борьбе важное место занимает преобразование индийской деревни. Я бывал во многих из них, но сейчас хочу рассказать не о старой, традиционной деревне, а о новой, которая является прообразом грядущего дня. Я хочу рассказать о государственной сельскохозяйственной станции Суратгарх, находящейся в штате Раджастхан.

Старожилы рассказывали мне о недавнем прошлом этих мест. Запомнилась такая деталь: и стар и млад всегда устремлялись на вокзал встречать поезд. Не из любопытства, а по необходимости. Они спешили туда с пустыми кастрюлями в руках, с банками и бутылками, чтобы выпросить хоть немного питьевой воды у машиниста и кондукторов. Вода здесь, в пустыне, была на вес золота.

Чем дальше отъезжаешь от Дели на северо-запад, тем все ощутимее дыхание пустыни. Сельскохозяйственная станция Суратгарх стоит в ней, словно огромный волшебный оазис. Но это не мираж, а рукотворная сказка.

В 1955 году Советский Союз подарил Индии тракторы, комбайны, грузовики, бульдозеры, экскаваторы и другую сельскохозяйственную и дорожную технику для создания современного сельского хозяйства на площади в 30 тысяч акров (12 тысяч гектаров). Как видите, хозяйство немалое! И сегодня, много лет спустя, в его летописи сказано, сколько в пустыню прибыло советских тракторов, комбайнов, борон и т. д. Там же записано, что вся техника была новейшей и была доставлена в отличном состоянии, специально отмечается, что она была упакована в ящики из прочных толстых досок и к тому же упрятана в специальную защитную бумагу; все металлические части были покрыты специальным химическим составом, защищающим технику от всех превратностей местного климата.

Я с интересом читал об этих и других деталях становления нового хозяйства. О них навсегда записали в свою летопись и о них с благодарностью помнят основатели станции, как помнят по именам советских специалистов, прибывших в пустыню вместе с техникой. Стоит только здесь заговорить с кем-нибудь из старожилов, как те, узнав, что ты из Советского Союза, вспоминают своих уже давно уехавших на родину наставников — главного инженера Селиванова, Фадеева, Кутового, Лавриненко, Бедрика и других. Их имена написаны на плите, прикрепленной к зданию дирекции станции.

Но почему было выбрано именно это, казалось бы, не очень подходящее место для нового хозяйства? Индийские специалисты долго выбирали земли для него. Девять штатов оспаривали эту честь. У Суратгарха оказалось много достоинств. Главное — уже тогда решалась проблема воды, она пришла сюда из новой ирригационной системы. Да и почвы здесь, под слоем песка, оказались весьма неплохими. К тому же привлекал ровный рельеф (хозяйство раскинулось на десятки километров!). Важно было и то, что здесь почти никто не жил,— ни переселять людей, ни покупать землю не пришлось.

Место было выбрано удачно. Хозяйство процветает, дает прибыль и служит живым примером: в Индии уже немало других таких же станций.

Первое, что поразило меня на полях станции,— это всходы пшеницы. Был ласковый февральский вечер индийской зимы. Вместе с двумя молодыми специалистами, механиком Д. И. Джайном и агрономом В. К. Шармой, я ходил по ярко-зеленому полю, смотрел на свежие всходы, не по-нашему широкие и мясистые. Здесь, на этой щедрой земле, при таком обилии солнца и надлежащем орошении, все знакомые с детства культуры выглядят так, будто смотришь на них через чуть влажное увеличительное стекло. И дают они здесь по два-три урожая в год. Поэтому февральские поля хозяйства выглядят так: на одних только что закончилась уборка, на других появились всходы... И всюду щедрая, светлая, исчерченная рвами, незнакомая земля, но пахнет она по-нашему, по-родному. Это запах ухоженной человеком пашни. Запах жизни и труда, настоянный на ароматах земли, воды и солнца.

Вечером директор станции Хариндер Сингх рассказывает об ее истории и работе, а на другой день, с раннего утра, его заместитель Тара Врар Сингх берет на себя обязанности гида, и мы в микроавтобусе несколько часов колесим по полям, садам и огородам. Справка, приложенная к карте хозяйства, говорит о том, что дороги в его границах протянулись почти на 300 километров! То и дело переезжаем через мосты и мостики оросительных каналов (их общая длина — 427 километров).

Да, вот так индийская земля не выглядела никогда! И что самое главное — с ее преобразованием другими стали люди, ее обрабатывающие. Раскованные, свободные хозяева земли!

У мастерских встречаемся с механиком П. Р. Найером. Он работает здесь с самого начала и, конечно, тут же с благодарностью вспоминает наших специалистов. Что восхищало и продолжает восхищать его? Не только глубокие знания и богатый опыт наших инженеров и агрономов, но и их человечность, отзывчивость, неиссякаемое трудолюбие. Найер рассказывает, в каких жестоких условиях пустыни начиналось становление хозяйства, и советские специалисты всегда подавали пример стойкости и трудовой доблести.

В саду, где не видно ни конца, ни края и где ветви гнутся к земле под тяжестью плодов, новая интересная встреча. Пожилой агроном Бхарат Сингх тоже хорошо помнит наших специалистов, даже рассказывает мне, где служил во время Великой Отечественной войны Селиванов. Кстати, оказывается, сам Бхарат Сингх — в прошлом капитан индийской армии. Воин и садовник!

С особой гордостью показывают мне центральные ремонтные мастерские, похожие больше на средних размеров механический завод. У центрального входа надпись: «Это живой символ дружбы между народами СССР и Индии».

ПРАЗДНИК

На всю жизнь запомню я день, проведенный в одном из делийских парков, где собрались танцевальные труппы, приехавшие в столицу из всех штатов на празднование годовщины республики. На газонах в течение нескольких часов они репетировали танцы, с которыми им предстояло затем выступать на параде.

На разных газонах — разные штаты. Черные, смуглые, бронзовые, коричневые, почти белые лица и тела. Яркие костюмы всевозможных расцветок и фасонов. Совершенно фантастические маски. Трубы, барабаны и другие музыкальные инструменты, каких ни в одном оркестре не увидишь. Копья, мечи, кинжалы — тоже атрибуты танцоров.

Смотришь на все это и еще раз удивляешься: сколь велика и многолика Индия! Каких только народов и укладов жизни в ней нет! Но самое сильное впечатление производят, конечно, ошеломляющие взор и чарующие сердце танцы. Культура тысячелетий и неисчерпаемый талант народа стоят за пленительными точеными танцовщицами, самозабвенно отдающимися мелодии и ритму.

И еще незабываемое впечатление — традиционный парад. Зрелище тоже уникальное!

На белой открытой машине к центральной трибуне прибывает премьер-министр Индира Ганди. Через пять минут сюда же подъезжает карета президента Индии в сопровождении большого конного эскорта.

В открытой машине проезжает командующий парадом, за ним, тоже в открытых машинах,— офицеры, награжденные высшими орденами Республики.

Затем скачет конница, а следом — воины на... верблюдах. Их сменяют танки, броневики и транспортеры. Плывут над асфальтом ракеты. Проходит артиллерия. Движутся инженерные войска, на платформах — понтоны, скреперы, десантные суда. Идут саперы, связисты...

Пехотные подразделения. Снова праздник всех цветовых оттенков и демонстрация всевозможных воинских нарядов. А перед каждой колонной — оркестр. У музыкантов форма еще более эффектная. Их возглавляют дирижеры с ассистентами. В руках у них большие жезлы, которыми они выделывают такие номера, какие не каждому жонглеру под силу.

За радугой пехоты следуют солдаты со служебными собаками, а за ними — лыжники. Затем идут моряки, тоже со своими оркестрами. Их колонны замыкают морские ракеты и торпеды.

В пешем строю проходят военные летчики, отряды так называемой территориальной армии, ветераны, пограничники, медицинские сестры, пожарники, кадеты, школьники, и все тоже, конечно, с оркестрами!

Важно шествуют празднично наряженные слоны, огромные и совсем игрушечные, не больше теленка.

И долго едут одна за другой платформы, на которых актеры разыгрывают сцены из истории борьбы за независимость: митинги, демонстрации, расстрелы и даже казнь через повешение.

Наконец, в танце проходят танцоры из всех штатов.

Более чем двухчасовое зрелище завершается воздушным парадом. Праздничный шум тонет в реве реактивных моторов.

Традиционные январские торжества на этом не закончены. Вечером, на заходе солнца, устраивается еще одна церемония — «отбой». У здания правительства Индии, там же, где проходил парад, выступают военные оркестры. Они красиво вышагивают под марши. Воины на верблюдах, словно изваяния, застыли на высоком парапете и четко вырисовываются на фоне вечернего неба.

Вот уже совсем стемнело. Звучат орудийные залпы. В небе вспыхивает фейерверк. Вдоль всего периметра крыши правительственного здания загораются факелы.

Республика отпраздновала свой день рождения в двадцать третий раз.

СВЕРШЕНИЯ ЗАВАДСКОГО

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Московский театр имени Моссовета... Создан при культотделе МГСПС (Московского городского совета профессиональных союзов) как театр для обслуживания рабочего зрителя под названием Театр имени МГСПС. С 1930 назывался Театр МОСПС, с 1938 — Театр имени Моссовета. Датой рождения театра принято считать март 1923. Однако еще в конце 1922 были поставлены первые спектакли — «Савва» Л. Андреева и инсценировки С. И. Прокофьева «Праздник крови» по роману Войнич «Овод» и «Париж» по роману Э. Золя, исполнявшиеся в рабочих клубах Москвы».

Так говорит о рождении театра справка из энциклопедии. Награжденный орденом Ленина, Театр имени Моссовета в апреле 1973 года празднует свое пятидесятилетие... В моей памяти театр возникает в ту пору, когда во главе его стоял Е. Любимов-Ланской, когда в нем играли такие актеры, как неистовый В. Ванин, Г. Ковров, М. Розен-Санин, К. Давидовский, Т. Оганезова (сегодня она золотая юбилярша театра), когда в нем шли такие раскаленные огнем времени спектакли, как «Шторм», «Чапаев», «Мятеж», «Ярость», «Рельсы гудят». Даже сами их названия звучат как залпы.

Борьба с тифом, голодом и белыми, разбуженная революцией деревня, опаляющее дыхание рабочих цехов.

«Теперь уже,
хотят иль не хотят,
но даже глуховатые услышат,
что рельсы-то действительно гудят»,—

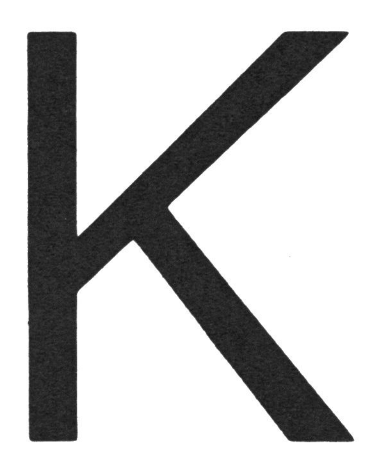
писал об одном из таких спектаклей Александр Жаров. Вот интонация тех лет...

Потом в театр пришли И. Берсенев, С. Гиацинтова, С. Бирман.

В одно целое сливались сцена и зал на спектакле-митинге «Салют, Испания!» Афиногенова, когда по залу проходили колонны бойцов интербригад, когда врывалась в зал яростная и прекрасная в своем гневе испанская мать — С. Бирман, когда нам самим мнилось, что мы сражаемся у ворот Мадрида...

В 1940 году главным режиссером театра стал Ю. А. Завадский.

Я помню спектакль, который был как бы символом дружеского слияния разных поколений театра. Это была «Машенька» Афиногенова. Старика профессора играл Е. Любимов-Ланской. Он души не чаял в ученице Завадского Вере Марецкой — Машеньке. Спектакль освещал своим непобедимым, русским, славным обаянием Василий Ванин. А ставил «Машеньку» Юрий Завадский. О нем я и хочу повести разговор.

Как странно: когда совсем еще молодой Юрий Завадский 13 ноября 1921 года, в день открытия Третьей студии Художественного театра, вышел на сцену в своей первой большой роли — в «Чуде святого Антония»,— его Антоний Падуанский был поразительно похож на того самого Юрия Александровича Завадского, с которым я расстался несколько дней тому назад. Тот же великолепный купол головы, обрамленный пушистой сединой. То же удивительное сочетание какой-то детской наивности с мудростью; то же артистическое изящество высокой фигуры, заставляющей вспомнить Дон Кихота; та же летящая, праздничная походка.

А главное, сегодняшний Завадский продолжает заниматься тем же самым, что и его святой в пьесе Метерлинка в те далекие времена: он совершает чудеса. Как известно, в сатирическом гротеске, поставленном Вахтанговым, Антоний приходит в дом умершей госпожи Ортанс, чтобы воскресить ее, что и проделывает, к величайшему огорчению ее наследников. «Возвратись и встань!» — с какой-то воинственной одержимостью, по воспоминанию участников и очевидцев спектакля, говорил эти слова Антоний — Завадский, до этого с тихой проникновенностью, мягкостью и простотой ведущий свою роль.

А разве сейчас мягкий, тихий, необычайно воспитанный, всегда изящный Завадский не становится подчас совсем иным: сильным, одержимым, патетическим, гневным, когда он говорит свое «возвратись и встань!» живой душе актера, столь часто, увы, покидающей в ходе репетиции его тело, либо мертвой букве текста, в которую нужно заново вдохнуть ту жизнь, что в свое время вложил в нее драматический поэт.

Правда, Завадский умеет помочь актеру и автору и без патетических заклинаний, помочь незаметно, как бы невзначай, каким-то едва уловимым намеком подводя его к искомому решению.

Впрочем, разные бывают чудеса. «Возвратись и встань!» — если б можно было это сказать времени, чтобы ненадолго окунуться, заглянуть в атмосферу тех баснословных лет, в Москву двадцатых годов, вздыбленную революцией, где гений Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова создавал свои театральные шедевры, воскресить которые, как все в театре, во всей их трепещущей плоти, во всей неповторимости, сиюминутности их исторического и театрального мгновения, никто не властен.

Завадский держит в своих руках эту «связь времен». Он был участником тех ночей, когда смертельно больной Вахтангов, с температурой 39, зная, что дни его сочтены, прижимая к животу грелку, создавал свой, может быть, самый мажорный в истории нашего театра спектакль, свой манифест радости, свою «Принцессу Турандот». Завадский был Чацким Станиславского и вместе с ним творил на сцене народный праздник, тоже вызванный к жизни революцией,— «Женитьбу Фигаро» Бомарше. И он же, Завадский, репетирует с сегодняшними актерами Театра имени Моссовета.

Он как мост, переброшенный между театральными эпохами. Через него проходят традиции и воспоминания.

В «Принцессе Турандот» он был, как известно, принцем Калафом. Как говорят, он был необычайно грациозен в своем черном фраке, на который был наброшен алый плащ на голубой подкладке, талию его охватывал широкий цветной пояс, на голове была красно-золотистая чалма, а в руках рапира.

Потом стали продавать одеколон с его изображением в этой роли на этикетках. Это была слава.

Однако молодой Завадский очень хорошо помнил слова своего учителя Вахтангова о «загадках Турандот». Как вы помните, Калаф в этой сказке Карло Гоцци для того, чтобы получить руку капризной принцессы, должен был наряду с другими женихами отгадать три ее загадки. Если не отгадает — смерть.

«Всю свою жизнь,— говорил Вахтангов,— актер разгадывает для себя те... загадки в искус-

Фото И. Тункеля.

стве, которые задает ему, подобно Турандот, «капризная принцесса» — жизнь. И далеко не все эти загадки имеют счастливый конец. Судьба многих актеров трагична, как судьба незадачливых предшественников Калафа».

Если художник не разгадает вовремя загадки жизни, его, как человека искусства, ждет либо смерть, либо тяжелая «болезнь».

Завадский знал это и всю жизнь старался разгадать все новые и новые загадки жизни и искусства и, наконец, стал загадывать загадки сам.

Сначала все было понятно: принц Калаф создал студию и будет там звенеть шутовскими бубенчиками, и радовать знатоков изящными, ироническими театральными шутками. И он звенел и радовал.

Вышло так, что студия Завадского стала едва ли не первым драматическим театром, где я встретился с завладевшим мной на всю жизнь колдовством сцены.

Мы, сретенские ребята, спешили на второй этаж углового дома, где был когда-то банк, а позднее — в один из переулков Сретенки, где в годы, когда мы были мальчишками, играла свои спектакли студия.

Если не ошибаюсь, она открылась причудливой пьесой Исидора Штока о комсомольцах, живущих в каком-то воображаемом городе Нырятине. Потом героем Сретенки стал отчаянный парень — «Ученик дьявола», которого сочинил Бернард Шоу, а играл Николай Мордвинов. Даже стулья в этом театре были озорными и размахивали руками — такими их придумал художник Тышлер для спектакля Завадского «Школа неплательщиков». И вообще там всегда было немножко странно и весело, возникали ли перед нами на сцене смешные и страшные маски «Вольпоне» Бена Джонсона или шли, как нам тогда казалось, уморительные, лихие, эксцентрические «Волки и овцы» Островского. Потом все стало несколько сложнее.

Завадский как-то шутливо заметил, что в жилах его течет, вероятно, очень голубая кровь, потому что в театре он, как актер, только тем и занимался, что играл святых («Чудо святого Антония»), аристократов самых высоких титулов (граф Альмавива в «Женитьбе Фигаро» и князь Трубецкой — «Николай I и декабристы»), принца («Турандот») и, наконец, самого императора («Надежда Дурова»). Не слишком именитый дворянин Чацкий как-то, в общем, тоже вписывается в эту компанию, хотя и был, как известно, против нее настроен.

И вот актер, игравший лишь принцев, князей и императоров, изящно-ироничный, празднично-театральный Завадский ставит как режиссер знаменитые спектакли о том, как бились насмерть и гибли бойцы бронепоезда «Мстислав Удалой» в Театре Советской Армии, как топили свои корабли по приказу революции матросы в «Гибели эскадры», о том, как в дни революционного штурма люди умирали не только от белогвардейской пули, но и от тифозной вши, а партийным активистам приходилось решать, как наладить работу бань или оградить женщину от побоев пьяного наглеца.

Загадки здесь, разумеется, никакой не было: еще Вахтангов в свое время вооружил своего ученика триадой правил, согласно которым режиссер обязан каждый раз заново искать решение театрального мира пьесы в зависимости от: 1) автора, 2) времени и 3) труппы, с которой он эту пьесу ставит.

— Почему «Турандот» принимается?— спрашивал перед смертью Вахтангов своих учеников.— Потому, что угадана гармония.

Завадский каждый раз заново искал эту гармонию, и если находил ее, тогда рождалось то счастливое ощущение неожиданности и открытия, которое сопутствует всему настоящему в искусстве.

Вспомните, кто видел, какой неожиданностью было сравнительно недавнее решение «Шторма», когда вместо залатанных тулупов, кожанок, видавших виды шинелей на нас на фоне серебряного горизонта, в праздничных концертных одеждах двинулась, аплодируя нам, во главе с Завадским вся труппа Театра имени Моссовета и потом, оставаясь все время торжественным и нарядным хором, актеры в современных костюмах, совсем как в «Турандот», беря лишь какие-то детали тех далеких дней, играли драму Билль-Белоцерковского, напоминая нам в этом праздничном спектакле-оратории о той неразрывной связи, что существует в жизни народа между нашим Вчера, Сегодня и Завтра.

Так понимает Завадский продолжение традиций: дух «Турандот» может жить и в спектакле героическом. Вахтанговская праздничность отнюдь не равнозначна вечному и благодушному веселью. Бетховен однажды записал в своих тетрадях: «Жизнь есть трагедия. Ура!» Наверное, это близко представлению Маркса о счастье как о борьбе. Грандиозность народной битвы, борение и смятение духа, столкновение светлых и темных, разрушительных начал бытия и, вопреки всему, вера в движение человечества и его духовное торжество.

Ю. Завадский любит весь спектр жизни. Было время, он пристально всматривался в то, как занимается ее утро. С таким родственным вниманием вместе с В. П. Марецкой он участвовал во всем, что происходило в душе афиногеновской школьницы Машеньки, будто это было его собственное дитя. Он славил краски ее знойного полдня: только попав в Венецию, где на одной из площадей стоит памятник гражданину Венецианской республики Карло Гольдони, в нестерпимом блеске солнца, морской воды, в несмолкаемом гуле толпы и трепетании тысяч голубиных крыл я понял, с какой полнотой он угадал свои гольдониевские спектакли.

Война повелела ему зорко и жестко всмотреться в краски ночи. Он заставил себя и нас глядеть на то, как гитлеровские изуверы надругались, погасили утро жизни Аниськи в «Нашествии» Леонова. Он показал нам — во всем юродстве черных, стяжательских страстей — бывшего домовладельца и черносотенца Фаюнина, возникшего как призрак, как летучая мышь в ночи нашествия. Как его играл В. Ванин!.. Он обнажил механизм роботов гитлеровской армии, обратившись снова к урокам вахтанговского гротеска. Он подымал, как знамя, стойкость и веру русского характера и неотрывно, жадно следил с участием за метаниями и исходом раненой души Федора Таланова. Быть может, здесь был исток будущих «Петербургских сновидений». С какого-то момента именно «хождение по мукам» человеческой души, ее трагическая вина, ее разлад с людьми и возможность ее возрождения становятся очень важной для него мелодией.

В эту пору он часто обращается к исследованиям крупных, коренных пластов нашей современной жизни и в характерах деятельных и цельных, увлеченных большими созидательными идеями, ищет и находит радующие его, как художника, силы. Но тревога за человеческую душу не оставляет его.

Так возникает один из этапных спектаклей — лермонтовский «Маскарад» с его черными зеркалами, в которых тонут живые лица, с Арбениным, пораженным тяжким недугом неверия, с удивительно найденным им дирижером спектакля — артистом Костомолоцким, который вначале дирижировал оркестром, а потом — словно воплощенная судьба — человеческими жизнями, и, наконец, неожиданным Неизвестным — А. Консовским, в ком угадывался уже будущий униженный и оскорбленный человек Достоевского.

Свои «Петербургские сновидения», создан-

ные по роману Достоевского «Преступление и наказание», Завадский посвятил Вахтангову. Посвятил потому, что развивал в этом спектакле по-своему, на новом этапе, вахтанговское понимание трагического, и потому, что после «Турандот» Вахтангов мечтал о Достоевском для студии, и потому, что считал этот спектакль самым крупным своим созданием последних лет. Он сам начинает его словами о дурных снах человечества и сам кончает, выявляя его сокровенный смысл. Высветляется каморка призрачного петербургского дома, с таким проникновением в мир Достоевского созданного художником Александром Васильевым... Флейтист наигрывает какую-то простенькую, трогающую сердце мелодию, появляется Раскольников — Бортников. И постепенно в его дуэтах с Сонечкой Мармеладовой — И. Саввиной, «вечной Сонечкой», его совестью и его спасением, в его дуэлях с Порфирием Петровичем — Марковым — то шутом и Полишинелем, то жестким и прозорливым аналитиком,— во всех этих снах, во всех этих возникающих из промозглого петербургского воздуха химерах и наваждениях, мы понимаем: мысль о трагических заблуждениях и опасных, суперменских идеях потому так неотвязно преследовала Завадского, что для него она была связана с судьбами всего человечества. Один отравил Нину на маскараде. Другой зарубил топором старуху и себя в придачу. Чудовищная идея третьего обернулась в другой век Освенцимом и миллионами погубленных жизней.

«Всемирность» миссии художника, долженствующего поднять голос против насилия и зла, владеет Завадским. «С художника спросится»,— писал в революционные годы Вахтангов, и для Завадского это стало девизом жизни. С художника спросится!

Ставит ли он спектакль в Нью-Йорке или Белграде, выступает ли его театр в Париже, гастролирует ли в Болгарии, Румынии или по нашей стране, ведет ли он рядовую репетицию или беседует как президент театральной секции Союза советских обществ Дружбы с японскими или скандинавскими актерами, он помнит об этом.

И еще им владеет благородная мысль о бессмертии театра. Он не устает повторять ее. Он может снова и снова к ней возвращаться. Он с наслаждением цитирует А. И. Южина, назвавшего театр «звездным небом человечества». Он влюблен в каждую его звезду. Он может превратить театр в карнавал, в ярмарку, ударить во все барабаны, завертеть трещотки, дуть в бычьи пузыри, расплескать представление по всем фойе, как в «Виндзорских проказницах» Шекспира. И, наоборот, сосредоточить его на одном, резко выдвинутом в зал помосте, как он сделал это в «Петербургских сновидениях», заставив Раскольникова исповедоваться «на миру».

И в том и в другом случае им движет желание новых контактов со зрительным залом, желание совместного действия, соучастия, сопереживания, единомыслия, исповеди, проповеди, призыва, диспута, мыслей вслух. Еще Мирандолина — Марецкая поверяла свои хитроумные замыслы залу, Яго — Оленин на зрителе, вслух прикидывал свои черные дела, Ростислав Плятт советовался со зрителем и вел его по «Далям неоглядным»... Завадский спускался со сцены в партер в «Шторме». И, наконец, среди зала, прямо рядом с нами, в окружении людей, возникает духовная кульминация «сновидений» — признание Раскольникова.

Завадский безмерно захвачен мыслями Ленина о театре. Он об этом много пишет, каждый раз с новым увлечением комментируя различные оттенки ленинских положений. Особенно дорога ему мысль Ленина, высказанная в присутствии М. И. Калинина, о том, что только театр способен вытеснить религию...

В это он верует свято!..

Удивительно цельная у Завадского жизнь в искусстве! Я сижу и слушаю выступление Юрия Александровича о том, каким он видит образцовый театр, достойный Москвы. Он говорит о театре, где будет тщательно изучаться и фиксироваться работа актера, где постоянный тренинг будет предшествовать репетиции, где будет принят особый устав (и он уже подписан всей труппой Театра имени Моссовета), по которому должен жить актер такого театра, а нарушив его, он должен из него уйти... Он говорит о мастерской драматургов при театре, где будут искать новые пути драматической литературы...

Я слушаю его и знаю, как это невероятно трудно. Сколько сил потребуется от режиссера, чтобы держать театр в режиме высокой духовной температуры поиска и праздника, как с возрастом (50 лет для театра — это несколько «эпох») уходит от актеров их прекрасная, бескорыстная студийная юность и как ее сложно вернуть.

— Нельзя жить в театре на уровне будней,— говорит Завадский.— Помните, какое было у всех чувство в тот день, когда кончилась война, какой праздник души, как целовались на улицах! Вот на такой духовной волне должен жить театр, на ней должно ставить пьесу о наших днях или «Гамлета»...

Я слушаю Завадского и вспоминаю текст другой его речи, той, что он, Юрий Завадский — Калаф, читал более пятидесяти лет тому назад по поручению Вахтангова, в тот день, когда сдавали «Принцессу Турандот» Станиславскому и МХАТу.

В ней он говорил о театре-лаборатории, о верности идеям Станиславского. О том, что вслед за «Турандот» на очереди, как предлог для того, чтобы начать в студии специальные занятия,— Достоевский и «Гамлет».

Какая стройная жизнь, как все соединилось и как он снова изящен и молод.

Гете писал, что интенсивная деятельность духа — «энтелехия», как он называл ее, делает до глубокой старости человека действительно физически молодым.

Но не только в этом «разгадка» того феномена, что носит имя Завадского.

Калаф трижды отвечал на загадки Турандот, и нам тоже не ограничиться одним ответом.

Станиславский когда-то говорил: «Нет нашего сейчас. Есть наше движение из вчера в завтра». Завадский любит повторять эти слова. Он все время в движении.

В этом движении он всегда остается самим собой, и обо всем — героическом и забавном — говорит так, как свойственно только ему одному, никогда не форсируя голоса.

Он свято чтит завет своего учителя Вахтангова: «Если художник хочет творить «новое», творить после того, как пришла она, Революция, то он должен творить «вместе» с народом. Ни для него, ни ради него, ни вне его, а вместе с ним».

И еще одно, последнее...

Так случилось, что недавно мы вместе с Завадским были в Польше. Однажды, зайдя к нему в номер, я застал Юрия Александровича за странным занятием: он наполнил горячей водой ванну и опускал в нее врученные ему по приезде розы. Они плавали на поверхности воды и казались нарисованными. Потом, на моих глазах, впитывая горячую влагу, они теряли блеклость, распускались... В номере Завадского расцветал сад...

Завадский ничего не смог бы сделать, если бы не вырастил сада. Иных из выращенных им уж нет ныне. Но без них не было бы сейчас золотой даты театра.

Я должен был бы назвать много прекрасных имен ушедших — Николай Мордвинов, Борис Оленин, Осип Абдулов, Павел Герага, Ирина Анисимова-Вульф, но скажу лишь об одном из них, с которым когда-то часто встречался. Это режиссер Александр Шапс, человек непостижимой энергии, всегда живущий сегодняшним днем страны. Если б не он, не было бы в театре ни «Битвы в пути», ни «Совести», ни «На диком бреге», ни «Василия Теркина». Театр имени Моссовета многим ему обязан!

Сила Завадского — сила театра.

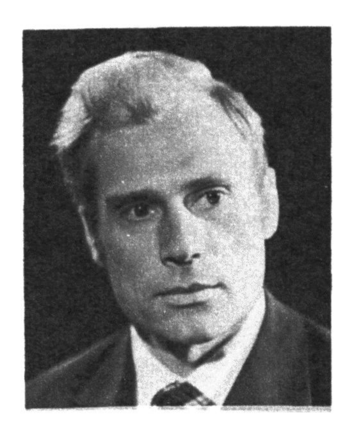
Только потому, что с ним сегодня его ученики,— от прославленных В. Марецкой и Р. Плятта, от таких мастеров, как Ф. Раневская, Л. Марков, И. Саввина, главный художник театра А. Васильев, до самых молодых: Г. Бортникова, Н. Дробышевой, В. Талызиной, Б. Щедрина,— он может отважиться на такие смелые планы, какими полон...

Конечно, Ю. Завадский бывает разным.

Бывает, он сидит молча, усталый, и рассеянно слушает вас, думая о своем, рисуя что-то на бумаге одним из своих бесчисленных карандашей... Но я его вижу другим.

Вечер. Я выхожу из театра. Мимо меня легкой, летящей походкой проходит Завадский, праздничный, молодой, проходит «из Вчера в Завтра».

Алексей
МЕНЬКОВ

В ЭТОМ МИРЕ, В ЭТОМ НЕБЕ ЯСНОМ...

Вдоль берега Оки проходит женщина,
Она здесь гость желанный и родной.
На берегу на этом ей обещано
Немало было вешнею волной.
Полвека ровно за плечами, много ли?..
А кажется, что было все вчера:
Из детства уходила. Нежно трогали
За платьице подруга и сестра.
Судьба вела дорогою отвесною.
И девочка из тихого села
За правдой шла, как за бессмертной песнею,
И потому счастливою была.
Ведь люди зря не говорят сердечные
Слова тому, кто бессердечен сам.
...Полвека ровно. Слишком быстротечные
Ах годы, годы... Только по делам
Заметны вы: двоих детей, оставшихся
Без матери, родными назвала.
А сколько же людей, легко сорвавшихся
С откоса жизни — к жизни привела!
...Полвека ровно, за плечами, много ли?
Немало, но все было как вчера:
Из детства уходила — нежно трогали
За платьице подруга и сестра.

* * *

Я слышал фугасные взрывы,
От страха и голода стыл.
Я видел людей молчаливых.
У братских высоких могил.
Пусть был я не очень смышленым,
Но все-таки был, и уже
В числе двадцати миллионов,
С отцом, мог упасть на меже.
...Такие бывают минуты,
Когда, принимая всерьез
Негаданные пересуды,
Куда-то бреду меж берез.
Но вспомню — и к черту усталость
И мелочную маету!
Ведь жизнь-то не просто досталась,
Мгновенья ее на счету.

БАБУШКА

«Что-то самолеты разлетались,
Чует мое сердце, не к добру...»
Доживешь, старушка, не печалясь,
Не крестись, родная, на ветру.
За плечами легкими твоими
Все четыре — да каких — войны.
Пусть летают, разминают крылья,
Мы не дети сонной тишины.
В этом мире, в этом небе ясном
Каждому свое предрешено.
Не волнуйся, бабушка, напрасно,
Не тревожь соседок заодно.
Посмотри, какой закат осенний,
Окантовка — золотая нить.
Миновало время потрясений
И сомнений: быть или не быть...

Владимир ЧИВИЛИХИН,
специальный корреспондент «Огонька»

ШВЕДСКИЕ

ДЬЯВОЛУ МНОГО РАБОТЫ

Гётеборг — портовый, рабочий город. Серые, плоские, сглаженные ледником скалы окрест, здания блеклых оттенков. И зеленое убранство поскромней, ни птиц нет, ни белок на улицах, и даже вывески построже и попроще. Рожденный морем и для моря, Гётеборг несет на себе печать его суровой северной простоты, и городские монументы подчеркивают деловые, серьезные отношения города и моря. На центральной площади возвышается в струях фонтана гордость Гётеборга — «Посейдон» знаменитого Карла Миллеса. Это не традиционный бородач с трезубцем, а молодой, обнаженный северянин, простой и понятный бог, с мускулами, затвердевшими на веслах. Он стоит в живой, динамичной позе, будто только что вынырнул из воды; в одной руке — раковина, в другой — лосось. Вот посреди улицы еще одна «морская» скульптура — разновысокие бетонные столпы, плотно и со вкусом сгруппированные, символизирующие мачты затонувшего парусника. Вот с высокого постамента-колонны рвется в сторону моря, навстречу подплывающим кораблям бронзовая женщина, прижимая к груди ребенка. Ее волосы, косынку и старомодное платье треплет сильный встречный ветер — жена моряка...

Вокруг города толпятся баки нефтехранилищ, на высоких трубах пылают газовые факелы. Крупнейший порт Скандинавии потребляет много нефти, продуктов ее переработки. Интересен новый бетонный мост через Гёта-Эльв, длинный, чуть ли не в версту, какой-то воздушный весь, даже хрупкий с виду. Под его высоченными пролетами могут проходить океанские суда с одиннадцатиметровой осадкой. И еще одна новинка в Гётеборге — городская библиотека, о которой надо хотя бы коротко рассказать, потому что на всю Швецию, а может быть, и на весь свет она единственная в своем роде. Ну, шесть высоких и очень светлых этажей. В просторном помещении каждого этажа собраны книги по отраслям знаний. Есть, конечно, поэтажные каталоги и целый библиографический отдел, но полки доступны каждому читателю, копайся в книгах хоть весь день. Тут же на этажах столики и кресла — читай, конспектируй, диктуй на портативный магнитофон. Это очень удобно, что вся библиотека превращена в читальный зал, но меня покорило другое. Гётеборгская библиотека — своеобразный культурный и просветительный центр, ведущий силами штатных сотрудников и общественности огромную работу с читателями. Есть небольшой кинозал, работают лектории, постоянно действуют группы, обслуживающие инвалидов, незрячих, есть обширная фонотека — ты можешь заказать пластинку, удалиться в специальную комнату, надеть наушники и, не мешая соседям, послушать Грига, Шопена, Сибелиуса, Чайковского, любимых певцов и поэтов. В зале периодики можно прочитать самые популярные издания мира, в том числе советские газеты и журналы. Библиотека с помощью современной связи может моментально получить справку из любого книгохранилища страны. Благодать!

Основной штрих в рисунке города — порт. На двенадцать километров по обеим сторонам Гёта-Эльв тянутся доки, верфи, причалы, пакгаузы, над которыми возвышаются ажурные стрелы портовых кранов. Вся правобережная часть города занята промышленными предприятиями, в том числе заводами «Вольво», главного автомобильного концерна Швеции, с годовым оборотом в шесть миллиардов крон. За прошлый год он выпустил больше двухсот тысяч легковых автомашин, пятнадцать тысяч грузовиков и полторы тысячи автобусов, отправив на экспорт семьдесят процентов продукции. На автозаводах я бывал, и сейчас меня интересовал лишь один вопрос: как специалисты «Вольво» собираются бороться с выхлопными газами, потому что проблема «автомобиль и город» осложняется во всем мире, угрожающе назревает. Каждый усредненный автомобиль выбрасывает за год около семи центнеров окиси углерода, центнер углеводородов, тридцать пять килограммов окиси азота — почти тонну летучей отравы, а по дорогам планеты движется сейчас более двухсот пятидесяти миллионов автомашин, замещая, вытесняя своими выхлопными газами огромные объемы кислорода в самом нижнем, нужном для дыхания людей слое атмосферы.

Нет, «Вольво» не собирается переходить на электромобили, даже опытов в этом направлении не ведет. Но работы по снижению токсичности выхлопных газов начаты. Специалисты концерна предлагают устройства, снижающие отравляющую силу продуктов сгорания бензина, ввести в конструкцию серийных машин, чтобы не оказаться вдруг неконкурентоспособными на мировом рынке. Подробностей пока нет, однако из общих объяснений можно понять, что по пути из бака к двигателю в бензин будут впрыскиваться специальные присадки, а по пути газов от двигателя к выхлопу их станут обезвреживать особые катализаторы. В принципе дело хорошее, поживем — увидим...

Конвейер «Вольво» отнюдь не самый современный — в нескольких местах я видел «каталей», рабочих, вручную перемещающих на подвесных рельсах корпуса машин с одной поточной линии на другую. А работа здесь и без того тяжелая — лязг и грохот, изнурительно высокий темп, вибрация, пыль, запахи синтетических красителей. Это тоже, между прочим, о к р у ж а ю щ а я с р е д а, и популярное выражение «защита окружающей среды» к данному случаю неприменимо, звучит двусмысленно; правильней было бы говорить, конечно, об улучшении среды, условий труда на рабочем месте. Шведы, поняв, что к чему, паллиативно приспособились к этой среде — попросту не идут работать на конвейеры «Вольво». Более половины рабочих завода — наемные финны, итальянцы, югославы, турки. Соглашаясь трудиться в такой среде, иностранные рабочие постоянно ощущают здесь свою общественную второсортность. Кроме того, возвращаясь по истечении контракта на родину, они оставляют в шведских фондах вычеты — налоги, страховки, больничные и иные взносы, составляющие до половины номинальной зарплаты.

Представители администрации завода, можно сказать, с гордостью сообщают, что последняя забастовка была у них пять лет назад, но я услышал тут одно интересное выражение: на «Вольво», дескать, дисциплина жестче, чем в финской армии. О дисциплине на заводе или в какой-нибудь армии ничего не могу сказать, однако, думаю, такого рода сравнение на пустом месте не возникнет. Так что чужеземные рабочие вдвойне и втройне выгодны: они бесправны, неорганизованны и приехали сюда получать то, что дадут за их труд, а не бастовать; они даже поговорить друг с другом не могут — разноязычны.

И еще одно наблюдение, связанное с «Вольво». Проехав на тележке вдоль всего конвейера, увидев сотни сосредоточенных, неулыбчивых молодых лиц, я сказал работнику отдела кадров завода господину Ульссону:

— Ни одного пожилого человека я почему-то не встретил.

— Да, у нас предприятие молодежное. Вы не найдете на конвейере даже человека средних лет.

— А возраст большинства?

— Двадцать пять, двадцать семь. В принципе не старше тридцати.

— В принципе? Почему?

— Тяжело.

Осматривал я потом барьерные испытательные стенды, на которых с помощью катапульты имитируется удар легковушки о препятствие, климатические камеры, в которых для машины создается тропическая жара и арктический холод, экспериментальную «безопасную» машину с телекамерой на багажнике и мгновенно надувающимися сиденьями, ознакомился с огромным новым техническо-рекламным центром, который обошелся в двести двадцать миллионов крон, а сам все время думал о конвейере и так называемой рабочей среде. Ведь охрана природы и защита среды — не ради среды или природы, а ради людей, и, по сути, говоря об охране и защите чего бы то ни было, мы должны иметь в виду охрану и защиту человека. Господин Ульссон рассказал, что рабочие конвейера недовольны условиями труда, жалуются на механистичность и однообразие операций, на заболевания нервной системы. Сейчас завод проводит производственный опыт: на конвейере организуются бригады, члены которых будут постоянно переходить от одной операции на другую и собирать целые узлы, меняя характер, ритм движений. Через два года вступит в строй новое предприятие, где труд будет организован по этому принципу, с заметным улучшением условий рабочей среды. Что ж, в добрый час, только думаю, если мы включаем в понятие «окружающая среда» среду рабочего места, то должны входить в нее какой-то частью и условия среды социальной...

Под крылом легкого, маневренного «фалькона» — шведские леса, поля, реки, озера. А вот и Венерн, самое большое озеро страны. Как наш Байкал, Венерн — огромная тектоническая впадина. Озеро так же красиво лежит в твердом каменном ложе, и в его воды столь же завороженно смотрятся прибрежные леса. Как Байкал, Венерн собирает множество речек и речонок, сливая их через одну большую реку Гёта-Эльв, текущую к Гётеборгу. На этом озере хорошо бы сделать остановку...

В бассейне Венерна обширные хвойные и смешанные леса — одно из главных богатств

Швеции. По рекам, впадающим в озеро, по речным долинам очень удобно доставлять сырье на озерное побережье. Есть тут также практически не ограниченные запасы чистой, нужной для варки целлюлозы воды и хорошие транспортные — железнодорожные и водные — выходы на внутренние и международные рынки.

Шведская промышленность славится глубокой переобработкой древесины, издавна предпочитает вывозить не бревно, а то, что подороже,— высокосортные пиломатериалы, фанеру, беленую суперцеллюлозу, бумагу. И озеро Венерн — центр этой многоотраслевой, технически оснащенной промышленности. Только вокруг Карлстада, расположенного в северной части водоема, сосредоточена четверть целлюлозно-бумажных мощностей Швеции.

Об озерах и лесах Швеции можно рассказать всякое. Поделиться впечатлениями о рыбалке, например, в которой я тут однажды участвовал, и сообщить попутно о правилах рыболовства, принятых в этой стране, где рыбалка — очень дорогое удовольствие: поймал ты в воскресенье или не поймал форель — твое дело, но только за право ее поймать заплати сумму, равную однодневному заработку квалифицированного рабочего. Правда, ловля рядовых, не столь ценных рыб стоит дешевле, а дети до пятнадцати лет, саами и рыболовы-любители западного побережья ничего не платят. Можно было бы о лесах написать — это любимое мое занятие,— изобразить охоту, грибной сбор или поведать о том, как средний швед отдыхает на озерах, описать белоснежные яхты, чарующие закаты, хрустальную озерную воду...

Но шведские газеты не зря в последние годы печатают о лесах и озерах деловые, гневные, подчас полные растерянности статьи, тревожась за будущее природной среды. Отмечу, что в государственных лесах Швеции соблюдаются строгие правила рубок, на практике осуществлены принципы постоянства, непрерывности пользования лесами. Хороший восстановительный режим соблюдается и в частных лесных владениях, не говоря уже о заказниках или заповедниках. Куда хуже обстоят дела в древостоях, где хозяйничают лесопромышленные компании.

Меж северным побережьем озера Венерн и норвежской границей лежит большой шведский лен Вернбланд, когда-то сплошь покрытый лесами. Сейчас здесь огромные площади захламленных лесосек. В погоне за сверхприбылью мощная частная компания «Уддехольм», например, начала в последние годы вести сплошные концентрированные рубки, оголяя даже водоразделы. В лесных низинах вырубки заболачиваются, на крутых склонах возникает эрозия почв, а реки, текущие в Венерн, иссякают, мутнеют, теряют стабильный исток и энергетические запасы. Население, лишившись извечной своей трудовой среды — леса, бросает все и переезжает на юг. Компания, сплошь скосив лесной урожай, может подсчитывать прибыли, но кто подсчитает убытки, нанесенные природной среде? И, главное, «кто остановит эту лесную кампанию?» — спрашивает газета.

Не столь уж незамутненны и шведские озера. Журналисты пишут, что озерная вода в наше время может быть обманчиво прозрачной и не содержать ничего живого, даже микробов. Вот что произошло под Стокгольмом в первую субботу июля. После массового купания в этот жаркий день многие блондины и блондинки вернулись домой... с зелеными прическами. Выяснилось, что все они купались в одном водоеме. Срочно взяли пробу воды — в ней оказались соединения меди, зеленящие светлые волосы. Причем зелень эта ничем не отмывалась, и диктор телевидения, комментирующий событие, посоветовал единственное — подождать, когда волосы отрастут. Одна из газет спрашивает: «Знаете ли вы, в каких озерах Швеции можно купаться, а в каких нет?» — И отвечает: «Не знаете».— Потом добавляет: «И мы не знаем».

В этой стране озер до недавнего времени не существовало правил, регулирующих эксплуатацию озерных богатств, не было ни одного учреждения или научного центра, которые бы изучали озера, устанавливали для них санитарные нормы. Катастрофическое загрязнение, отравление многих водоемов заставили создать Национальный научно-исследовательский институт охраны воды и воздуха. Но это лишь начало дела, а пока немало шведских озер теряет свое значение как рыбные водоемы, места отдыха или питьевые источники. И Венерн не избежал общей участи потому, что целлюлозно-бумажные предприятия не располагают ни экономическими, ни техническими возможностями полностью обезвредить отходы. Только два завода выпускают в фиорд около Карлстада четыре тысячи литров таких отходов в секунду, то есть больше миллиона тонн за трое суток. Конечно, промышленные отходы перемешиваются с массами самоочищающихся озерных вод, однако озеро мутнеет даже в центре, а в Гётеборге я не раз слышал, что Гёта-Эльв приносит из Венерна плохую питьевую воду. Приток фосфора, например, в это озеро до сих пор составляет полторы тысячи тонн в год. Но самую тяжелую нагрузку несет Меларен, подступающий к Стокгольму и снабжающий питьевой водой 1,3 миллиона человек,— за год его воды получают в соединениях восемьсот тонн фосфора и десять тысяч тонн азота.

По Швеции самостийно возникают общественные группы, которые пытаются исследовать и контролировать процесс загрязнения вод. Возникла даже целая организация «Объединение по спасению нашей воды». И у шведской общественности есть уже первые заслуги перед родной природой. Полная драматизма борьба развернулась недавно вокруг строительства бумагоделательного комбината на побережье залива Ляхолмбуктен. Пляжами этого залива пользуются сто тысяч человек; здесь шведский, можно сказать, юг — недалеко датские берега. В залив несут свои воды реки Нисса и Лаган, на которых стоят уже целлюлозно-бумажные предприятия с плохой очисткой промышленных стоков. И вот стало известно, что на морском побережье, в районе города Халмстада, без разрешения властей начинается новое большое строительство. Причем проектом не предусматривалась достаточная степень очистки жидких отходов. Хозяева будущего комбината были очень солидными — половина акций принадлежала известным богатеям Валленбергам, а другая половина делилась поровну между шведским правительством и западногерманскими фирмами. Прокурор вначале отказался поднимать дело, но вскоре было доказано, что кольцевые течения превратят залив в зловонную клоаку и налицо явное нарушение закона об охране среды, принятого шведским риксдагом несколько лет назад. Пришлось получать разрешение на строительство, проектировать дорогую, но более надежную очистку.

Можно назвать это победой? Да. Частичной и частной. Потому что ограниченный, своекорыстный практицизм, условно скажем, Валленбергов, не всегда и не везде наталкивается на осведомленность, организованность и правомочность так называемой общественности, которая не может к тому же опереться на социальные рычаги и науку, намечающую оптимальное использование природных богатств в соответствии с общими интересами.

По пути в Кируну пересекли Северный полярный круг. Для многих пассажиров это столь привычно, что стюардесса не захотела, видно, говорить банальностей и промолчала.

Так вот он, «сейф Швеции», ее главное железорудное месторождение, сырьевая основа знаменитой шведской стали, из которой многие десятилетия делаются лучшие в мире бритвенные лезвия, металлорежущий инструмент, сепараторы и шарикоподшипники. Во многих странах Европы шведский металл шел на паровозы и пароходы, на трактора, станки и — не хотелось бы вспоминать, да само вспоминается — на снаряды да танки. Мы помним, кстати, что в конце войны Шведский комитет помощи ленинградским детям передал нам медикаменты и препараты, потом на шведские средства было приобретено для наших госпиталей и поликлиник хирургическое оборудование, мы помним, что шведский Красный Крест тогда одел, обул и прокормил шестьдесят тысяч наших военнопленных по пути из Норвегии на Родину. Но невозможно забыть и другое — каждый третий советский воин, павший в битве с гитлеровскими ордами, был сражен снарядом, пулей, бомбой или миной, сделанными из шведской стали...

Кируна лежит в распадке меж двух пологих гор — Кирунавaара (Куропатка-гора) и Луоссавaара (Лосось-гора), взрытых рудными разработками с поверхности. Сейчас руду берут глубоко под землей, и берут немало, больше двадцати миллионов тонн в год. Значительная ее часть идет на экспорт через Лулео и главным образом через норвежский порт Нарвик, куда проложена по северу железная дорога. Шведскую руду с высоким содержанием железа и незначительной примесью фосфора охотно покупают Англия, ФРГ, Люксембург, Бельгия, Франция, Чехословакия, Польша, другие страны. Рудного тела, которое сейчас со всех сторон подрывается взрывчаткой, хватит при теперешних размерах добычи лет на сто. Все тут — рудники, обогатительные фабрики, производство окатышей, транспорт — принадлежит акционерному обществу ЛКАБ, девяносто пять процентов акций которого держит государство.

Население в Кируне — всего двадцать пять тысяч человек. Городок благоустроен. Дома крепкие, в основном одноэтажные и стоят свободно, перемежаемые зеленью. Березки по-северному низки. Огромное светлое небо над городом и покатыми горами опахивает местность освежающими ветрами. Меня приятно поразило, что вдоль по улицам Кируны, под березками, растут «огоньки» — чудесный дикий цветок купальница, растущий по умеренным широтам Евразии и, оказывается, проникший каким-то своим подвидом сюда, за Полярный круг. Эти маленькие модели солнышка здесь не так жарко цветут, как, скажем, на Алтае, но тоже хороши. Никто их тут не рвет — значит, любят кирунцы свой город таким, невытоптанным, и это прекрасно. Вокруг любого большого города в так называемых зонах отдыха этих самых умеренных широт все чаще попадается подорожник, конский щавель да собачья колючка и уже почти не сыщешь цветущего «огонька», ромашки и даже лютика. Жаль: скромную, ненавязчивую красоту лесного или лугового цветка не заменит яркая, подчас излишне роскошная и приторная красота садовых цветов...

Ночь в Кируне. Правда, это не была ночь в нашем понимании. Яркое солнце медленно опускалось за железную гору, освещая замершие улицы. После ужина мы решили подняться на гору, чтобы посмотреть полночное солнце. «Мы» — это я и Григол Абашидзе, который был тут в составе делегации наших парламентариев. Все устали, но поэт есть поэт. Абашидзе заявил, что он больше никогда в жизни, наверно, не увидит солнца в полночь, что пойдет в гору пешком и один. Я вызвался с ним.

Идти в гору, однако, не пришлось. Секретарь шведского риксдага Рагнар Дромберг, сопровождавший делегацию, остановил ноч-

ОСТАНОВКИ

ной полицейский патруль на колесах, и вскоре мы оказались на вершине Кирунаваары. Солнце сияло над горами, чуть притуманенное дымкой, но все же теплое. Григол Абашидзе поглядывал на него, на часы и на меня, будто говорил: все верно, слушай,— полночь и солнце!..

А назавтра мы увидели вечную тьму — просторным туннелем спустились на автобусе к рудным разработкам. Правда, это не был производственный участок, а показательный, для посетителей, но все равно тяжкое это рудокопское дело. Грохот бурильных машин, погрузчиков, рудовозных автомобилей в ограниченном пространстве очень силен, а защитный шлем и вата в ушах, кажется, еще больше тебя глушат. Сверла перфораторов охлаждаются водяными струями, кое-где влага просачивается из породы. Сильно пахнет дымом: годовой расход взрывчатки на руднике — десять миллионов килограммов, да дизельные двигатели машин отработанных газов поддают. Из-за сырого и чадного сквозняка хочется скорей наверх.

Горняки работают тут по восемь часов, в три смены. Работа есть работа, ее надо делать, но восемь часов многовато. И лечебного питания нет, дополнительных дней к отпуску тоже, и никаких тебе надбавок за вредность, ни «северных», ни «прогрессивок». «Все это входит в основную зарплату рабочего»,— сказали нам представители администрации. А «звонок», срок выхода на пенсию кирунского горняка,— шестьдесят три — шестьдесят семь лет. И снова я думаю о среде. Конечно, можно считать деревца, перебирать цветочки, это тоже будет окружающей средой, да только с подозрением, чтобы не сказать больше, я стал относиться в последнее время к себе и другим, сужающим, подменяющим односторонностью великую проблему «человек и среда», в которой клокочут действительные человеческие страсти, разыгрываются страшные людские драмы.

К сожалению, мне не пришлось побывать в рабочих забоях и на обогатительных фабриках, но вот подлинные, с магнитофона голоса горняков Кируны трех разных профессий.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ: «Пятнадцать лет я работал по укладке рельсов, работа неплохая, но в последние годы мне было трудно. Каждую шпалу нужно врыть, грунт твердый, клинья забивать трудно, звенья рельсов приходится тащить на себе, в штреках узко, рельсы надо сращивать, а потом после отпалки их снова приходится соединять и ставить на место. После отпалки копать тяжело, воздух плохой, газ. Но когда человек молод, ему ничего не страшно. А со временем и сноровка приходит.

Уж очень сильно потеешь, когда работаешь при газе. Теперь, между прочим, тоже под землей не лучше. Много выхлопных газов. Все машины с дизельными двигателями. Горняки жалуются. Говорят, будто врачи на стороне компании. Но сам я не знаю, я никогда не был у врачей.

Люди упрямы. Они все равно будут работать, даже если тяжело, пусть их тошнит, пусть они кашляют... Под землей больше платят, все боятся, что на другой работе будут меньше получать. Думают только о заработке. На здоровье наплевать.

А вот с выслугой лет — несправедливо. Служащие, ну, например, мастера, ведь они тоже не кончали никаких особенных школ. Компания организовала для них краткосрочные курсы, они поучились, сдали экзамен и стали мастерами. Проходит несколько лет, и мастер начинает получать за выслугу лет. А рабочий? Когда рабочий заболевает и не может больше выполнять ту работу, за какую ему прилично платили, вот тут-то его зарплата и снижается. А мастер с каждым годом получает за выслугу лет все больше и больше.

Некоторые очень выносливые. Но ведь не все такие. Я знал одного рабочего. Он вкалывал пять лет. И не думал о здоровье. После отпалки он первым приходил в штрек. А в это время в штреке дым и газ такой, что не продохнешь. Но он уже там со своим «поросенком». («Поросенком» мы зовем специальную погрузочную машину.) Спустится в штрек и давай грузить. Он себя не щадил. Дыма и газа в штреке было столько, что он даже не видел своего «поросенка», а только слышал, как тот гудит. Бывает, отвернешь кусок породы, и пойдет газ. Мы тоже иногда травились газом, когда спускались в штреки крепить рельсы. Сперва газ не чувствуется. А потом начинает болеть голова и рвет. Мы его много раз предупреждали и спрашивали: «Как думаешь, надолго тебя хватит, если ты будешь так вкалывать?» Ну, он и выдохся. Израсходовал себя полностью, больше у него сил не осталось. А был хороший рабочий. Где он теперь, даже не знаю».

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: «С тех пор, как я начал работать на обогатительной фабрике, меня донимают две вещи. Во-первых, грохот. Мне кажется, что все мое тело состоит из ушей, которые вот-вот лопнут, даже колени — и те превращаются в уши...

Мне кажется унизительным, что в течение всей смены люди из-за грохота не могут даже словом перемолвиться. Общаешься только с помощью жестов. Поднимешь вверх ладонь — это означает "все в порядке". Ну, а если хочется что-то рассказать, поделиться новостями, высказать свое мнение, надо ждать восемь часов — до конца смены...

Простоишь полсмены и чувствуешь себя перемолотым этим адским грохотом. Единственное, что слышишь,— когда нажмут на кнопку и остановят все машины. И тогда кажется, будто с твоих плеч сняли тяжеленную ношу.

Мы пробовали затыкать уши стекловатой и сверху надевать шлем, лишь бы не слышать грохота. Но чтобы это помогало, шлем должен сидеть на голове так плотно, что нарушается кровообращение. А чуть только ослабишь шлем, грохот обрушивается на голову, словно удары кувалды. Дома, уже несколько часов спустя после смены, все кажется, что ты еще в шлеме. Я думаю, что от шума страдают не только уши. Слышал, что люди заболевают от шума, даже если уши хорошо защищены...

Специалисты говорят, что шум не опасен для здорового, гармоничного человека. Если человек о нем не думает. А как же можно о нем не думать? Мои приятели, например, говорят, что звукоизоляционными шлемами пользоваться опасно. Не услышишь, если что случится...

Я боюсь будущего. Я не хочу лишиться контакта с людьми. Я хочу летом слышать и сверчков и все лесные шорохи. Я знаю людей, они немногим старше меня, а сверчков уже не слышат. Я видел много пожилых рабочих, которые очень сильно пострадали от шума. Они сделались такими подозрительными...

А то, что человек постоянно находится в напряжении? У многих лица дергаются от нервного тика».

ТРЕТИЙ РАБОЧИЙ: «Мне было сорок лет, когда я начал работать в ЛКАБ, меня приняли в виде исключения, обычно таких стариков не берут. До этого я был лесорубом и дорожным рабочим. На руднике я сначала работал на погрузке, потом — бурильщиком. Все было хорошо, да пальцы начали неметь. Они делались совсем белые, как бумага. Это из-за воды, инструмент приходится держать так, что вода все время течет в рукавицы. Иногда по утрам пальцы у меня были совершенно мертвые. Я ими ничего не чувствовал, жена могла бы их отрубить, я бы и не заметил. (Смех.) Теперь стало лучше. Легкие у меня в полном порядке. А вот бронхи подкачали. Врач сказал, что это хроническое, с этим уже ничего не поделать. Ночью или утром, когда просыпаюсь, горло так и дерет от сухости и дышать трудно, надо полоскать. Но легкие здоровы. У нас на руднике строгий контроль. Врачи. И за слухом тоже следят. Правда, слуха-то я лишился. Из-за машин. Как раз, когда у меня начали неметь пальцы, я заболел еще и ревматизмом. Пальцы прошли, а вот ревматизм остался. Врач сказал, что эта болезнь не проходит, но полегче мне станет. Только надо следить, чтобы ноги были всегда сухие. А на обогатительной фабрике я не обращал на это внимания и работал по колено в воде. Ревматизм сразу же дал себя знать. А с бронхами — это не опасно, только вот одышка и потеешь все время.

Это я заработал под землей. Там тяжелый воздух. Нечем дышать. Проработаешь в таком воздухе целую смену, а потом долго не можешь откашляться, и мокрота совершенно черная...

При мне один рабочий потерял зрение. Он очень хорошо пел. И работал тоже неплохо. Он не продул старое отверстие, перед тем как начал бурить. А продувать надо, там ведь может остаться динамит после отпалки. Он начал бурить, динамит взорвался, ну он и ослеп. Ему было сорок лет».

Эти потрясающие монологи записала в Кируне и опубликовала шведская писательница Сара Лидман. Я цитирую в русском переводе эти отрывки, не имея сил удержаться, перечитываю ее записки полностью и вспоминаю услышанное здесь, на севере, присловье: у саамиде были древние боги, и в каждом из них соединялось доброе и злое начало, но потом тут появился дьявол, которому теперь много работы...

Окончание следует

Молдавская комедия в Тобольске

Сцена из спектакля. В роли Даруни — Розалия Пудалова, Омидэ — Виктор Михайлов.

Фото автора.

В Тобольском драматическом театре идет новый спектакль: музыкальная комедия П. Дариенко «Опоздали песни».

Герои нового спектакля — жители одного из сел солнечной Молдавии, наши современники. Они славно трудятся, весело отдыхают, красиво поют.

Тобольский театр создал интересное зрелище, где привлекают хороший вкус и добрый юмор. Представление озарено теплом братской дружбы, любовью людей друг к другу.

Постановку спектакля осуществили главный режиссер театра Владимир Волкоморов, композитор Шандор Каллош, художник Александр Иванов, балетмейстер Валерий Прохоров.

И. ГОРЕВ

Тициан. Между 1485 и 1490—1576. ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ ТИЦИАНА ЛАВИНИИ.

Дрезденская картинная галерея.

Диего Веласкес. 1599—1660. ПОРТРЕТ ИНФАНТЫ МАРГАРИТЫ. Около 1659—1660.
Киевский государственный музей западного и восточного искусства.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

БЫТ ИЛИ НЕ БЫТ?

В одном из откликов на полемические заметки «Быт или не быт?» («Огонек» № 40 за 1972 год) свердловчанин Н. Орлов пишет: «Бывает, зайдешь в магазин, а продавцы заняты какими-то своими разговорами... Случается иногда уходить из магазина с пустыми руками, без покупки: не надоедать же продавцам».

Почему все еще есть основания для таких претензий? «Нужен специальный приказ о вежливости», — советуют читатели. Приказ о вежливости, о культуре торговли? Их издано предостаточно. Но проблему культуры общения с покупателем, с клиентом не решить только приказами.

Это видно из официальных ответов. В одном из них, подписанном заместителем министра торговли СССР С. Трифоновым, говорится: «Министерство торговли СССР рассмотрело заметки «Быт или не быт?» и считает в основном правильными критические замечания в части имеющихся недостатков в организации торгового обслуживания населения. Торговыми организациями на местах постоянно принимаются меры к их устранению: внедряя самообслуживание — как главное направление в развитии прогрессивных методов продажи товаров, они уделяют внимание и таким относительно малым формам торговли, как обслуживание покупателей на дому. Однако в связи со значительным усилением санитарных требований к торговле пищевыми продуктами и трудностями ее осуществления эта форма обслуживания развивается медленно».

Вот и не поймешь: хорошо это или плохо — повышение санитарных требований? Вроде бы хорошо! Но, оказывается, это «хорошо» стало преградой для развития удобной формы обслуживания населения. Едва ли следует ожидать снижения санитарных норм и тем более призывать к этому. Разумнее повысить санитарную культуру торговли, довести ее до уровня, который определен медиками. — **Ред.**

«Что касается продажи телевизоров в порядке обмена, — продолжает заместитель министра, — то организованный в г. Москве эксперимент себя оправдал, и сейчас такая продажа производится уже во всех союзных республиках как в государственной торговле, так и в потребительской кооперации. В порядке обмена продано более 2 миллионов штук телевизоров различных марок. По действующему порядку продажа новых аппаратов осуществляется, как правило, в тех же пунктах, где производится прием старых».

Речь в заметках «Быт или не быт?» шла о том, что, кроме обмена в магазинах, надо принимать старые телевизоры на дому, что настает время, когда следует подумать о развозной торговле, о современных коробейниках, продающих технически сложную домашнюю утварь. Но об этом в ответе заместителя министра ни слова. — **Ред.**

«Правильным является замечание в части засорения торговых залов некоторых магазинов плакатами типа «Благодарим за покупку», «Спасибо за посещение» и т. п. Министерство ведет с такими фактами борьбу.

Главному управлению торговли Мосгорисполкома даны указания о принятии мер к улучшению работы специализированного магазина «Бытовая химия» по проспекту Мира, 91».

...Ответ из министерства может и обойти частные проблемы, но уж если их касаться, то тут не годятся общие слова. Поэтому фраза «о борьбе с фактами» не может удовлетворить ни редакцию, ни читателей.

А то, что в частностях не все благополучно, отрицать едва ли кто станет. Главное в торговле — самообслуживание. Это отмечается и в ответе министерства. Но метод самообслуживания молод, и ему надо всячески помогать. И делать это должны прежде всего сами торговые работники — от продавца до министра. Однако так бывает далеко не всегда и не всюду. Вскоре после опубликования заметок «Быт или не быт?» в редакцию пришло письмо от А. Филатовой. «О случае, который произошел в магазине № 1 «Продукты» Октябрьского райпищеторга Москвы, — пишет она, — не могу не рассказать. Покупательницу попросили открыть и показать, что находится у нее в сумке. Я спросила продавца, знает ли она о приказе, изданном министром торговли СССР А. И. Струевым; в приказе сказано, что запрещается требовать от покупателя, чтобы он показывал содержимое своих портфелей и сумок. В ответ я услышала брань, что все мы, покупатели, — воры, а на приказ ей «наплевать». Никто из других продавцов не сделал замечания товарищу по работе, наоборот, ее защищали... Я попросила у заведующей книгу жалоб и предложений, но этой книги не оказалось. «Книга на проверке», — был ответ заведующей...

Мне страна, родители доверяют жизнь наших детей (я участковый врач-педиатр), а тут...» — с горечью и обидой пишет автор письма.

Случай, о котором рассказала А. Филатова, возмутителен, и редакция тотчас передала письмо в управление торговли продовольственными товарами Мосгорисполкома. И получила ответ заместителя начальника этого управления Н. Кучерова: «За проявленную грубость по отношению к покупателю продавец Надеенская Р. А. привлечена к дисциплинарной ответственности. За отсутствие должного контроля за работой продавцов и невыдачу книги жалоб директор т. Маткова и заведующая магазином т. Сокова предупреждены».

Подобные факты и столь эпически спокойные ответы тем более обидны, что именно в Москве в последние годы для развития самообслуживания, для развития торговли вообще сделано очень много. Построены прекрасные магазины, воспитаны кадры замечательных работников, любящих свое дело, гордящихся им...

В редакцию пришло еще одно письмо — от заместителя министра бытового обслуживания населения РСФСР Л. Бахметкова. Он пишет: «Некоторые виды услуг в процессе сокращения спроса на них снимаются с производства. Например, ремонт телевизоров с малым экраном или заправка шариковых авторучек, о чем было отмечено в названной статье».

На самом же деле этой «бракованной» формой обслуживания, несмотря на заверения заместителя министра, занимаются очень многие мастерские.

К сожалению, оба ответа заместителей министров во многом формальны и не могут удовлетворить читателей. На критические выступления печати хотелось бы получить от министерств ответы, из которых было бы ясно, какие конкретные меры принимаются по устранению недостатков, отмеченных в выступлении «Огонька».

Я ПОШЕЛ К ДИРЕКТОРУ...

Я пошел прямо к директору московского магазина «Диета» № 12 Н. А. Ермолаеву и спросил:

— У вас есть ассортиментный минимум товаров?

— Есть. А что?

— А то, что вы меня постоянно подводите. Уже пять лет.

— Как это?

— Утром, когда иду на работу, магазин полупустой. Молоко вчерашнее, кефира нет, колбаса одного-двух сортов. Захожу вечером — картина та же!

— А вы зайдите днем, — посоветовал директор.

— Днем я, как и большинство жителей нашего района, на работе.

— Тогда ничем помочь не могу... А ассортиментный минимум — вот он, пожалуйста, — протянул директор аккуратно переплетенную тетрадь.

Я прочитал и ахнул. До чего же богат наш магазин! Полуфабрикаты, колбаса, сыр, рыба, молочные продукты, крупы и, наконец, диетическое питание. Как хорошо, что я не знал об этом раньше, а то бы наверняка выполнил просьбу к покупателям: «О всех случаях отсутствия в продаже товаров сообщать по телефону 261-84-98». Оказывается, это номер телефона директора диетторга В. Ф. Ильина.

— А почему бы не вывесить этот список в торговом зале? — поинтересовался я.

— Да руки как-то не доходят... И потом почти все у нас есть... только днем. Ведь все товары завозят часов в двенадцать, не раньше.

Я заглянул после двенадцати... Картина, прямо скажем, милая сердцу покупателя. Правда, в основном покупатели в это время на работе, но это, видимо, директора не интересует. А вечером прилавки снова были полупустыми...

«Диета» № 12 не единственный магазин на нашей Уральской улице. Пятьсот шагов к лесу — и вот «Продукты» № 59. Здесь не оказалось, например, макарон, гречневой и пшенной крупы, кефира. Молоко вчерашнее, творог в полуразвалившихся пакетах. Но ведь и в данном случае мои претензии связаны с отсутствием товаров, не относящихся к категории дефицитных. И я уверен в том, что дефицит на прилавке создается из-за недостаточного внимания к покупателям со стороны дирекции.

В магазине есть винно-водочный отдел. Правда, его стыдливо спрятали: вход в отдел со двора, через цинковую дверь. Зато закуток этот ломится от обилия бутылок. Не случайно отдел дает магазину тридцать процентов выручки.

Никакого ассортиментного минимума в зале нет, хотя во многих магазинах он, согласно установленному порядку, вывешивается на видном месте. Не смогла найти его и заместитель директора. И только на следующий день, когда появилась Вера Васильевна Лепарская, директор магазина, удалось узнать, что в этом списке... триста наименований. Что и говорить, цифра внушительная. Но откуда она?

Тут уж у меня появилось желание позвонить директору пищеторга Куйбышевского района М. Я. Байгельману и сообщить «о случаях отсутствия в продаже товаров», но ни его телефона, ни такой просьбы в ассортиментном минимуме не было. Поэтому я обращаюсь к нему, а заодно и к директору диетторга В. Ф. Ильину письменно.

Почему в магазинах нет товаров, указанных в ассортиментном минимуме? Ведь речь идет не о деликатесах и разносолах, а о том, что всегда в достаточном количестве есть на базах и, следовательно, должно быть в магазинах. Почему в торговых залах не вывешивается ассортиментный минимум — документ, удостоверяющий права покупателя и обязанности магазина? Не пора ли подумать о более рациональной доставке товаров, чтобы прилавки были полными в удобное для покупателя время?

Видимо, я не ошибусь, если скажу, что эти вопросы волнуют всех жителей нашего района, а потому мы с нетерпением ждем ваших ответов.

Б. СОПЕЛЬНЯК

«Есенин. Поэт. Человек» — так назвал свою новую книгу известный исследователь творчества Есенина Юрий Прокушев. Сегодня мы печатаем две главы из этой книги, в которых рассказывается о поездке Есенина за рубеж и его пьесе в стихах «Страна негодяев».

ЕСЕНИН В АМЕРИКЕ

Юрий ПРОКУШЕВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ МИРГОРОД

> Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства.
>
> **Есенин.**

«В 1921 году,— отмечает Есенин в автобиографии,— я женился на Айседоре Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании». Есенин вылетел в Германию на самолете вместе с Дункан 10 мая 1922 года. За границей он пробыл почти два года. Вдали от родных берегов Есенин писал мало.

И, казалось, можно бы сделать вывод, что поездка за рубеж только задержала дальнейший творческий рост поэта. Однако сам Есенин неоднократно подчеркивал важность для него посещения Европы и Америки. «После заграницы,— подчеркивал он,— я смотрел на страну свою и события по-другому». Эту же мысль еще более определенно и ясно выразил в интервью корреспонденту газеты «Накануне» в Берлине. На вопрос об отношении его к России и событиям 1917 года поэт ответил: «Я люблю Россию. Она не признает никакой иной власти, кроме Советской. Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства». Когда Есенин собирался за границу, то его имажинистские «друзья» говорили, что там он сможет увидать, какой широкой «свободой» пользуются художники в своем творчестве на Западе, как велик там по сравнению с Россией интерес к искусству, сможет широко пропагандировать имажинистские идеи.

Столкнувшись с буржуазной действительностью, с подлинным положением писателей в западном мире, Есенин испытывает резкий перелом в своих взглядах, а главное, по-иному начинает относиться к тому, что происходит на его Родине. Об этом теперь он все чаще говорит в своих письмах. «Там, из Москвы,— пишет он А. Мариенгофу,— нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: боже мой! До чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет еще такой страны и быть не может». О господстве «господина доллара» в европейском искусстве с возмущением говорит поэт в другом письме. «Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? — пишет Есенин А. Сахарову.— Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет, здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде Господин доллар, а на искусство начихать — самое высшее мюзик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно... Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод... зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковщину».

Важно при этом подчеркнуть, что Есенин был чужд «варварского» отношения к достижениям человеческого гения в эпоху господства буржуазии. Видя в европейских странах высокое развитие техники, производства, поэт еще острее чувствует историческую неизбежность конца полевой, патриархальной Руси, а вместе с тем все очевидней для Есенина становится, что путь, на который Россия встала после Октября 1917 года,— путь социалистических преобразований страны — объективно единственно возможный и верный. Перед отъездом из Европы в Америку, пишет Есенин, я «вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь», как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию... С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах,— я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве. С такими мыслями я ехал в страну Колумба».

Эти новые для поэта взгляды ярко проявились позднее, в двадцать четвертом, двадцать пятом годах и в его творчестве.

Осенью 1922 года Есенин и Дункан приезжают в Нью-Йорк. «Страна Колумба» встретила их «гостеприимно». «Элис-Аленд — небольшой остров, где находятся карантин и всякие следственные комиссии... Оказывается, что Вашингтон,— рассказывал Есенин позднее,— получил сведения о нас, что мы едем как большевистские агитаторы. Завтра на Элис-Аленд... Могут отослать обратно, но могут и посадить...

Утром нас отправили на Элис-Аленд. Садясь на маленький пароход в сопровождении полицейских и журналистов, мы взглянули на статую Свободы и прыснули со смеху. «Бедная, старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!» — сказал я...

На Элис-Аленде нас по бесчисленным комнатам провели в комнату политических экзаменов. Когда мы сели на скамьи, из боковой двери вышел тучный, с круглой головой господин, волосы которого были вздернуты со лба челкой кверху и почему-то напомнили мне рисунки Пичугина в сытинском издании Гоголя.

— Смотри,— сказал я спутнику,— это Миргород! Сейчас прибежит свинья, схватит бумагу, и мы спасены!..

Обиженным на жестокость русской революции культурникам не мешало бы взглянуть на историю страны, которая так высоко взметнула знамя индустриальной культуры».

То, что Есенин прибыл в Америку, все больше осознавая необходимость революционных преобразований, проводимых на его Родине, позволило ему широко и проницательно взглянуть на существо американской цивилизации.

Своему очерку об Америке, напечатанному вскоре после возвращения поэта из-за границы, в августе двадцать третьего года, в газете «Известия», Есенин дал выразительное название «Железный Миргород». Поэта поразил резкий контраст между индустриальной мощью Америки, зрелостью ее технической мысли, размахом строительства в стране и бедностью внутренней культуры Америки, инертностью мысли среднего американца, его мещанским представлением о счастье жизни, в духе героев гоголевского Миргорода.

«Сила железобетона, громада зданий,— замечает по этому поводу Есенин в своем очерке,— стеснили мозг американца и сузили его зрение. Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Как у последних не было города лучше Полтавы, так и у первых нет лучше и культурней страны, чем Америка.

— Слушайте,— говорил мне один американец,— я знаю Европу. Не спорьте со мною. Я изъездил Италию и Грецию. Я видел Парфенон. Но все это для меня не ново. Знаете ли вы, что в штате Теннесси у нас есть Парфенон гораздо новей и лучше?

От таких слов и смеяться и плакать хочется. Эти слова замечательно характеризуют Америку во всем, что составляет ее культуру внутреннюю.

Характеризуя круг жизненных и культурных интересов американцев, Есенин отмечает, что

«владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в «бизнес» и остального знать не желает». И далее: «Та громадная культура машин, которая создала славу Америке, есть только результат работы индустриальных творцов и ничуть не похожа на органическое выявление гения народа. Народ Америки — только честный исполнитель заданных ему чертежей и их последователь». Вместе с тем Есенин с огромным уважением говорит о «фигуре Эдисона», который «есть сердце этой страны».

Выразительную и глубокую характеристику дает Есенин и тем «гуманным» средствам, с помощью которых Америка создавала свою индустриальную мощь и утверждала мировое господство.

«Что такое Америка?

Вслед за открытием этой страны туда потянулся весь неудачливый мир Европы, искатели золота и приключений, авантюристы самых низших марок, которые, пользуясь человеческой игрой в государства, шли на службу к разным правительствам и теснили коренной красный народ Америки всеми средствами. Красный народ стал сопротивляться, начались жестокие войны, и в результате от многомиллионного народа краснокожих осталась горсточка (около 500 000), которую содержат сейчас, тщательно огородив стеной от культурного мира... Дикий народ пропал от виски. Политика хищников разложила его окончательно. Гайавату заразили сифилисом, опоили и загнали догнивать частью на болота Флориды, частью в снега Канады».

Тяжелое впечатление оставили у Есенина дикие нравы буржуазной американской прессы. «Море огня с Бродвея,— писал он,— освещает в Нью-Йорке толпы продажных и беспринципных журналистов. У нас таких и на порог не пускают, несмотря на то, что мы живем чуть ли не при керосиновых лампах, а зачастую и совсем без огня».

Еще более резко о трагедии, на которую обречено подлинное искусство в буржуазном мире, о реакционных американских писателях, нравственно уродующих и калечащих человека, Есенин писал в 1924 году в своей автобиографии: «Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америки. Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества».

ГЛЫБА РОССИИ

Эти люди — гнилая рыба.
Вся Америка — жадная пасть,
Но Россия...вот это глыба...
Лишь бы только Советская
власть!..

Есенин.

Все, что видел, с чем столкнулся, о чем так много и тревожно размышлял поэт во время пребывания в Европе и Америке,— все это нашло свое зримое и яркое отражение в пьесе Есенина, задуманной им еще до заграничной поездки, в 1921 году.

Более подробно о замысле пьесы и работе над ней Есенина мы узнаем из воспоминаний вдовы поэта С. А. Толстой-Есениной, которая рассказывает: «Замысел пьесы «Страна негодяев» все время менялся по ходу работы. Пьеса была задумана давно. Она выросла из неосуществленной драматической поэмы. С. А. Есенин намеревался создать широкое полотно, в котором хотел показать столкновение двух миров и двух начал в жизни человечества. Такое расширение замысла у Есенина произошло после его поездки в США, о чем он мне не раз говорил... Есенин рассказывал мне, что он ходил в Нью-Йорке специально посмотреть знаменитую нью-йоркскую биржу, в огромном зале которой толпятся многие тысячи людей и совершают в обстановке шума и гама сотни и тысячи сделок. «Это страшнее, чем быть окруженным стаей волков,— говорил Есенин.— Что значат наши маленькие воришки и бандюги в сравнении с ними? Вот где она — страна негодяев!»

Над пьесой Есенин работал в 1922—1923 годах. В те годы она не была завершена окончательно. Позднее Есенин намеревался довести работу над пьесой до конца и опубликовать ее. Смерть поэта помешала осуществлению этого плана. При жизни Есениным были напечатаны две сцены из пьесы, одна — под названием «Номах», а другая — «Страна негодяев». Автограф пьесы, которую поэт считал для себя незавершенной, сохранился у сестры поэта — Екатерины Александровны Есениной. В 1926 году этот вариант пьесы был напечатан в третьем томе собрания сочинений Есенина под названием «Страна негодяев».

В отличие от лирической драмы «Пугачев» пьеса «Страна негодяев» остро публицистическая, сильная своим сатирическим пафосом и духом современности. В пьесе нашли отражение многие стороны общественно-политической жизни страны в те незабываемые годы и получила отзвук идейная борьба, которая развернулась в то время в партии и стране по главному вопросу — о путях строительства социализма в России.

Зрелость, мастерство Есенина-драматурга сказались в том, что за внешне обыкновенным, казалось бы, даже несколько авантюрно-приключенческим сюжетом — нападение анархической банды на «золотой поезд» и погоня красноармейцев за грабителями — постепенно раскрывается глубинное идейное течение пьесы и развертывается ее главный конфликт большого социально-эпического масштаба. Две группы действующих лиц: красноармейцы, рабочие, комиссары золотых приисков и железной дороги Чекистов, Чарин, Лобок во главе с коммунистом Рассветовым, и вторая — бандит Номах, его подручные Барсук и другие, а также обитатели тайного притона в приволжском городке — выступают в пьесе Есенина как два противоборствующих и непримиримых начала в общественной жизни. Первые как бы олицетворяют в пьесе новый, революционный мир, вторые — старый мир «желтого дьявола», наживы, волчьих законов жизни, частной инициативы и бизнеса, образно названный поэтом «Страной негодяев».

Первых волнует вопрос о том, как быстрей возродить страну, победить голод, холод, разруху, бандитизм. Они горячо спорят, как быстрее двинуть вперед дело индустриализации страны. Вся жизнь их устремлена в будущее.

Вторые занимаются бандитизмом, живут, как хотят, освободив себя от всех обязанностей перед обществом, считая себя «гражданами вселенной».

Какова же позиция автора пьесы, отношение его к тем лицам, которых он вывел в «Стране негодяев»?

Есенин работал над пьесой в то время, ког-

да, как он указывал сам, зрение его, особенно после Америки, «переломилось». И это отчетливо чувствуется в «Стране негодяев».

Все симпатии Есенина теперь на стороне правды Рассветова. Живая, активно действующая, колоритная фигура коммуниста Рассветова — главная идейная и художественная удача Есенина в пьесе.

Героическое начало, которое постепенно накапливалось в творчестве Есенина со времен «Песни о Евпатии Коловрате», «Марфы Посадницы», «Товарища», а затем, после Октября,— «Инонии», «Небесного барабанщика», «Кантаты», «Зовущих зорь», «Пугачева», в образе коммуниста Рассветова выражено особенно художественно ярко, многогранно и жизненно достоверно.

В ходе действия пьесы перед нами раскрываются многие замечательные черты характера Рассветова как патриота и верного сына Родины:

Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.
С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.

Вера Рассветова в силы народа, в будущее революционной России продиктована его глубокой идейной убежденностью. Из того, что Рассветов рассказывает о себе в пьесе, мы можем отчетливо представить, какой трудный жизненный путь, какую суровую школу классовой борьбы прошел наш герой. После революции 1905 года он отправился в «свободную» Америку. Там он испытал все прелести земного «рая» и навсегда возненавидел «класс грабительных банд». Отношение Рассветова к революционным событиям в России, его патриотизм, вера в Русь Советскую и вместе с тем гневное осуждение буржуазного мира — все это особенно ярко раскрывается в его монологе «Дело, друзья, не в этом», являющемся идейной кульминацией:

Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать перед всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния — это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди — гнилая рыба.
Вся Америка — жадная пасть,
Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только Советская власть!..
Мы, конечно, во многом отстали.
Материк наш:
Лес, степь да вода.
Из железобетона и стали
Там настроены города...
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи.
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она — мировая биржа!
Вот они — подлецы всех стран.

Рассветов в пьесе показан в действии, в идейных столкновениях и спорах со своими товарищами по партии, в борьбе с повстанческой бандой Номаха. В отличие от Чекистова, Лобока, Замарашкина Рассветов видит не только трудности, вызванные войной и разрухой, но, главное, пути их преодоления:

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас
Нет понимания масс...
Здесь одно лишь нужно лекарство —
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками — слава и честь.

По ходу действия Рассветов неоднократно сталкивается с Номахом. Какова же «философия» и общественная позиция этого «героя»? Он сам недвусмысленно говорит об этом:

...Я — гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!..
Мне до дьявола противны
И те и эти.
Я потерял равновесие...
Я теперь вконец отказался от многого,
И в особенности от государства...

Свой бандитизм Номах пытается прикрыть разговорами о справедливости. Готовясь к ограблению поезда с золотом, он лицемерно заявляет: «Я хочу сделать для бедных праздник» и «утешить бедного и вшивого собрата». Позднее он забывает об этих громких фразах и говорит Барсуку, что часть золота он возьмет с собой. «Остальное пока зарыть... После можно отправить в Польшу». Главарь анархистско-кулацкой банды повстанцев Номах вынашивает «мысль о российском перевороте». Рассветов ведет борьбу с Номахом и его бандой ради того,

Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядом.

Верный правде жизни, Есенин объективно, всем ходом изображения событий в пьесе показывает моральный крах Номаха, не говоря уже о Барсуке и других повстанцах. Вместе с тем в отдельных высказываниях Номаха, в частности в его монологе «Безумно? Пусть будет так», в какой-то мере отразились противоречия во взглядах Есенина на события, происходившие в стране в годы гражданской войны, особенно до поездки за границу.

Выше отмечалось, что «Страна негодяев» не была завершена. В дальнейшем Есенин предполагал перенести действие из России в Америку. Отрывок о нью-йоркской бирже, опубликованный Есениным в газете «Бакинский рабочий» 29 сентября 1924 года, говорит также о возможности расширения границ пьесы. Но и в незавершенном варианте пьеса «Страна негодяев» являет собой смелую попытку поэта показать «дорогу революции» и коммунистов, ведущих по этой дороге Россию. Тема Руси Советской, так широко представленная в творчестве Есенина в 1924—1925 годах, впервые отчетливо прозвучала именно в этой пьесе. И еще: романтический образ главного героя пьесы — комиссара-большевика Никандра Рассветова по праву может быть отнесен к числу ярких положительных образов в советской драматургии первых лет Октября.

* * *

В свое время писали много и справедливо о «половодье чувств» поэзии Есенина. А вот о другом — о крыльях мысли есенинского стиха, мысли всегда ищущей, открытой, эмоциональной, порой мучительно беспокойной— все еще говорится очень и очень редко.

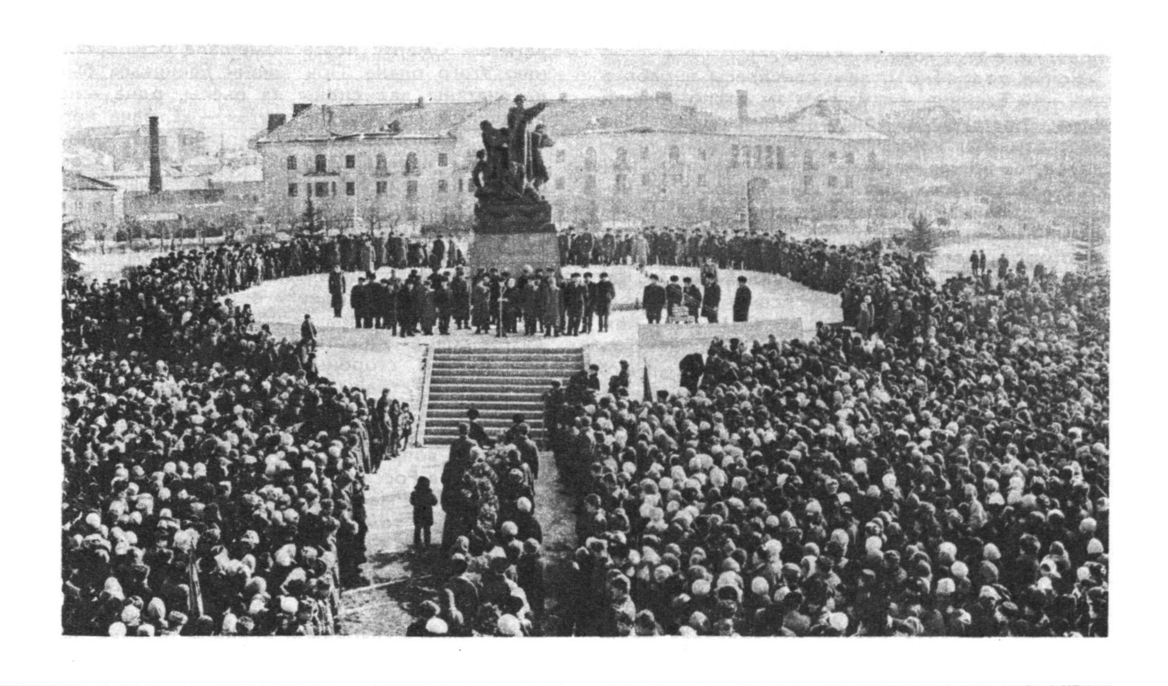
Но ведь Есенин — яркий, самобытный мыслитель. Пьеса «Страна негодяев» еще раз убеждает нас в этом. А перечитайте есенинские «Ключи Марии». Вот удивительный отрывок из этой литературно-критической работы Есенина; кажется, что сказано это не в 1918 году, а в наши дни, когда Страна Советов так смело и решительно штурмует космические дали:

«Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства. Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности».

Так мыслил, так чувствовал Есенин.

ТОРЖЕСТВА В ВЯЗЬМЕ

Вязьма, старинный русский город, отпраздновала свой второй день рождения — тридцатилетие освобождения от гитлеровских захватчиков. В гости к вязьмичам приехали ветераны Великой Отечественной войны, видные военачальники.

Торжественный митинг у памятника генералу М. Г. Ефремову.

Фото А. Гостева.

Советские биатлонисты завоевали на чемпионате мира в Лейк-Плэсиде (США) золотые медали и в личном первенстве и в эстафете. Наш замечательный лыжник Александр Тихонов в третий раз стал чемпионом мира в личной гонке, и он же в борьбе на последнем этапе с норвежцем Тором Свендесбергетом закрепил успех своих товарищей по эстафете — Геннадия Ковалева (серебряного призера в личном первенстве), Рината Сафина и Юрия Колмакова.

Перед отлетом в США наш корреспондент попросил тренера сборной команды СССР Александра Привалова рассказать о биатлоне. Вот что он сообщил.

Александр Тихонов на огневом рубеже в Лейк-Плэсиде.

Телефото АП — ТАСС.

НА ТРЕТЬЕМ РУБЕЖЕ

Интервью «Огонька»

Александр ПРИВАЛОВ, заслуженный тренер СССР

Биатлон — самая молодая ветвь одного из самых старых видов спорта — лыжного — считается двоеборьем. Действительно биатлонист должен быть не только отличным гонщиком, но и метким стрелком. Его победа складывается из минут, сэкономленных на трудной двадцатикилометровой дистанции, и секунд, сбереженных на четырех стрельбищах. Все это действительно так. И все же те, кто знаком с биатлоном, знают, что, кроме двух рубежей, стреляющий лыжник должен успешно преодолевать и третий, невидимый, незаметный и решающий.

В каждом виде спорта огромное значение имеет этот третий рубеж — волевая подготовленность, несокрушимая вера в свои возможности, но в биатлоне, как это ни парадоксально, к этим моральным добродетелям должна быть прибавлена еще разумная доля неуверенности. Этого требует коварный характер пули, которая в отличие от поговорки суворовских времен вовсе не дура. Как только пуля почувствует, что биатлонист уверовал в свою непобедимость, еще не использовав предоставленных ему двадцати патронов, так она тут же вместо золотой медали преподносит ему неудачу...

Верить в себя и не доверять самому себе — довольно сложное психологическое состояние, и если биатлонист его нарушает, тут же следует возмездие.

На Белой Олимпиаде в Саппоро итальянец Бертини имел все шансы завоевать золотую медаль. С 1958 года, когда стали проводиться чемпионаты мира по биатлону, и с 1960 года, когда стреляющие лыжники стали участниками Белых Олимпиад, итальянцам ни разу не удавалось не то что выиграть, но и попасть в число призеров, а тут после пятнадцати километров перед последним выходом на огневой рубеж Бертини стал бесспорным лидером. Но в тот же момент, когда тренер крикнул ему: «Выигрываешь!» — итальянский биатлонист дрогнул, пустил две пули в «молоко», получил четыре штрафных минуты и вместо первого места занял восемнадцатое.

А вот еще пример пулевого коварства — увы, на этот раз коснувшегося нашего лидера Александра Тихонова. Этот прекрасный спортсмен еще на Белой Олимпиаде в Гренобле имел все шансы на золотую медаль, но один промах, две минуты штрафа обеспечили успех норвежцу Сольбергу, который стрелял безошибочно.

Все последующие четыре года Тихонов выступал прекрасно. Он сумел дважды стать чемпионом мира, трижды побеждал на первенствах страны, на соревновании в Саппоро перед Олимпиадой стрелял блистательно и убедительно выиграл. И вот на самой Олимпиаде его снова подвела стрельба. Решил всего один неудачный выстрел, и вместо победы Тихонов оказался за пределами пьедестала почета, на четвертом месте.

Вот почему мы и считаем биатлон не двоеборьем, а троеборьем и уделяем много времени этому невидимому третьему рубежу, сложной психологической подготовке к стрельбе, без которой самые выдающиеся качества гонщика не могут привести его к победе.

И все же прежде всего биатлонист должен быть хорошим гонщиком — неутомимым, ловким, быстрым. Только на этой основе может строиться огневая подготовка. А теперь от стреляющего лыжника требуется еще и чувство локтя.

С 1966 года в программу биатлона, кроме личных соревнований, включена еще и эстафета. Каждый из четырех членов команды должен пройти семь с половиной километров и дважды отстреляться по стеклянным дискам или воздушным шарам: один раз лежа, а другой раз стоя. На десять шаров лыжник получает шестнадцать патронов, а за каждый нерасстрелянный диск должен пробежать круг в сто пятьдесят метров. Это — суровое наказание. Ведь в то время, как твои более меткие соперники, благополучно отстрелявшись, уходят вперед, ты будешь тратить драгоценные секунды на скольжение по кругу, прекрасно зная, что тебя на промежуточном финише ждут товарищи.

Нет, пожалуй, эстафеты более азартной и увлекательной, чем наша. И мы с гордостью можем считать, что советские биатлонисты являются сильнейшими эстафетчиками мира. Они трижды побеждали на чемпионатах мира и вот уже дважды являются чемпионами Олимпийских игр.

В Саппоро наша команда — А. Тихонов, Р. Сафин, И. Бяков, В. Маматов,— несмотря на то, что на первом этапе нам пришлось очень трудно, добилась победы...

Биатлонист берет старт, имея за плечами тяжелый груз — винтовку весом около пяти килограммов. Взвалите такую тяжесть на плечи даже таких сильных гонщиков, как Веденин или Симашев, и они растеряют немало секунд. Но биатлонист стремительно проносится двадцать километров, находит в себе силы вести точную прицельную стрельбу на стрельбищах, и все же для того, чтобы победить, он должен еще успешно выступить и на третьем, невидимом рубеже — преодолеть самого себя. Вот что такое биатлон...

ГРИШКА И РЕПКА

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ

— Давай почитаем новую книжку,— предложил я сыну.

— Давай,— охотно согласился он.— Папа, а какая книжка?

— Интересная. Называется «Репка».

Гришка уселся рядом со мной, и я начал.

— Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая...

— Что ли, удобрения вносили? — полюбопытствовал сын.

— Наверно. Ну, слушай дальше. Стал дед репку тащить. Тянет-потянет — вытянуть не может...

— Какой-то слабенький дед! — перебил Гришка.— Наверно, больной. Наш дедушка бы сразу вытащил!

— Позвал дед бабку,— продолжал я.

— А она, что ли, на пенсии?

— На пенсии. Бабка за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала бабка внучку...

— Папа, а почему она не в детском саду? — поинтересовался сын.— Там что, карантин?

— Карантин,— подтвердил я.— Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала внучка Жучку... Жучка за внучку...

— А у Жучки блох нет?

— Нет.

— Все равно потом надо будет руки помыть.

— Конечно,— согласился я.— Так вот. Тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала Жучка кошку...

— Папа, ты перепутал! — торжествующе закричал Гришка.— Кошки репку не едят!

— Ну, мало ли...— смутился я.— Может, она просто помочь вышла. Да ты слушай, не перебивай! Позвала кошка мышку. Мышка за кошку...

— Папа, а у нее что, зубов уже нету? — удивился Гришка.

— У кого, у мышки? С чего ты взял?

— Да нет, у кошки. Почему она мышку не съела?

— Некогда было. Надо было репку тащить. Ну, в общем, тянут они, потянут, вытянули репку. Вот и сказке конец! Видишь, какие молодцы! Целый день тянули и все-таки вытянули.

— Ага,— задумчиво кивнул сын.— Папа, а зачем они целый день тянули? У них, что ли, трактора не было?

— Знаешь, Гришка,— сказал я, убирая книжку в шкаф,— давай лучше в салочки сыграем.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«...И ВОКЗАЛЬНЫЙ РЕСТОРАН»

Материал под таким названием был опубликован в «Огоньке» № 4 за 1973 год. В нем рассказывалось о грубых нарушениях порядка торговли в киосках кафе и павильоне, находящихся в ведении ресторана станции Целиноград, и неудобствах, испытываемых пассажирами в результате нерадивости работников этих торговых предприятий.

Редакция получила письмо директора Целиноградского треста столовых и ресторанов тов. М. Алиева. В письме говорится:

«Заметка, опубликованная в журнале «Огонек» № 4 «...И вокзальный ресторан», обсуждена на производственном совещании железнодорожного ресторана, где присутствовали все работники, обслуживающие привокзальный район.

Кроме того, недостатки, вскрытые заметкой, были предметом обсуждения на активе работников торговли и общественного питания города Целинограда и на специальном совещании в областном управлении торговли.

В ходе обсуждения и в выступлениях работников недостатки, вскрытые статьей, признаны правильными.

Трестом столовых и ресторанов и железнодорожным ресторанов разработаны конкретные мероприятия по улучшению работы предприятий общественного питания, мелкорозничной и разносной сети, обслуживающих пассажиров железнодорожной станции Целиноград.

Буфетчики и киоскеры, нарушившие распорядок работы предприятия, трудовую дисциплину — тт. Митрохина, Гутковская, Кузнецова, Рейзыг, Валиахметова, Аникеева,— от занимаемых должностей освобождены и переведены на другие работы с понижением в должности.

За серьезные недостатки в организации обслуживания пассажиров, недостаточный контроль за работой предприятий и низкую трудовую дисциплину отдельных работников коллектива директору железнодорожного ресторана тов. Сыщенко М. М. объявлен выговор».

Материал «...И вокзальный ресторан» затронул частный, конкретный случай, однако с подобными явлениями можно столкнуться не только в Целинограде. Редакция надеется, что и другие организации, отвечающие за обслуживание пассажиров на транспорте, сделают для себя соответствующие выводы и обеспечат точное соблюдение правил торговли.

Владимир ДВОРЦОВ

ХОККЕЙ СЕГОДНЯ

Одной шайбы не хватило сборной СССР по хоккею, чтобы сохранить за собой титул чемпиона мира. Так хозяева чемпионата 1972 года — хоккеисты Чехословакии после двадцатитрехлетнего перерыва вернули себе первенство.

Чехословацкий хоккей имеет давнюю и славную историю. Когда мы еще только осваивали хоккей с шайбой, сборная Чехословакии дважды — в 1947 и 1949 годах — занимала первые места на чемпионате мира и не раз выигрывала европейское первенство.

Все чемпионаты начиная с 1954 года, когда в борьбу включились советские хоккеисты, как известно, проходили в особенно острых поединках двух лучших команд Европы: Советского Союза и Чехословакии. До 1968 года состоялось тринадцать матчей этих двух команд: десять из них выиграли советские спортсмены, два завершились вничью, и лишь один в 1961 году принес успех нашим опытным соперникам. Но с 1968 года картина изменилась. На Олимпиаде в Гренобле наша сборная проиграла команде Чехословакии со счетом 4 : 5, и хоть эта победа оказалась недостаточной для завоевания чехословацкими хоккеистами золотых медалей (они потерпели поражение от канадцев и сделали ничью со шведами), но сигнал был достаточно тревожный. На чемпионате мира и Европы 1969 года, который впервые проходил в два круга, сборная ЧССР выиграла у нашей команды обе встречи (2 : 0 и 4 : 3), но уступила в двух матчах шведам и снова не смогла подняться на высшую ступень пьедестала почета. В 1971 году на чемпионате мира в Швейцарии итоги матчей со сборной ЧССР опять не в нашу пользу (3 : 3 и 2 : 5), на сей раз нас выручили американцы, которым чехословацкая команда проиграла неожиданно 1 : 5, и шведы, одержавшие верх со счетом 6:5. И вот на чемпионате мира 1972 года в Праге чехословацкая сборная, добившись с нашей командой ничьей в первом круге (3 : 3) и победившая во втором (3 : 2), не уступив другим командам ни одного очка, завоевала мировое первенство. Из десяти встреч, проведенных с 1968 года, пять раз побеждала сборная ЧССР, три раза — наша команда и два матча завершились вничью.

Мы решили вспомнить историю потому, что летопись хоккейных встреч с чехословацкими хоккеистами на этом не завершилась: очень скоро на чемпионате мира в Москве две сильнейшие команды снова вступят в борьбу. Если изучать итоги прошлогоднего чемпионата, то можно утешить себя тем, что дело решила всего лишь одна шайба, но не будем обманывать себя. Дело не в этой шайбе. Наша неудача на чемпионате мира в Праге, как мы можем убедиться, подготавливалась не один год.

В чем же главная причина снижения класса советской сборной? Она в том, что сборная СССР исподволь, постепенно оказалась перегруженной ветеранами.

Как известно, после Саппоро сборная команда СССР получила новых тренеров, известных специалистов своего дела — Всеволода Боброва и Николая Пучкова, но у них не было, конечно, времени для того, чтобы подготовить команду к ее выступлению на чемпионате мира.

Новые тренеры прежде всего столкнулись с очень трудной проблемой: как подготовить равноценную замену для наших защитников такого мирового класса, как В. Давыдов, А. Рагулин, В. Кузькин и другие. Казалось бы, что вопрос можно решить,— ведь хоккей у нас стал игрой истинно народной. В стране более шестисот тысяч хоккеистов, сорок тысяч команд, регулярно тренирующихся и выступающих на соревнованиях. Ведь мы имеем сильные клубные команды, с успехом выступающие за рубежом и, как правило, добивающиеся там побед. Так неужели же нельзя найти в этом огромном резервуаре кадров несколько молодых, сильных защитников, которые могли бы по примеру старших товарищей, в расцвете своих сил прекрасно совмещающих оборонительные функции с наступательными, поддержать усилия сборной?

Но проблему защиты в нашем хоккее решить сразу оказалось очень трудно, и прежде всего потому, что молодых, но достаточно обстрелянных защитников в клубных командах при ближайшем рассмотрении оказалось немного. Об этом достаточно убедительно говорили итоги прошлогоднего, двадцать шестого чемпионата страны. Даже неизменный лидер клубного хоккея — команда ЦСКА испытывала нужду в молодых сильных защитниках и хотя в конце концов завоевала первенство, но в целом ряде матчей испытывала большие трудности. Ослабели защитные силы у «Спартака», ленинградского СКА, московского «Динамо». Таким образом, Всеволоду Боброву и его новому помощнику Борису Кулагину пришлось основательно потрудиться, чтобы уравновесить в сборной образца 1973 года линии нападения и защиты.

Очень важную роль в этой работе сыграли встречи с командой канадских хоккеистов, составленной из сильнейших профессионалов. Еще в Праге на чемпионате мира 1972 года было подписано соглашение о проведении восьми матчей в Канаде и в Москве. Теперь, когда эти матчи стали уже достоянием истории и страсти улеглись, мы можем здраво, без лишнего запала подвести хотя бы некоторые итоги.

Как известно, действия канадских профессионалов вызвали много нареканий, и их стремления нагнетать напряжение, сочетать игру высокого класса с низменной грубостью заставили многих любителей хоккея поставить вопрос о целесообразности дальнейших встреч наших хоккеистов с профессионалами. Не оправдывая соперников, надо сказать, что канадцы никогда не отличались корректной игрой, а тут ведь на карту был поставлен их престиж, под угрозой оказались материальные интересы игроков. «...За какие-то семь дней русские развеяли миф о превосходстве канадского хоккея и покончили с полувековой легендой о непобедимости клубов национальной хоккейной лиги»,— писал после выступления сборной СССР в Канаде широко распространенный на североамериканском континенте еженедельник «Спортс иллюстрейтед». От Монреаля до Ванкувера публика освистывала недавних кумиров. После матча в Ванкувере Билл Голдсуорси заявил: «Нас так освистали, что мне стыдно быть канадцем». Суперзвезда Фил Эспозито жаловался: «Мы старались вовсю и отдали игре все силы. Очень жаль, что наши болельщики не хотят этого понять».

Словом, ответный визит канадцев в СССР был для них визитом престижа, и тут уж они не жалели ни себя, ни своих противников. «Последний поединок серии был одним из тех редких моментов в спорте, когда все прежние рекорды и опрометчивые заявления отбрасывают в сторону, и соперники полностью отдают себя борьбе,— писала американская газета «Крисчен сайенс монитор».— Это был матч самого высокого накала, и он требовал от игроков всей энергии, сосредоточенности и проходил с огромным психологическим подъемом». В предпоследнем и последнем матчах канадцам удалось вырвать победу за считанные секунды до финишной сирены, и за Полом Хендерсоном, забросившим в обоих случаях решающие шайбы, твердо укрепилось прозвище «Счастливчик».

Конечно, мы решительно отвергаем грубое, неспортивное поведение канадцев на ледяном поле, но тут, как говорится, нет худа без добра,— ведь наши хоккеисты прошли испытания канадской «жесткостью», укрепились в своих силах, стали действовать еще сплоченнее. Кроме того, на этих матчах невиданного напряжения мы еще раз смогли убедиться в том, что главная слабость сборной страны — в ее обороне. Если в первой половине матчей наши защитники играли на равных с хоккеистами типа Эспозито, то в конце они просто физически не выдерживали напряжения последних минут, решавших исход поединков.

«Встречи с канадцами были полезны для нашей команды. В целом они прошли интересно и позволили нам, тренерам, проверить боеспособность ветеранов, определить, «кто есть кто» среди новобранцев сборной. А это дает возможность целенаправленнее готовиться к предстоящему чемпионату мира»— таково мнение о прошедших встречах с канадцами старшего тренера сборной СССР Всеволода Боброва. Вот почему Бобров постарался максимально увеличить число хоккеистов, принявших участие во встречах с канадцами. На поле выходили 27 игроков: 1 вратарь, 9 защитников и 17 нападающих. Во всех восьми состязаниях участвовали В. Третьяк, В. Лутченко, Г. Цыганков, А. Якушев, В. Шадрин, А. Мальцев, В. Петров, Б. Михайлов. Почти половина всех шайб — пятнадцать из тридцати двух — в нашей команде приходится на звено Шадрина (сам он забросил три шайбы, Якушев — семь, Зимин — две); Анисин, Ляпкин и Васильев — новобранцы сборной также сыграли отлично, забросив по одной шайбе, но вот знаменательная деталь: несмотря на великолепную игру Третьяка, профессионалы смогли забросить много шайб, что говорит о солидном превосходстве канадских нападающих над линией нашей защиты.

Да, защита остается одной из серьезнейших проблем, стоящих перед новым руководством сборной, но многое уже удалось сделать. По-прежнему в строю остаются замечательные ветераны А. Рагулин и В. Кузькин (Рагулин на новогоднем турнире в США был даже отмечен как лучший защитник), заметного прогресса за последнее время добились защитники нового поколения — В. Лутченко и В. Васильев, а появление в сборной А. Гусева с его отлично поставленным броском стало большим и интересным явлением. Успешно вы-

ступают в сборной и другие молодые защитники — Ю. Ляпкин и Г. Цыганков, а тренеры второй сборной Б. Майоров и В. Тихонов после декабрьского канадского турнира дали высокую оценку возможностям Ю. Шаталова.

О неизменном вратаре сборной В. Третьяке пишут много и восторженно. Он действительно играет великолепно, но, конечно же, нуждается в достойном сменщике. Кандидатами на пост второго вратаря являются сейчас молодой А. Сидельников и опытные В. Зингер и В. Шеповалов.

Сейчас в сборной команде нет деления на игроков основного и запасного состава. Это окрыляет хоккеистов и облегчает работу тренеров. Особенно удачно в нынешнем сезоне выступает А. Якушев. Не случайно чехословацкие журналисты прозвали нашего замечательного форварда, выступающего под номером 15,— «ЯК-15»! Тренеры сборной располагают двумя замечательными тройками нападения: Михайлов — Петров — Харламов и Мальцев — Шадрин — Якушев. Первое звено, впрочем, несколько лет тому назад в таком составе уже выступало, но потом из-за чисто клубных интересов было переформировано.

Эти два новых звена были хорошо проверены в нынешнем турнире на приз газеты «Известия» и во время турне по США. Особенно хочется отметить, что в тройке В. Шадрина заметно улучшил свою игру так слабо выступавший осенью А. Мальцев. В январе — феврале в матчах чемпионата страны великолепно сыграла пятерка спартаковцев Ляпкин — Поладьев, Мартынюк — Шадрин — Якушев, что позволило наставникам сборной включить ее целиком в сборную команду страны. Правда, острой проблемой остается третье звено нападения. Как оно будет сформировано? Котируется молодежная тройка из команды «Крылья Советов» Лебедев — Анисин — Бодунов. На турнире «Известий» эта тройка выглядела не очень убедительно, однако в турне по США сыграла значительно лучше. Но для третьего звена есть еще немало кандидатов: Е. Зимин, В. Солодухин, А. Волчков, С. Глазов, В. Викулов и другие.

Хорошо способствует трудной, селекционной работе тренеров сборной интересный, напряженный чемпионат страны и удачный календарь международных встреч. Если до этого года сразу же от остальных отрывалась команда ЦСКА и борьба за золотые медали чемпионата страны практически сразу же решалась, то сейчас мощно играют еще три клуба — «Спартак», «Крылья Советов» и «Динамо». Отдельные матчи хорошо проводят «Химик», СКА и «Торпедо». Таким образом, класс игры в общем заметно выровнялся. В начале сезона мы радовались удачному исходу матчей ЦСКА в финале розыгрыша Кубка европейских чемпионов со шведским «Брюнесом», а на новогоднем турнире — «Кубок звезд» — «Крылышки», даже в отсутствие своих лидеров Ю. Лебедева, В. Анисина, А. Бодунова, тоже сумели обыграть шведского чемпиона многих последних лет и завоевать первое место.

К сожалению, не обошлось без «ложки дегтя». В ЦСКА явно была сорвана тренировочная работа по подготовке ведущих игроков, что привело перед антрактом во всесоюзном первенстве к двум разгромным поражениям — 3 : 7 — чемпионов от горьковского «Торпедо» и «Спартака».

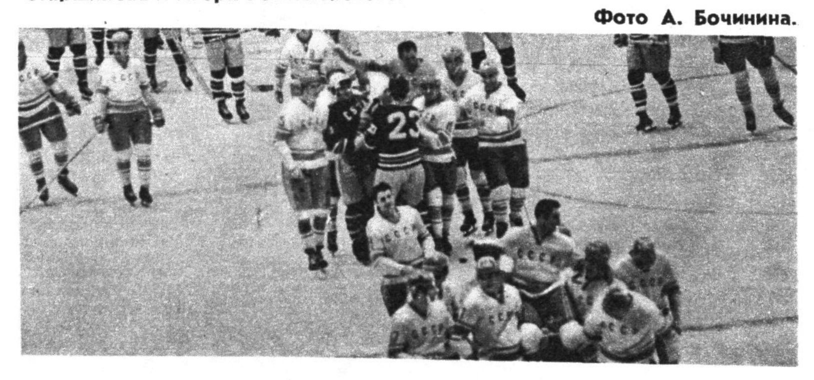
Нас радует, что вторая сборная команда становится подлинным резервом первой сборной. В декабре в турне по Канаде в ее составе выступали хоккеисты восьми клубов, и в основном молодежь. Многие из них зарекомендовали себя перспективными спортсменами.

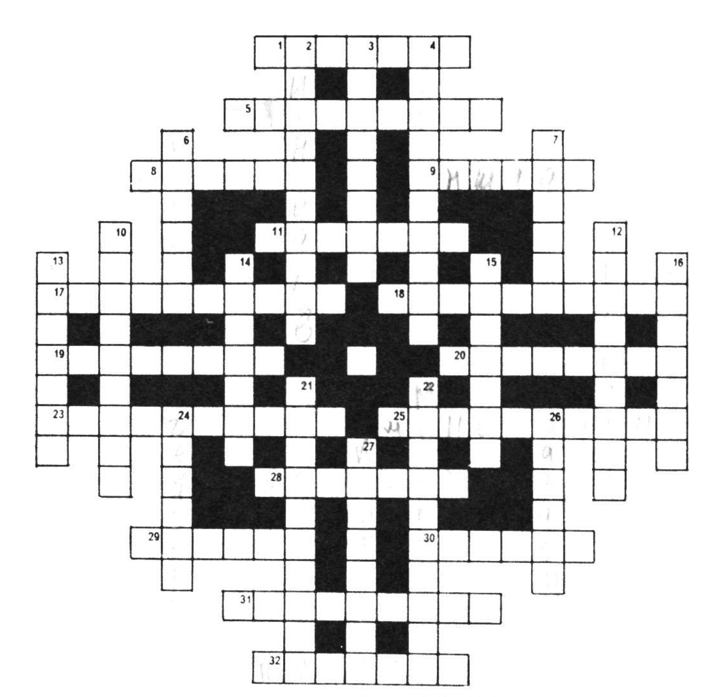
При подготовке к московскому чемпионату мира тренеры сборной столкнулись и еще, видимо, столкнутся с немалыми сложностями. Что поделаешь, путь к золотым медалям становится все труднее, но многие насущные проблемы решаются успешно.

За последние годы в международном хоккее произошли значительные изменения. Если раньше в борьбе за золотые медали принимала участие большая пятерка, то с уходом из любительского хоккея Канады и снижения класса хоккеистов США число лидеров ограничилось тремя командами — СССР, Чехословакии и Швеции. В Праге же тройка превратилась в двойку, так как шведские хоккеисты значительно снизили класс. Как развернутся события на московском льду? Прогнозы в спорте, как известно, дело неблагодарное, но думается нам, что и на сей раз в борьбе за золотые медали встретятся давние соперники — сборные команды СССР и Чехословакии. Хоккеисты ЧССР напряженно и успешно готовятся к чемпионату мира и на турнире «Известий» в Москве выступали с присущим им мастерством. Вот почему мы и начали наш рассказ о хоккее сегодняшнего дня с не совсем веселых воспоминаний. Но о них не следует забывать, готовясь к новому чемпионату мира.

На московском международном турнире «Известий» перед матчем СССР — Чехословакия состоялись проводы двух славных ветеранов сборной команды СССР. Хоккеисты уносят со льда на руках Вячеслава Старшинова и Игоря Ромишевского.

Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Сценическая площадка для концертов. 5. Медицинский инструмент. 8. Столица Ирака. 9. Театральное объявление. 11. Математический знак. 17. Персонаж комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 18. Наука о законах равновесия и движения жидкостей. 19. Областной центр в РСФСР. 20. Приток Иртыша. 23. Советский лингвист, академик. 25. Вязь из нескольких букв. 28. Игра с пением и пляской. 29. Герой древнегреческой мифологии. 30. Действующее лицо пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14—69». 31. Итальянский скульптор эпохи Возрождения. 32. Дощечка для смешивания красок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Автор оперы «Алмаст». 3. Раздел механики. 4. Выразительное чтение. 6. Гребная шлюпка. 7. Русский поэт XIX века. 10. Актер, создавший образ Котовского в одноименном фильме. 12. Короткое сатирическое стихотворение. 13. Японский остров. 14. Порт в Бразилии. 15. Живописец XVIII века, автор картины «Портрет неизвестной крестьянки в русском костюме». 16. Круглый хлеб. 21. Птица семейства вьюрковых. 22. Разновидность мотоцикла. 24. Горячий источник. 26. Драма Б. А. Лавренева. 27. Разноцветные бумажные кружочки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Фурманов. 8. Светофор. 9. Измаил. 10. Никитин. 11. Гобелен. 12. Акоста. 15. Секанс. 17. Статор. 18. Лавр. 19. Гойя. 20. Репа. 22. Сага. 24. Фрегат. 26. Ягдташ. 28. Фарлаф. 30. Мадейра. 31. Лимонад. 32. Розина. 33. «Хамелеон». 34. Черкасов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Турникет. 2. Смарида. 3. Долина. 4. Иволга. 5. Конфета. 6. Лонжерон. 13. «Коляска». 14. Терраса. 16. Скотт. 17. Сепия. 21. Арканзас. 23. Батальон. 25. Грейдер. 27. Дворжак. 28. «Фараон». 29. Фланец.

На первой странице обложки: Девушка из Раджастхана (Индия).

На последней странице обложки: Дели. В Красном форте.— У советского павильона на международной выставке в Дели.— Индийские павильоны международной выставки. — Модницы.— Дорога в пустыне.

Фото В. Николаева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ, (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

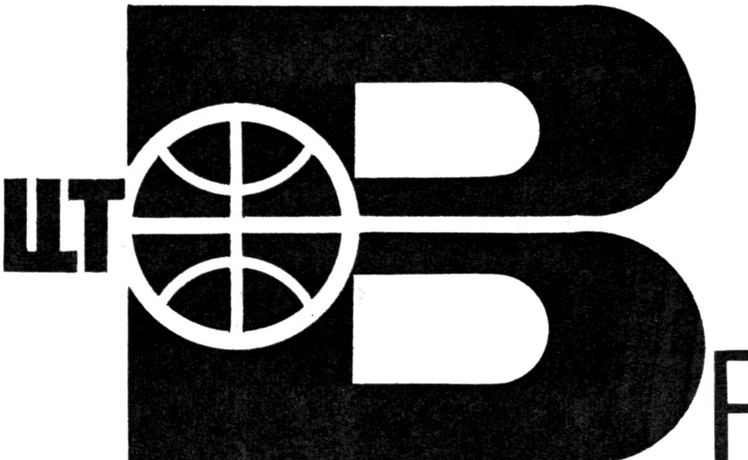
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/II 73 г. А 00035. Подп. к печ. 13/III 73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 466. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 267.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Время

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Галина Зименкова.

Каждый вечер в 21 час Центральное телевидение начинает информационную программу «Время»...

Программу эту смотрят миллионы зрителей. Но часто ли они задумываются о том, сколько труда бывает затрачено на такую вот короткую видеосводку, как сложно из тысячи сообщений отобрать важнейшие, как берегут наше внимание люди, ответственные за то, чтобы действительно лишь самое необходимое вышло на экраны телевизоров...

Программа идет всего полчаса, но многие часы длится ее подготовка.

Беспрерывно стучит телетайп. В видеомагнитофонные аппаратные поступают все новые и новые записи... Зарубежные информационные агентства, Интервидение, Евровидение, внутрисоюзные студии непрерывным потоком посылают в телецентр свои материалы. Целая лавина событий!..

Понятно, что никакой «сюжет», никакой «сценарий» не могут быть заранее предложены для такой передачи, поскольку строится она, всегда опираясь на самые что ни на есть «горячие точки» сегодняшнего дня... Сама жизнь определяет смысл, а значит, и компонует сюжет ежевечерней программы «Время», формирование которой начинается уже с утра.

Программа «Время» состоит из множества крохотных, минутных сюжетов, репортажей, сводок, интервью... И очень важно, чтобы каждый из этих материалов, прилегая один к другому, не терял своей самостоятельности, самоценности,— только тогда будет ярким и разнообразным, а в то же время прочным и целостным образ насыщенного, масштабного существования страны и всего мира... Только тогда зритель воспримет эти эпизоды не как вялую, произвольно нанизанную цепь случайных фактов, а как единый, динамический ход жизни, ее явлений во всей их глубокой, сложной взаимосвязи.

Каждый раз по-новому и на новом материале строятся все части программы. Тщательно «расслаивая» их на кадры, а потом воссоединяя, обобщая сюжет дикторским текстом, к ним подбирают еще и музыкальный фон, заставки в начале и конце части; лаконичное, но выразительное художественное оформление...

Надо напомнить, что «Время» готовится для трех телевизионных программ: это «Восток», «Орбита» и первая программа Центрального телевидения. Самая ранняя передача — для программы «Восток» — идет в 19 часов. К 21 часу происходит переверстка, то есть пополнение передачи новыми, свежими материалами. А показ для «Орбиты» начинается лишь в 14 часов следующего дня. Территория нашего государства огромна, и «Орбита» идет на самые дальние районы страны.

Итак, в 17 часов производится последний репетиционный тракт: это последняя возможность для создателей передачи что-то в ней проверить, добавить, перемонтировать, сократить...

Вот они сидят за длинным столом перед мониторами-телеэкранами, работники дежурной бригады, ответственной за передачу; чем-то они похожи на людей, принимающих экзамен и одновременно сдающих его. Да ведь так оно и есть!

Когда корреспонденты телевидения возвращаются из командировок, они порою вполне могут сделать полнометражный фильм из собранного ими материала! А в программу «Время» войдет всего лишь несколько кадров: хороший сюжет длится 30—40 секунд экранного времени. Но, как ни странно, корреспонденты всегда на это соглашаются!.. Почему же готовы они бросить под такой жестокий пресс свои почти готовые фильмы, сценарии, фотоочерки?.. Да все потому же: цена минуты — условная, конечно,— в программе «Время» необыкновенно высока! То, что прошло в этой программе, увидят и запомнят миллионы людей. Поэтому-то считается таким почетным увидеть свой материал в программе «Время». Всегда почетно выступить в этой программе и гостям нашей страны, гостям столицы, политикам, деятелям науки и культуры,— пусть на это им дадут очень немного времени.

Оказаться в центре самых важных событий — это престиж, но это и ответственность! Значит, далеко не всякий материал можно предложить для программы «Время»: напряженнейшая жизнь планеты требует глубоко осмысленного отношения к каждому событию, каждому факту.

Телевидение, как никогда, сблизило города, страны, континенты!.. Гибкое колечко узкой пленки легко умещается на нашей ладони, а в нем — события поразительной важности!

Кажется, нам ничего не стоит оживить, повторить эти события на экране... Но при существующем широком обмене внутри международных информационных агентств важно порою не только то, *что* снято на пленку, но и то, *как* снято; важна и точка зрения, и объем информации, и ее качество.

Редакция информации организована на телевидении сравнительно недавно, в 1965 году, а информационная программа «Время» родилась еще позднней. И вовсе не сразу стала она такой, какой мы видим ее сегодня. Вначале эта передача занимала 45 минут и шла как журнал. Стиль и ритм, своя, телевизионная система выразительности только-только еще отыскивались.

Но ведь этап поисков, экспериментов и сейчас не совсем завершен! Программа «Время» сама по себе предусматривает постоянные новации, изменение средств воздействия на телезрителей, которые уж обязательно включат свои телеэкраны в 21 час, чтобы увидеть и услышать хорошо знакомых дикторов.

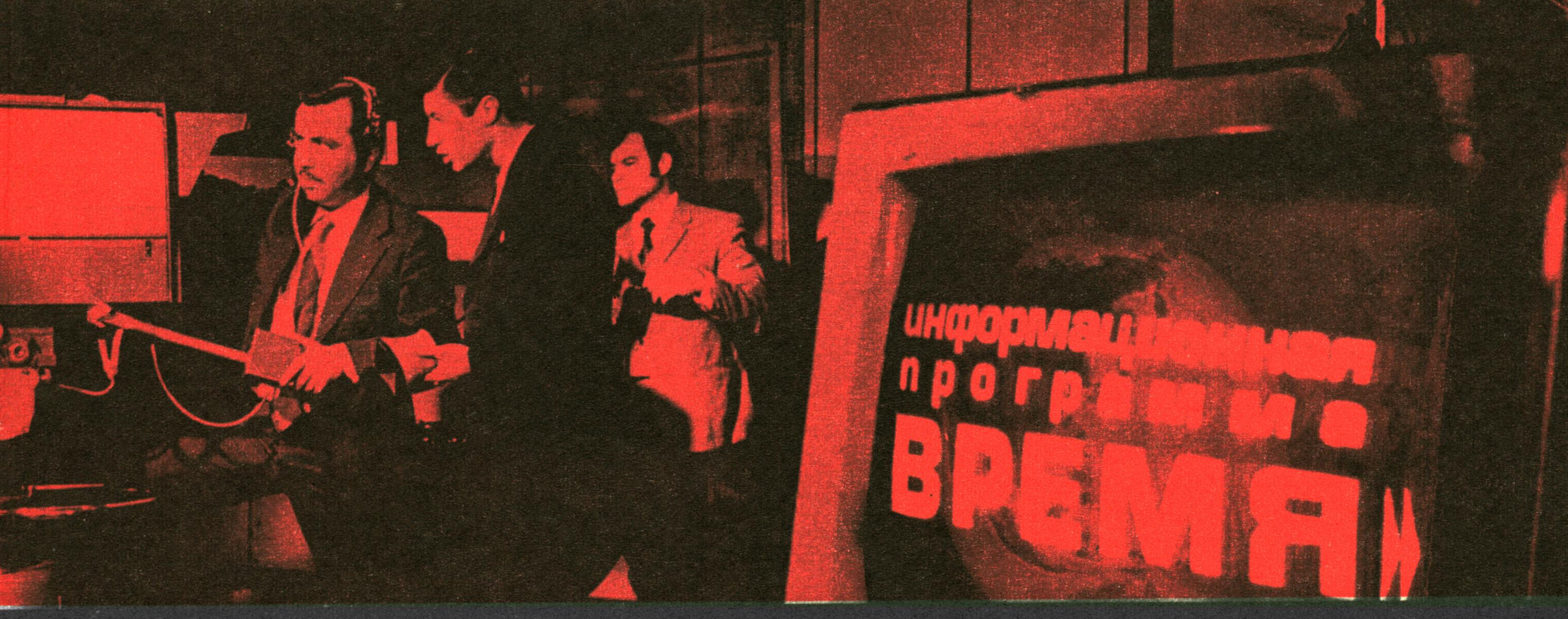
Кстати, о дикторах... Именно они сообщают нам о новостях, случившихся в мире, и что-то в нашем отношении к этим сообщениям, воспринимаемым с человеческого голоса, связано именно с дикторским рассказом — с выражением лица и глаз, которые глядят на нас с экрана... Тут уж возникает момент психологический, а внесло его в наш быт именно телевидение! Именно дикторы ТВ незаметно приучили нас к сопереживанию, к «соучастию». Именно ТВ приучило нас требовать от новостей индивидуальной, а не безликой окраски.

Появлению дикторов в эфире — таких спокойных, корректных — тоже предшествует длительная черновая работа. Перед началом передачи дикторы получают папки с так называемыми микрофонными материалами, пересматривают их и только потом выходят на 17-часовой эфирный тракт.

Вот мы в 7-й студии, откуда и ведется передача программы «Время».

На телескопических подвесах укреплена осветительная аппаратура, мигают, светятся разнообразные пульты управления. А на небольшой эстраде — стол и два стула для дикторов.

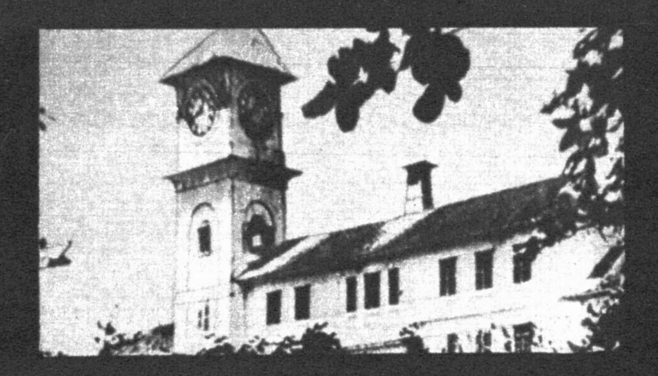
Над столом — микрофон, именуемый «журавлем»; в стол вмонтирован специальный дикторский пульт... Мы не увидим этого, когда опять станем телезрителями. С телеэкранов будут смотреть на нас знакомые лица дикторов; суета, беспокойство, спешка — все останется позади... И, как всегда, в 21 час дикторы спокойно и приветливо начнут ежевечерний разговор со своими зрителями.

Операторы Александр Ревазов, Юрий Свинкин, Юрий Афанасьев.

Показывает программа «Время».

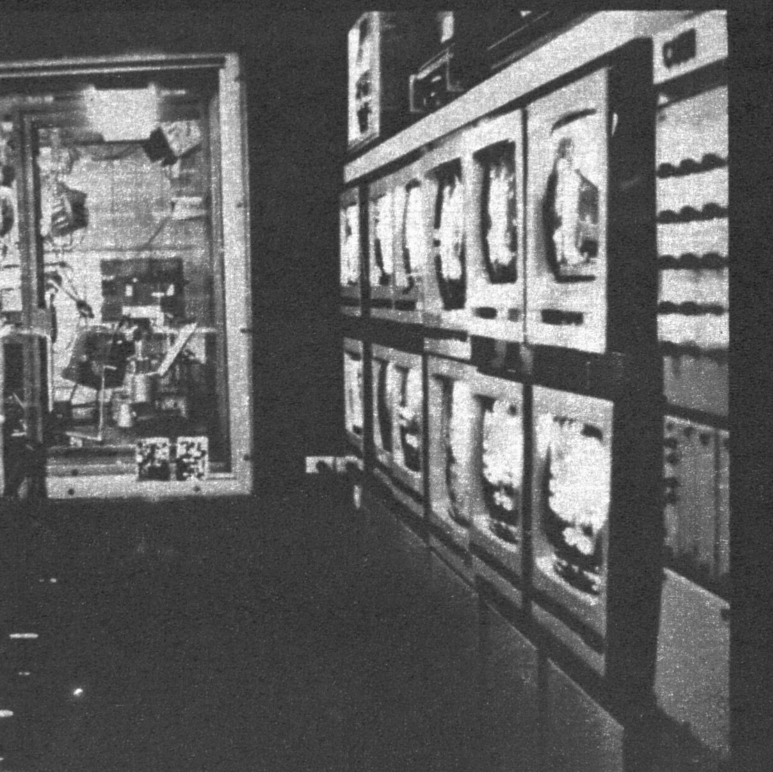

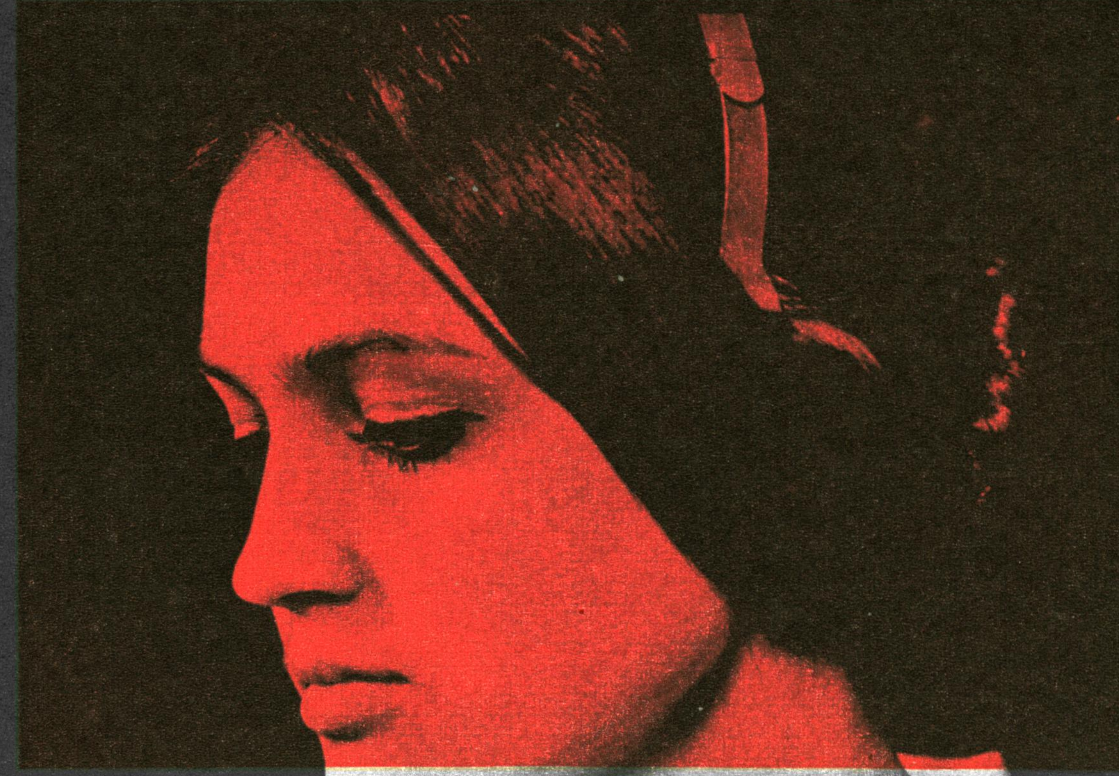

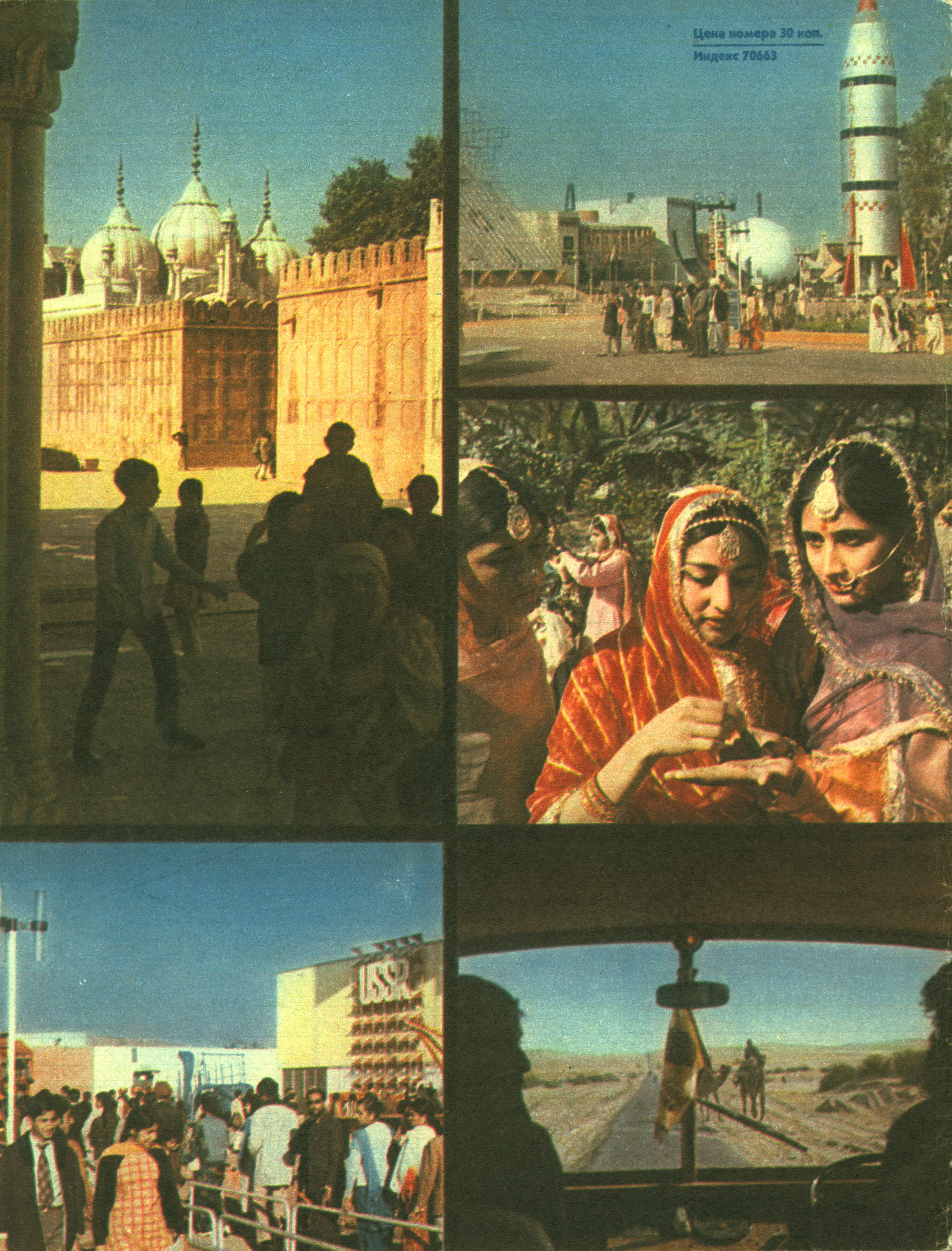
Игорь Кириллов.

Так выглядит студия информационной программы.

Помощник режиссера Марина Баранова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663